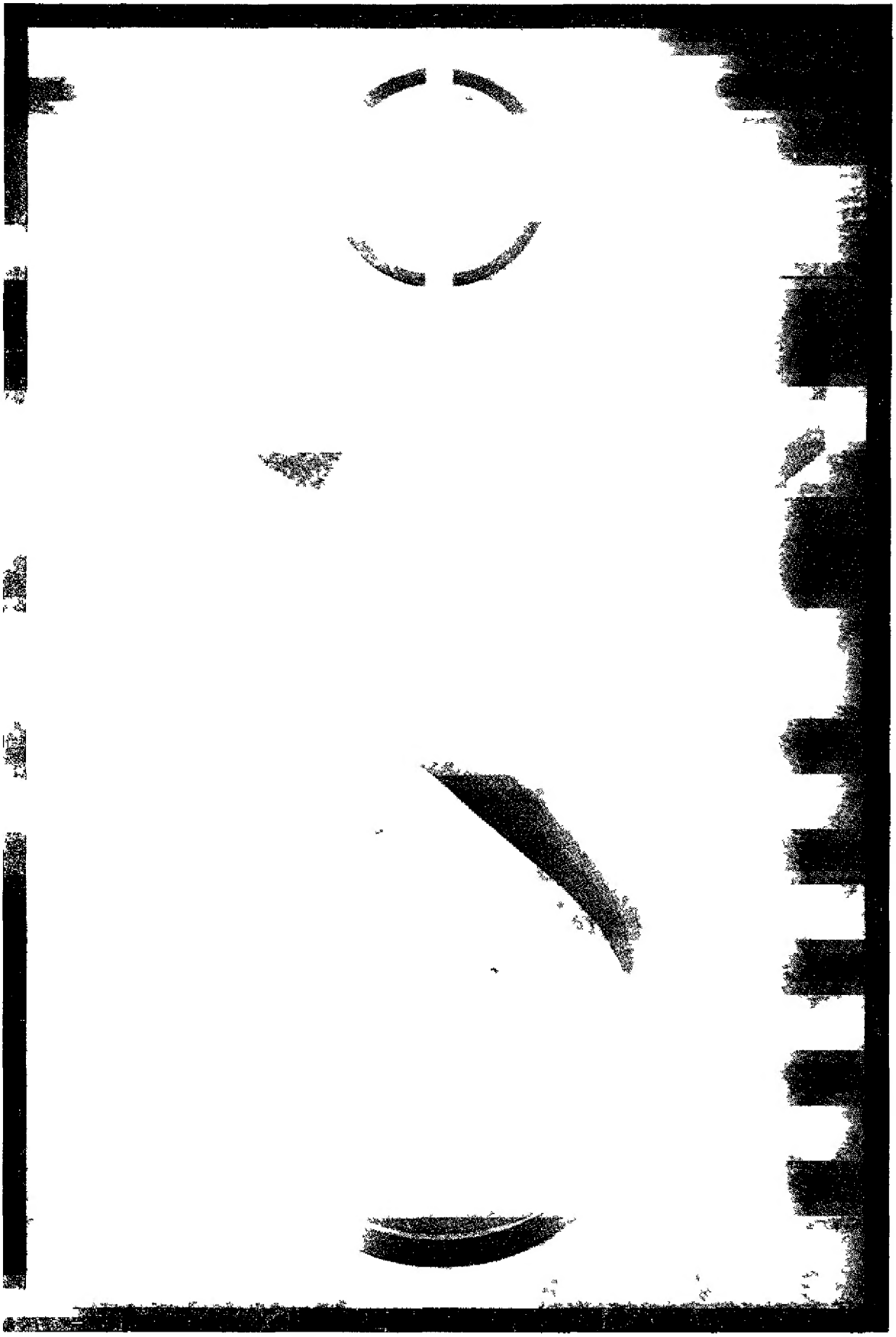
Библиотека журнала «Путь»

В.В.НАЛИМОВ

В поисках иных смыслов



В.В.Налимов • В поисках иных смыслов

«Я уже не раз писал о том, что нам нужны новые смыслы, или, точнее — нужно радикальное переосмысление прежних смыслов. Трагичность состоит в том, что процесс переосмысления должен идти в очень широком, невиданном доселе ракурсе. Готовы ли мы к этому?..»

«Надо признать, что Мироздание погружено в Тайну. Нельзя ее разгадать. Не надо и пытаться ее разгадывать. Надо просто ее признать. Ее образ — видимый всегда лишь смутно — должен непрестанно расширяться и углубляться. Надо начать приближаться к ней, стремиться стать ею, понимая, что она всегда от нас ускользает, и тем дальше, чем больше мы будем приближаться.

Надо суметь использовать взаимосвязанно все приобретенное человечеством на пути его становления — рациональное и иррациональное, эстетическое и мистическое...»

В.В.Налимов

Библиотека журнала «Путь»

В.В.НАЛИМОВ

В поисках иных смыслов

Москва
Издательская группа
«Прогресс»
1993

ББК 87.717
Н 23

Редактор *И. И. Блауберг*
Иллюстрации художника *А. Н. Дьячкова*
Художник *В. К. Кузнецов*

Налимов В. В.

Н 23 В поисках иных смыслов.– М.: Издательская группа «Прогресс».– 1993.– 280 с.

Автор исходит из представления о том, что наша – западная культура находится в критической ситуации. Ее потенциал исчерпался, ибо существующие смыслы одряхлели. Поиск нового всегда начинается с критики сложившегося. Ставятся вопросы, над которыми надо размышлять. Размышление требует расширения мировоззренческого горизонта. Вот этой теме и посвящена книга.

Автор не навязывает новой доктрины. Своими построениями он бросает вызов. Хочет, чтобы читатель стал философски размышлять вместе с ним. Искать новые пути.

Книга рассчитана на всех тех, кто созрел к тому, чтобы начать самостоятельно мыслить.

Н $\frac{0301000000-191}{006(01)-93}$ без объявл. **ББК 87.717**

ISBN 5-01-004032-8

© Оформление. Издательская группа «Прогресс», 1993

ПРЕДИСЛОВИЕ

Основная задача автора состоит в том, чтобы показать, что в наше время – в век утраты фундаментальных смыслов и всеобщей разбросанности знаний по отдельным закромам многоликой культуры – все же возможно построение единых, по-прежнему целостно звучащих метафизических систем.

Каждая философская система должна иметь свою индивидуальность. Индивидуальность нашей системы задается ее вероятностной окрашенностью. Читателю предлагается новое – вероятностное ви́дение Универсума.

Работа в этом направлении ведется уже более 15 лет. Много написано статей и книг, изданных как у нас, так и в зарубежье. Первая обобщающая книга вышла недавно:

> Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектоника личности. М., «Прометей», 1989, 287 с.

Но время шло, и работа продолжалась. Система достраивалась. Продолжалось печатание статей в журналах, малодоступных читателю в современных условиях. Именно это обстоятельство заставило нас собрать статьи вместе – в одной книге. Хотелось, чтобы читатель увидел целостную систему, публикуемую целостно.

Наш исходный постулат: в Мире есть *Тайна*. Не надо пытаться ее разгадать, ибо тогда мы разрушим ее – вульгаризируем, упростим, редуцируя грандиозное к привычному. В то же время горизонт тайны хочется расширять, трансформируя ее в образы *Запредельного*, слегка просвечивающие через туман нашего незнания.

Наше знание в действительности есть *незнание* – не вульгарное, не примитивное, а хорошо осмысленное, подчас даже подтвержденное научным экспериментом и облаченное в формулы. Горизонт нашего хорошо аргументированного незнания теперь несравненно шире того, что был у наших предков. И если можно говорить в историческом плане об интеллектуальном и духовном прогрессе, то он состоит в том, что мы сумели уйти от примитивизма «здравого смысла» к вершинам непонятного, но манящего.

Но при этом произошло расщепление общества на мирян, продолжающих жить в простоте понимания, и элиту, которая соприкоснулась с другим ви́дением Мира. Да и у элиты тоже произошло расщепление – каждый стоит у своего закрома. Ситуация, кажется, еще сложнее, чем была даже в Древнем – жреческом – Египте.

Отсюда и возможная роль философии будущего. Именно она, как мне представляется, сможет интегрировать культуру будущего. Во всяком случае, так произошло при переходе от Древнего Египта к Афинам.

Такова тема, которой посвящена эта небольшая книга. Ее содержание носит часто фрагментарный характер, ибо время для плавного, строго последовательного изложения еще не настало.

Статьи, собранные в этой книге, заново отредактированы, местами несколько изменены и дополнены.

Совместная публикация статей, конечно, нарушает привычную для нас последовательность течения мысли. Текст, говоря словами Деррида, становится нелинейным [1]. В этом есть свое преимущество: излагаемая концепция дается в динамике, т. е. в своем не завершенном еще развитии. Все в движении.

Завершая работу над книгой, я хотел бы выразить благодарность моим неизменным помощницам: Ж. А. Дрогалиной и Л. Н. Мартыновой.

---

[1] М. М. Субботин, 1993. Теория и практика нелинейного письма. – Вопросы философии, № 3, с. 36–45.

ВВЕДЕНИЕ

Смыслы, изначально заложенные в Мироздании [Налимов, 1989], раскрываются (или – иначе – распаковываются) множеством различных путей: через науку, философию, искусство, теологию и мистический опыт и, наконец, просто через жизненный путь человека, особенно если он был насыщен трагическими событиями.

В первой части книги мы рассматриваем наиболее близкие нам пути раскрытия смыслов – путь науки и путь философии – и касаемся некоторых аспектов теории сознания. Этой теме была посвящена наша предыдущая книга Спонтанность сознания.

Во второй части книги раскрываются мало исследованные проявления сознания как в плане личностном, так и в плане Вселенной в целом. Особенно серьезной сейчас представляется проблема вездесущности слабых форм сознания. Здесь же мы касаемся и того, что уже можно назвать внутренним духовным опытом, иногда интерпретируемым в мистической терминологии.

Третья часть посвящена новой проблеме – кризисному состоянию нашей культуры. Исчерпанность традиционных смыслов заставляет нас говорить о поисках новой культуры и, соответственно, иной цивилизации.

Путь раскрытия смыслов через искусство остается в тени. Эта тема требует особой, серьезной разработки.

И, наконец, путь жизненного опыта. Я готовлю свои воспоминания. Они будут называться: Канатоходец. Первые три раздела из этой работы уже освещены в журнальных публикациях: «Пролог» (Путь, 1992, № 1), «Мой отец» (Человек, 1992, № 3–4), «Об истории мистического анархизма в России» (Путь, 1993, № 3).

Часть I

О ПУТЯХ РАСКРЫТИЯ СМЫСЛОВ

И человек не станет никогда
Иным, чем то, во что он страстно верит.

М. Волошин. Космос

Глава I

ТРЕБОВАНИЕ К ИЗМЕНЕНИЮ ОБРАЗА НАУКИ [1]

> ... Новая теория, подобно всему новому, дает ощущение свободы, душевного подъема и прогресса.
>
> *П. Фейерабенд* [1986, с. 236]

Занимаясь педагогической деятельностью в университетах, думающие преподаватели всегда стремились раскрыть перед слушателями образ науки, ускользающий от непосредственного ви́дения из-за многообразия ее частных проявлений. Долгое время эта задача, непростая сама по себе, все же представлялась разрешимой.

Теперь ситуация изменилась. Наука и задаваемая ею культура достигли такого уровня зрелости, при котором путь дальнейшего развития становится неясным. Сейчас уже нельзя сказать студенту: «Учитесь у нас и делайте дальше так, как делали мы». Студента нужно подготовить к возможности видения нового образа науки.

Но каким будет этот образ? Будущее всегда непредсказуемо, и именно это делает жизнь интересной и содержательной. И уж совсем бессмысленно что-либо предсказывать в критические, переломные моменты. Пытаясь в такие моменты заглянуть в будущее, мы скорее стремимся отдать себе отчет в том, как будут выглядеть те новые проблемы, с которых начинается будущее, а не в том, как они будут решены.

Некоторые из этих проблем мы попытаемся рассмотреть ниже.

В силу поставленной задачи эта работа приобрела вид собрания отдельных, часто совсем коротких эссе. Иное не получалось.

---

[1] Ранее эта работа была опубликована в журналах: Вестник Московского университета, серия 7–Философия, 1991, № 5, с. 18–31; International Classification, Devoted to Concept Theory, Systematic Terminology and Organization of Knowledge, 1989, v. 16, № 1, p. 3–10.

1. Есть ли перспектива для дальнейшего развития научно-технического прогресса?

> И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле.
>
> *Быт. 1,28*

Долгое время считалось, что научно-технический прогресс – это несомненное благо. Но теперь настала пора усомниться в этом. И сомнение в благости научно-технического прогресса стало нарастать по мере дальнейшего развития этого процесса.

Научно-технический прогресс – это нескончаемое покорение природы, отчуждение от нее, подчинение ее все возрастающим нуждам человека. Но можно ли что-либо живое без конца покорять и подчинять? Не погибает ли всякое живое от непомерного насилия?

Перечислим хотя бы очень грубо все то, что приносит нам непрестанное, все нарастающее овладение природой: 1) экспоненциальный рост народонаселения – но всегда ли это благо и может ли это продолжаться нескончаемо? 2) развитие жизненного комфорта – но не может ли он стать губительным для человека, который был создан самой природой для непрестанного, повседневного преодоления жизненной суровости? 3) научное познание Мира – но не иллюзорно ли оно и не заводит ли оно в тупик духовную жизнь человека? 4) напряженность жизни – мы не можем представить себе жизнь вне напряженного делания, но стремление к напряженности – это вряд ли исконное свойство человека, скорее всего, здесь мы имеем дело с некоторой особенностью нашей психики, порожденной западной культурой. Восток склонен в большей степени к созерцательному восприятию Мира, сейчас он частично переключается на западный стиль жизни, где-то воспринимая его восторженно, а где-то и сурово сопротивляясь.

Но к рассматриваемой нами задаче можно подойти и с других позиций. Важно помнить о том, что наш предок стал человеком, по-видимому, с того времени, когда он начал овладевать природой. Наверное, са-

мым серьезным шагом на этом пути было приручение огня. Огонь – это не просто орудие, это *система,* ею нужно управлять, ее нужно поддерживать и охранять, она может вырваться из-под контроля и стать опасной. Человек стал учиться управлять и, учась, сразу же получил дополнительную, недостающую ему энергию. Обо всем этом удивительно ярко рассказывал Гудсблом [Goudsblom, 1988] в докладе на Ганноверском конгрессе в 1988 году.

Перед нами книга Рустама Роя [Roy, 1981], в которой сделана попытка представить в виде экспоненты рост народонаселения начиная с пятого тысячелетия до нашей эры. Несомненно, что рост народонаселения сопровождался непрестанно нарастающим (но трудно фиксируемым) овладением природой. Отчетливо фиксируемый рост средств овладения природой начинается где-то с середины прошлого века. Соответственно на графике, приведенном в книге Роя, находим близкие к экспонентам кривые роста для таких показателей, как скорость передвижения, сила взрывных средств, количество изготовляемого цемента. Список подобных экспоненциально растущих средств овладения, конечно, легко может быть увеличен. Несомненно, что рост некоторых из них выйдет в ближайшее время на насыщение (экспоненты заменятся на S-образные – логистические кривые), но им на смену придут другие, также экспоненциально растущие средства овладения – лазерная и голографическая техника, биотехнология и компьютерная техника (здесь безумный рост – удвоение – по одним показателям происходит за каждые два года, по другим – даже за год). Сейчас, по-видимому, правомерно говорить об экспоненциальном развитии процесса овладения природой в целом – он, правда, трудно фиксируем из-за того, что в игру включаются все новые и новые, несопоставимые между собой факторы.

Безудержная устремленность к овладению природой порождает ряд негативных явлений. Одни из них носят общеэкологический характер: загрязнение среды обитания (особенно водных бассейнов); разрушение почвы; изменение атмосферы (озонные дыры) – парниковый эффект (судя по лету 1988 г.) становится реальностью. Другие – касаются непосредственно человека: развитие некоторых специфических болезней, особенно психических; повышение рождаемости

дефектных детей; рост самоубийств, преступности (особенно подростковой); рост наркомании и алкоголизма; потеря уважения к труду, интереса к серьезному обучению [2]. Это уже в значительной степени вторичные явления, которые порождаются технизацией и дезиндивидуализацией труда, бюрократизацией социальных и государственных структур. Овладение природой и связанный с этим научно-технический прогресс, по-видимому, не снизили агрессивность – особенно коллективную, издревле присущую человеку. Вряд ли можно говорить о том, что человек стал умнее и терпимее, по крайней мере в плане своих социальных проявлений. Если бы кому-то вздумалось подсчитать среднее за каждое столетие число насильственно убиваемых людей, то стремительный рост этого числа, наверное, поразил бы нас.

Сказанное здесь не нуждается в детальных комментариях, поскольку эта тема уже многократно обсуждалась в печати и на многочисленных конференциях. Важно подчеркнуть, что планета Земля – удивительное космическое убежище – оказалась в опасности вместе со всеми своими обитателями. Люди, несмотря на расширяющийся комфорт жизни, неожиданно начали утрачивать *мотивацию* – основное экзистенциальное начало человека. Опасность нарастает и обретает зловещий, т. е. экспоненциально выраженный, характер. Теперь все очевиднее становится, что *научно-технический прогресс* – далеко не благо.

Социально-экономические проблемы прошлого, веками довлевшие над западным миром, начинают уступать свое место экзистенциальным проблемам. Снова стали появляться утопии – теперь, правда, уже направленные на поиски радикально иного модуса существования. Это отказ от устремленности к овладению природой. Поиск путей, открывающих возможность существования человека в содружестве с природой. Отказ от нескончаемой технизации и бюрократизации. Отказ от гедонизма. Поиски духовности в целостном ви́дении Мира [3]. Мы на грани новой, еще

---

[2] В передовой статье газеты «Известия» (15/VIII–88 г.) читаем: ...две трети детей уже в пятом классе испытывают глубокое отвращение к учению!

[3] Читая публикации на эти темы или слушая доклады на

небывалой по своей серьезности Революции. Ведь устремленность к овладению Миром нам была задана издревле.

Кто знает, что и как способно реализоваться в будущем. От нас закрыто даже ближайшее будущее. Но наша тема – изменение образа науки в смутно осознаваемом будущем. Желая приблизиться к пониманию этой темы, мы должны сформулировать следующий вопрос: как сможет существовать наука, если она не будет поддерживаться нарастающим развитием техники? Можно этому вопросу придать и более широкое звучание: как возможна наука в культуре, не ориентированной на овладение природой?

Сейчас никто, наверное, не сможет дать ответ на подобные вопросы. Но мы не должны забывать о стоящей перед нами проблеме.

2. Научна ли сама наука?

> ...Не существует ни одной более или менее интересной теории, которая согласуется со всеми известными фактами.
>
> ...Наука гораздо ближе к мифу, чем готова допустить философия науки. Это одна из многих форм мышления, разработанных людьми, и не обязательно самая лучшая.
>
> *П. Фейерабенд* [1986, с. 162 и 450]

Наше общество живет успокоенно – у него есть убежище: в своем подавляющем большинстве оно

конференциях, я неизменно вспоминаю русского утописта – П. Кропоткина, ученого (географа), путешественника и революционера-анархиста, весьма популярного перед русской Революцией и в ее первые годы, но теперь забытого (даже на его могильном памятнике не сказано, что он был революционером, а на улице его имени поставлен памятник Энгельсу). Его анархизм – это устремленность к самоуправлению на основе этического начала, истоки которого он видел в самой природе. Одна из его книг [Кропоткин, 1907] называлась Взаимопомощь как фактор эволюции. Основой его мировоззрения была глубокая вера в человека и взаимосвязанность его с природой. И к ней – этой вере – мы должны снова обратиться, если хотим надеяться на децентрализацию, дебюрократизацию, экологизацию. Будучи революционером, Кропоткин, естественно, принял Революцию, но, приняв, пытался смягчить ее. Теперь становится очевидным, что отказ от безудержной власти над природой – это также не более чем одно из проявлений мировоззрения мирного анархизма.

верит в непогрешимость науки. Верит в ее безусловную объективность. Верит так, как раньше верили в непогрешимость религии и всемогущество магии. В нашей стране всякое серьезное решение обычно сопровождается заклинанием, звучащим так: «...предлагаемое решение научно обосновано...»

Но отвечает ли сама наука тому идеалу научности, который сложился вокруг нее? Становится ли наука более научной по мере развития научно-технического прогресса? Мы рассмотрим эти вопросы в двух аспектах: преимущественно индуктивном – когда речь идет о заключениях, следующих непосредственно из эксперимента (при небольшой предварительной теоретизации), и преимущественно дедуктивном – когда вначале выдвигаются некоторые серьезные теоретические построения, подлежащие в дальнейшем лишь сопоставлениям с экспериментом.

I. *Преимущественно индуктивный метод*. Здесь мы явно имеем дело с различной степенью научности. Даже при явной недостаточности исходных знаний эксперимент все же отвечает на некий, четко поставленный вопрос – это фактор, привносимый наблюдателем. И именно глубина и четкость вопроса прежде всего определяют научность исследования. Дальше степень научности будет зависеть от способа обработки данных. Здесь может идти речь о редукции данных к стандартным вероятностно-статистическим структурам (функции распределений, кластерограммы и пр.), которые легко поддаются предметной идентификации. Это принятый в науке путь индуктивных умозаключений. Наукометрические данные свидетельствуют о росте числа публикаций с заключениями подобного рода. В качестве примера укажем на то, что даже в такой трудно квантифицируемой области знания, как психиатрия, в большинстве статей используются статистические методы (по данным [DeGroot & Mezzich, 1985], обследовавших три хорошо известных психиатрических журнала за 1980 г.).

Но с индуктивным анализом данных далеко не все просто. Обращение к математической статистике позволяет включать в рассмотрение (при современной компьютерной технике) необычайно большое число независимых переменных (скажем, 100 и более), повышая тем самым серьезность исследования. Но при

этом результаты анализа теряют свою привычную четкость. Обостряется проблема выбора измерительных шкал, задающих метрику того пространства, в котором ведется поиск кластеров. Однако выбор метрики – это уже внесение существенно дедуктивной операции в индуктивную процедуру. Всегда ли готов к этому исследователь? Возможно, конечно, вести поиск кластеров в пространствах с разной метрикой, и тогда мы будем видеть экспериментальные данные через множество различных фильтров, произвольно заданных нами... А это уже нечто новое в науке. И новизна эта с позиций прежних представлений, несмотря на всю ее привлекательность, выглядит скорее как ненаучность.

Всякий вопрос имеет не только вопрошающую, но и утверждающую часть, делающую вопрос возможным. Утверждающая часть того основного вопроса, с которого начинается исследование, может быть задана аналитическим видом некой математической модели. Тогда вопрошающей частью будет численная оценка параметров, проверка адекватности модели или выбор одной из конкурирующих моделей (если априори их было задано несколько) и, наконец, интерпретация выбранной модели. Априорный (т.е. осуществленный до эксперимента) выбор модели – это опять внесение серьезного дедуктивного момента в индуктивное, по существу, исследование. Если это сделано, то возможным становится и априорное математическое планирование эксперимента (см., например, [Nalimov, Golikova and Granovsky, 1985]). В результате резко снижаются ошибки в оценке параметров (особенно при большом числе независимых переменных) и элиминируются систематические ошибки. Но планирование эксперимента, хорошо разработанное теоретически, несмотря на все его преимущества, до сих пор не обрело достаточно широкого применения. Требование к априорному выбору модели, по-видимому, оказывается трудно выполнимым. А можно ли назвать научным эксперимент, который не планируется в соответствии с математически четко осмысленными критериями оптимальности?

Планирование эксперимента особенно важно и в задачах дискриминации, когда из нескольких конкурирующих моделей надо выбрать лучшую. В этом случае

математика используется для того, чтобы выбрать оптимальное для решения данной задачи расположение экспериментальных точек в пространстве варьируемых переменных. Но успех решения задачи здесь опять-таки зависит от наблюдателя – от того, включил ли он действительно хорошую («истинную») модель в число испытуемых [4].

Надо учитывать еще одно очень существенное обстоятельство: для того чтобы выявить систематические ошибки, эксперимент должен быть подвергнут межлабораторной проверке. Всякий, кто имел дело с такого рода проверками, знает, сколь неожиданными могут быть расхождения результатов, полученных в разных лабораториях. И сейчас – как бы парадоксально это ни звучало – мы должны признать, что развитие техники здесь стало оказывать тормозящее влияние. Вот что пишет по этому поводу биохимик А. Ньюфельд [Neufeld, 1987]:

> Сегодняшний эксперимент зависит от первоклассной техники и изощренного оборудования и часто выполняется и анализируется с помощью компьютера. Оборудование или техника дорогостоящи и сложны и могут потребовать многих лет обучения одного из авторов.
>
> Кто может потратить несколько лет своей карьеры и воспроизвести эти эксперименты?
>
> ...Истощение потребностей, возможностей и ожиданий относительно воспроизводимых результатов определяет изменение подхода к тому, как мы строим научное обоснование для гипотез, которые выдвигаем (с. 59).

Главные выводы по этому разделу будут звучать так: (1) даже в чисто экспериментальной деятельности – в какой бы области науки она ни производилась – существенна роль наблюдателя, ведущего исследование. Нельзя говорить о какой-то особой, научной объективности; (2) нельзя однозначно говорить о том, что научно-технический прогресс повышает степень научности эксперимента.

---

[4] Пример: пять моделей подвергались исследованию в лабораторных условиях. Одна из них оказалась безусловно лучшей. При переходе к промышленным испытаниям существенно лучшей оказалась другая – плохо показавшая себя в лабораторном испытании. Объяснение: выбранные модели оказались не инвариантными к масштабным изменениям. В результате лабораторное исследование только ввело в заблуждение, хотя формально все делалось безупречно.

II. *Преимущественно дедуктивный метод.* Серьезные теории строятся преимущественно дедуктивно, и здесь возникает вопрос об их согласовании с экспериментом.

Карл Поппер убедительно показал, что критерием демаркации должна быть не верифицируемость, а фальсифицируемость. Отсюда следует, что гипотеза всегда остается открытой для дальнейшей проверки [Поппер, 1983]. Идею фальсифицируемости, правда, можно было найти и в любом сколько-нибудь серьезном руководстве по математической статистике. Задачей статистического анализа данных как раз и является забота о том, чтобы поставить гипотезу в условия риска при сопоставлении с данными эксперимента [5]. Но можно ли поставить в условия риска дедуктивные концепции широкого философского звучания? Как быть с эволюционной теорией Ч. Дарвина или с концепцией бессознательного З. Фрейда?

В наши дни, кажется, и физические науки начинают становиться непопперовскими. Приведем здесь следующие, на наш взгляд, весьма серьезные высказывания Р. Морриса [Morris, 1987]:

> Я хочу только обратить внимание на то, что наблюдается расширение бреши между теорией и экспериментом. Оказалось, что физики отодвинули границы науки так далеко, что рискуют выдвигать проблемы непроверяемые и потому, возможно, бессмысленные.
>
> С другой стороны, можно стать на ту точку зрения, что наиболее далеко идущие спекуляции служат разумным научным целям. Если ученые не попытаются вообразить, какой бы могла быть истина, они никогда не смогут сказать, что́ есть истина. Можно утверждать, что, даже если мы никогда не сможем решить, существуют ли сверхвысокие размерности пространства, само открытие того, что они *могут* существовать, уже пополняет фонд нашего знания. И точно так же, если физики не попытаются раскрыть возможное существование теневой материи, они никогда не узнают, реально ли это необычное вещество.
>
> Разумнее всего было бы перестать рассуждать и просто согласиться с тем, что природа теоретических построений изменилась. В первые десятилетия двадцатого века они казались такими же причудливыми, как и сейчас. Однако в те дни спекулятивные построения либо немедленно проверялись в лабораториях, либо отбрасывались как несостоятельные.

---

[5] Подробнее критический анализ взглядов Поппера на развитие науки нами был развит в статье [Налимов, 1980] и в первой главе книги [Nalimov, 1981].

> Сегодня все не так. К 80-м годам сформировалась тенденция громоздить спекуляции друг на друга. И пока еще слишком рано говорить, к чему это приведет (с. 112–113).

Обдумывая эти интересные высказывания, хочется все же отметить, что фундаментальные для своего времени спекулятивные построения (не поставленные в условия риска при сравнении с опытом) были всегда, но они не толпились вместе – не создавали кучи. И именно они делали науку возможной, независимо от степени их правомерности с позиций ученых последующих эпох. Без них невозможно было бы задавать вопросы – не было бы утверждающей части [6]. Ограничимся здесь одним примером: начиная со времен Демокрита была уверенность в том, что материя состоит из неких неделимых элементарных составляющих. Это положение входило в утверждающую часть многих вопросов, задаваемых физиками природе. Сейчас мы знаем, что представление об элементарных частицах иллюзорно: все они не элементарны, это сложные системы; можно говорить, что каждая из них состоит из всех остальных или что все они представляют собой проявления некоего единого поля. Но могла бы физика развиться без фундаментального представления о существовании материи в виде элементарных частиц? Наблюдение, сделанное Моррисом, свидетельствует о том, что в мире физических наук все же произошло нечто очень серьезное: фундаментальные представления, потеряв совесть, стали громоздиться друг на друга.

Но на все сказанное Моррисом можно взглянуть и с позиций П. Фейерабенда, предлагающего вообще действовать контриндуктивно. Вот одно из его высказываний [Фейерабенд, 1986]:

> Некоторые, наиболее важные формальные свойства теории также обнаруживаются благодаря контрасту, а не анализу. Поэтому ученый, желающий максимально увеличить эмпирическое содержание своих концепций и как можно более глубоко уяснить их, должен вводить другие концепции, т. е. применять *плюралистическую методологию*. Он должен сравнивать идеи

---

[6] В своих предыдущих публикациях (см., например, [Nalimov, 1981]) я уже обращал внимание на то, что алхимия в своих реальных достижениях развивалась очень медленно. Алхимик мыслил мифологически, а не гипотетически – у него не было возможности задавать вопросы природе, так как не было содержательных формулировок для их утверждающей части.

с другими идеями, а не с «опытом» и пытаться улучшить те концепции, которые потерпели поражение в соревновании, а не отбрасывать их... Познание, понимаемое таким образом, не есть ряд непротиворечивых теорий, приближающихся к некоторой идеальной концепции. Оно не является постепенным приближением к истине, а скорее представляет собой увеличивающийся *океан взаимно несовместимых (быть может, даже несоизмеримых) альтернатив*, в котором каждая отдельная теория, сказка или миф являются частями одной совокупности, побуждающими друг друга к более тщательной разработке; благодаря этому процессу конкуренции все они вносят свой вклад в развитие нашего сознания (с. 161).

Рассмотрим один пример концептуального полиморфизма. А. А. Логунов [Логунов, 1987] [7] выступает против общей теории относительности (ОТО) Эйнштейна, полагая, что она излишне сложна и в то же время не полна. В краткой и весьма схематической форме позиция Логунова может быть изложена в следующих словах:

Эйнштейн сознательно отошел от концепций гравитационного поля как физического поля Фарадея – Максвелла... (с. 216); в ОТО... нельзя вывести закон сохранения энергии-импульса вещества и поля вместе взятых... перенос гравитационной энергии в пространстве от одного тела к другому невозможен... Согласно идеологии ОТО, принцип относительности неприменим для гравитационных явлений. Именно в этом центральном пункте... Эйнштейн и Гильберт... совершили... принципиальный отход от специальной теории относительности, который и привел к отказу от законов сохранения энергии-импульса и моментов количества движения... (с. 217). ...Инертная масса, определенная в теории Эйнштейна, не имеет физического смысла... (с. 218). В настоящее время принято считать доказанным, что гравитационная масса (или, как ее иногда называют, тяжелая масса) системы, состоящая из вещества и гравитационного поля, равна ее инертной массе... Однако этот вывод является неправильным (с. 221).

Логунов строит релятивистскую теорию гравитации (РТГ), в основе которой

... лежит представление о гравитационном поле как физическом поле в духе Фарадея – Максвелла, обладающем энергией-импульсом. Геометрия пространства-времени для всех физических полей является псевдоевклидовой (пространство Минковского)... законы сохранения энергии-импульса и момента количества движения строго выполняются (с. 219). РТГ объясняет всю имеющуюся совокупность наблюдательных и экспериментальных данных для гравитационных эффектов в Солнечной системе (с. 256).

---

[7] Книга Логунова читается отнюдь не просто – в ней более 700 только перенумерованных формул. Она написана резко, с вызовом.

Итак, мы видим, что по крайней мере в пределах слабого гравитационного поля Солнечной системы две теории – ОТО и РТГ – нельзя поставить в условия риска при сопоставлении. В то же время предсказания двух теорий существенно различны. Скажем, РТГ не допускает возможности существования черных дыр в пространстве-времени, предсказанных ОТО. Но черные дыры еще не обнаружены, и найти их, если они даже есть, совсем не просто.

Как же реагировать на такое противостояние гипотез, направленных на понимание основ мироздания? В нашей стране идут активные дискуссии. Происходит поляризация, и РТГ находит своих сторонников. Критерием выбора оказывается все же только *красота* построения, что носит, конечно, глубоко личностный характер. Есть и успокаивающие высказывания. Скажем, В. Л. Гинзбург, известный наш физик, в научно-популярной статье пишет [Гинзбург, 1987]:

> Итак, руководствуясь мудрым принципом «наибольшего благоприятствования», в настоящее время следует считать РТГ альтернативной теорией гравитации, нуждающейся в соответствующем анализе и обсуждении...
>
> Вместе с тем говорить о том, что ОТО в настоящее время в чем-то поколеблена, нет никаких оснований... чем больше приходилось и приходится сталкиваться с общей теорией относительности и ее критикой, тем больше у меня крепнет впечатление о ее исключительной глубине и красоте (с. 48).

Я бы сформулировал все иначе. То, что мы наблюдаем, свидетельствует о существовании глубокого релятивизма в глубинах самой науки. Нужно признать, что как ОТО, так и РТГ – это все же только метафоры, хотя и очень серьезные [8]. Ведь из ОТО следует, что гравитация – явление чисто физическое – может трактоваться как чисто геометрический феномен, и эта трактовка, как это ни странно, приводит к новым, серьезным и неожиданным высказываниям о возможном устройстве мира.

Мы остановились подробно на этом примере, так как на наших глазах раскрывается событие, возможно,

---

[8] Недавно появились еще три небольшие публикации в поддержку РТГ: [Логунов, 1992], [Базаров, 1992], [Власов, 1992]. Ничего существенно нового в них уже не содержится. Такое впечатление, что дальнейшая разработка этой теории прекратилась. Примечательно и то, что дискуссия также, кажется, замерла. Во всяком случае, на нее нет ссылок в упомянутых выше статьях.

исторического значения. Но здесь есть и еще один, чисто социальный аспект. Так рисковать мог только ученый высокого ранга. Что было бы, если бы альтернативную теорию подобной значимости предложил рядовой ученый? Как мог бы он собрать вокруг себя коллектив помощников? Кто стал бы его слушать? Скорее всего, он просто потерял бы свою должность. Оказывается, что наука подвластна действию и явно ненаучных факторов.

Обратимся теперь к таким наукам, как биология, психология, социология. В них вообще нет дедуктивных построений такой силы, как в физических науках. В биологии есть теория Дарвина, правда сильно модифицированная сейчас. Однако и в новой форме ее нельзя поставить в условия риска при сопоставлении с наблюдениями. Имеется множество публикаций, относящихся критически к дарвинизму: укажем хотя бы книги Л. Берга [Берг, 1922], Р. Шовена [Chauvin, 1985], В. Красилова [Красилов, 1986], А. Лима-де-Фариа [Лима-де-Фариа, 1992], В. Налимова [Nalimov, 1985, 1988]. Но дарвинизм все же остается непоколебимым. Почему? Ответ, кажется, звучит просто: другой теории нет, а оставаться совсем без теории представляется очень неуютным.

Итак, что означает быть научным в науке?

Мне представляется, что быть научным – это быть *метафоричным*: способным создавать плодотворные метафоры, возбуждающие воображение и тем самым расширяющие наше взаимодействие с миром. И действительно, с развитием науки увеличивается степень метафоричности ее гипотез. Одновременно с этим естественно растет и плюрализм в системе научных построений. Но отвечает ли все это традиционно принятому представлению о научности науки?

3. Обладает ли наука прогностической силой?

Принято считать, что прогноз – это одна из прерогатив науки. Выражение «научно обоснованный прогноз» стало звучать как заклинание, хотя его смысл далеко не всегда ясен, поскольку сам термин «прогноз» весьма полиморфен.

Рассмотрим здесь несколько возможных вариантов.

1. Прогноз в *физических* науках. Здесь все достаточно ясно: основой прогноза является серьезное дедуктивное построение, математически выраженное, содержащее фундаментальные, т. е. никогда не меняющиеся, константы. Такой прогноз может выходить за пределы того, что следовало из предыдущего опыта,– так, скажем, было с предсказанием возможности получения громадной энергии непосредственно из атома.

2. Прогноз *биологических* или *социальных* систем. Здесь ситуация существенно иная: обращаться приходится к индуктивно строящимся моделям, опирающимся далеко не на все независимые переменные системы; параметры таких моделей не обладают безусловной устойчивостью. *Тривиальный* прогноз, т. е. прогноз развития процессов в существенно не изменяющейся системе, конечно, возможен и при таком моделировании. Но все усилия могут потерять всякий смысл при *нетривиальном* прогнозе, когда надо предсказывать поведение системы при ее резком изменении, как это, скажем, наблюдается при целенаправленном антропогенном воздействии на ту или иную экосистему. Научно управлять природой мы не можем. Всякое искусственное вмешательство в естественные системы легко превращается в их разрушение. Очень важно это хорошо осознать [9].

4. В чем познавательная сила науки?

> 503. Весь познавательный аппарат есть абстрагирующий и управляющий – направленный не на познание, а на *овладение вещами*...
>
> 521. ...Мир *представляется* нам логичным, поскольку мы его сначала *логизировали*.
>
> *Ф. Ницше* [1910]

Познание – приобретение знания о Мире – обычно отождествляется с представлением о познании законов, действующих в природе. Но можно ли принять тезис о реальном существовании законов, задающих

[9] Принципиальные трудности, связанные с нетривиальным прогнозом, подробно обсуждены мною в работе [Налимов, 1983].

существование Вселенной? Поппер, считающий себя критическим реалистом, говорит [Поппер, 1983]:

> Мой ответ на этот вопрос – «Да» (с. 230).

Но если «Да», то это значит, что мы, безусловно, верим в рациональность мироустройства. Иными словами, мы допускаем существование некой грандиозной структуры, логически достаточно богатой для того, чтобы войти в столкновение с ограничительной теоремой Гёделя. Реально – в текущей своей работе – ученый не сталкивается с этой неприятностью, поскольку имеет дело с локальными описаниями мироздания.

Мы, в силу особенности нашего мышления, приписали Миру статус – быть рациональным. Это хорошо понимал уже Ницше [Ницше, 1910]:

> *Логика есть попытка понять действительный мир* по известной, созданной нами схеме сущего, правильно говоря: сделать его для нас более доступным формулировке и вычислению (№ 516)

Сейчас намечаются четкие попытки отойти от панлогицизма: релятивизм по отношению к теориям, право рассматривать их как метафоры; возможность приписать статус метафоры основополагающим представлениям – пространству, времени, числу, материи [Jones, 1983]; вводится, правда пока еще робко, идея спонтанности как основного фундаментального начала мироздания (подробно эта тема рассматривается в нашей работе [Налимов, 1989], а также в книге Грэхэма [Graham, 1985]).

И все же мы уверены в том, что наука обладает познавательной силой, хотя, может быть, и не так широко понимаемой, как это было раньше. Наша уверенность может быть поддержана следующими соображениями:

(1) Сколь бы условными ни были научные построения, они все же неизменно сопровождаются овладением Миром. В реальности этого процесса сомневаться не приходится – здесь все очевидно, здесь нет необходимости формулировать какие-либо критерии. Овладение Миром сопровождается расширением нашего взаимодействия с ним. Спектр нашего взаимодействия непрестанно расширяется. Этот процесс, несомненно, является познавательным. По мере овладения Миром мы узнаем о нем все больше и больше. Это – реальное знание, хотя оно и не укладывается в бесспорные, однозначно оцениваемые гипотезы. В этом процессе

овладения Миром гипотезы играют скорее всего вспомогательную роль [10].

(2) Наука позволила людям избавиться от примитивных представлений о Мире, задаваемых непосредственным чувственным общением с ним, поддержанным буквальным пониманием религиозных мифов.

(3) Наука раскрыла человеку доступные его пониманию абстрактные структуры: пространство с различными геометриями; время, в различных, мыслимо возможных его проявлениях; богатство представлений о числе и мере; представление о вероятностной мере, задающей размытость наших понятий и самих вещей, существующих в Мире; представление о бесконечно малых и их исчислении; представление о множествах; представление о возможных логиках... Опираясь на эти структуры, оказалось возможным создать многообразие языков, различным образом отражающих наше отношение к Миру и к самим себе. Вряд ли можно и нужно что-либо говорить об адекватности этих языков – они будут активно использоваться до тех пор, пока на них можно будет сообщать что-то новое.

5. Готовы ли к изменению своего курса науки, традиционно считающиеся индуктивными?

> ...Необходимо класть в основу всего число.
>
> *Платон* [1972b, № 977d]

> ...Я утверждаю, что в любом частном учении о природе можно найти науки в *собственном* смысле лишь столько, сколько имеется в ней *математики.*
>
> *И. Кант* [1966, с. 56]

Остается все же неясным, могут ли науки, ранее считавшиеся повествовательными и чуждавшиеся тео-

[10] Представление о познании как об овладении окружающим нас Миром, конечно, не ново. Это было понято уже давно, а особенно удачно сформулировано Ницше в его высказывании, приведенном в качестве эпиграфа к этому параграфу. Из каких-то, не совсем мне понятных соображений к подобным представлениям подошел и марксизм-ленинизм. В Философской энциклопедии мы читаем следующие слова [Кедров, Спиркин, 1964]:

> Познание, как отмечал Ленин, а следовательно и знание, есть процесс погружения ума в действительность ради подчинения ее власти человека (с. 562).

ретизации, обратиться к языкам, несущим абстрактные понятия.

Вихрь компьютеризации захватывает все новые и новые территории. Вместе со своими сотрудниками я уже более пяти лет оказываюсь вовлеченным в преподавание биологам того, что у нас называется *информатикой*. Фактически речь здесь идет не столько о математизации биологии, сколько о ее компьютеризации. Определенный успех достигнут. Биологи научились компьютерно решать сложные биометрические задачи, часто с очень большим числом независимых переменных. Но готовы ли биологи, освоившие работу с компьютером, к тому, чтобы оценить реалистичность тех исходных посылок, которые должны быть положены в основу построения той или иной модели?[11] А если нет, то не поведет ли вся эта активность просто к засорению нашей интеллектуальной среды обитания?

Может быть, компьютеризации биологии должна предшествовать математизация ее фундаментальных представлений. Но это значит, что биология должна стать дедуктивной наукой, хотя бы в той далеко не полной степени, как стала сейчас физика. Возможно ли это?

Мне могут возразить: а как же оценивать громадное количество публикаций[12] по математизации биологического знания? Да, они, конечно, достаточно серьезны. Но в них все же преобладают мотивы, заимствованные из физики и физической химии. Осо-

---

[11] Поясним сказанное двумя примерами. 1) Допустим, что биолог обращается к многомерному регрессионному анализу. Известна теорема о том, что оценки параметров уравнения регрессии, сделанные методом наименьших квадратов, являются несмещенными и оптимальными на классе линейных оценок. Но эта теорема справедлива только тогда, когда все независимые переменные включены в рассмотрение А когда эта предпосылка выполняется в биологических исследованиях? И какова ценность смещенных оценок – особенно в задачах управления системой, когда меняется ее ковариационная структура? 2) Во втором параграфе этой работы мы уже ставили вопрос: как можно признавать объективным результат той или иной классификации, если произвольна метрика пространства классифицируемых объектов? Чтобы содержательно обсуждать эту тему, биологу нужно будет начать мыслить биологическую задачу в геометрических представлениях.

[12] Укажем здесь хотя бы на серию книг "Lecture Notes in Biomathematics", издаваемую Springer-Verlag В этой серии в 1992 г издан уже 95-й том

бенности проявления живой природы оказываются утерянными.

Посмотрим в качестве примера на то, что происходит в большой экологии. Ю. М. Свирежев [Свирежев, 1987], давно работающий в области математической экологии, обращает внимание на неразъясненные вопросы: «как на множестве непрерывно изменяющихся параметров получить дискретные структуры» (с. 360); «как вообще можно объяснить направленность эволюции и ее принципиальную необратимость во времени» (с. 363). Оценивая ситуацию в целом, он пишет:

> Вообще, проблема выбора адекватного математического описания в экологии стоит очень остро Заимствованные из других, более математизированных наук способы описания в значительной мере себя исчерпали. Необходимо искать новые, нетрадиционные подходы, которые вполне могут опираться на известные математические концепции (с. 360).

Но можно ли вести поиск адекватного математического языка, не задев биологической аксиоматики – не определив того, что́ есть биологическое пространство и время, что́ есть изменчивость и как она соотносится с биологической стабильностью и, наконец, что́ есть сама жизнь?

Существующая сейчас математизация биологического знания сделала свое дело – она со всей очевидностью обнажила ту механистичность, на которой зиждется современная биологическая наука, и показала всю недостаточность механистического подхода.

Заканчивая этот раздел, хочется поставить вопрос: не приведет ли неловкая и слишком поспешная математизация традиционно нематематизированных разделов знания, усиленная мощью компьютеризации, к дальнейшей потере наукой степени ее научности?

6. Раскрытие знания через научно аргументированное незнание

> Мы, возводя соборы космогоний,
> Не внешний в них отображаем мир,
> А только грани нашего незнанья.
>
> *М. Волошин.* Космос

Мы должны признать, что вместе с ростом науки растет и наше незнание – не вульгарное, невежествен-

ное, а рафинированное, научно раскрываемое. Научный релятивизм, находящий свое выражение во множестве равноправных, но несовместимых гипотез, непрестанно расширяет спектр нашего незнания. Мы начинаем видеть Мир через множество разноликих образов, доступных нашему сознанию. Знание, основанное на расширяющемся незнании,– это совсем особое знание, оно внекритериально, оно не опровергаемо, а только расширяемо. У нас оно гораздо больше, чем это было у человека далекого прошлого, и много больше, чем у ученых прошлого поколения. Мы, скажем, сейчас очень много знаем о геометриях различных пространств, наверное, много еще узнаем, но никогда не узнаем о том, в каком пространстве мы реально живем, и, более того, теперь, с позиций иных, чем это было у Канта, готовы к тому, чтобы признать, что сама идея пространства – это не более чем наш образ – образ, способный к нескончаемому усложнению, но не к какому-либо конкретному приземлению.

Мы, кажется, должны признать, что в Мире есть *Тайна* – нам дано только ее углублять.

Конечно, все сказанное здесь не ново. С несколько иных, как нам кажется, менее общих позиций похожую мысль развивает Гаррисон [Harrison, 1985]:

> Несомненно, в будущем многое будет понято из того, что для нас сейчас остается темным, ставящим в тупик Но при этом, конечно, нам придется столкнуться с новыми загадками. Неизвестное, как и раньше, будет казаться угрожающим, возможно даже еще более угрожающим, чем раньше. Но сердце все равно будет жаждать откровения, которое, состоявшись, повлечет за собой новую тайну Чем больше мы узнаем, тем больше оказываемся осведомлены о том, чего не знаем (с. 171)

Далее Гаррисон обращает внимание на высказывания, сделанные еще Николаем Кузанским:

> В своей работе Об ученом незнании, написанной в 1440 году, Николай Кузанский утверждает, что темнота неграмотного незнания, рассеянная в свете знания, является другой стороной незнания, называемого им ученым незнанием, которое растет со знанием и мудростью.. Вместе со знанием приходит осведомленность о незнании – ученом незнании,– и чем больше мы знаем, тем больше становимся осведомлены о том, что не знаем (с. 273).

Удивительно то, что проблема «знания через незнание» поднималась еще древними мыслителями. Вот

как Джонас описывает отношение гностиков, устремленных к знанию, к пониманию Бога [Jonas, 1958]:

> Само знание о нем есть *знание его непознаваемости,* описание его посредством такого знания есть отрицание; так возникает *via negationis*, негативная теология, где мелодия, впервые прозвучавшая как некий символ веры, который не может быть описан, с тех пор разрастается до мощного хора в западном благочестии.
>
> Ты единственный бесконечный,
> и ты единственный глубинный,
> и ты единственный непознаваемый,
> и ты тот, которого каждый
> ищет и не находит,
> и никто не может знать тебя против твоей воли,
> и никто не может славить тебя против твоей воли...
> Ты единственный безграничный,
> и ты единственный незримый.
> Ты единственный не сущий.
>
> Гностический гимн, сохранившийся на коптском языке (с. 288–289)

Позднее апофатическое богословие было отображено с удивительной яркостью в Мистической Теологии Псевдо-Дионисия Ареопагита [13].

Итак, мы видим, что сейчас наука приближается к представлениям, намек на которые уже был дан у истоков нашей культуры.

7. Наука – рациональна или иррациональна?

Наука рациональна в том смысле, что она (1) не признает *Тайны* мироздания – верит в существование всеобщей закономерности, поддающейся логическому раскрытию; (2) требует, чтобы коммуникация между учеными была логически безупречна; (3) готова к тому, чтобы признать за компьютером возможность стать аналогом человеческого интеллекта.

Наука иррациональна в том смысле, что она (1) опирается на озарения – творческие вспышки, осуществляющиеся на дологическом уровне мышления [Налимов, 1989]; (2) в своем глубинном мышлении опирается на образы – образами могут становиться и абстрактные математические структуры [Налимов, 1989]; (3) открывает возможность видеть Мир через науч-

[13] Большая цитата из этого произведения приведена в нашей книге [Налимов, 1989].

но раскрывающееся незнание и таким образом снова возвращает нас к созерцанию Тайны мироздания.

Научная деятельность является столь же человеческой деятельностью, как и всякая другая деятельность человека. В ней рациональное неотделимо от иррационального – может быть только асимметрия, перекос в ту или другую сторону. И как всякая другая деятельность, она может заводить человека в тупик или даже приводить человечество к катастрофе.

8. Проблема человека

За все надо платить. И за преимущественное доминирование Науки в течение трех последних столетий было заплачено незнанием собственно человека, непониманием того, что есть живое. Здесь речь идет не о научно обоснованном незнании, а о незнании-невежестве. За три столетия в науке не появилось новых, существенно интересных гипотез о природе человека [Налимов, 1989]. Они и не могли появиться. Наука, для того чтобы овладеть природой, должна была объявить, что Мир устроен чисто механически. В результате возник барьер, отделяющий от научной мысли все живое и тем более – мыслящее. Он может быть охарактеризован следующими словами: (1) Был объявлен запрет на представление о том, что в Мире действует *спонтанность* (не закон). (2) Исключенной оказалась возможность существования в Мире *смыслов* как некой самостоятельной реальности. (3) Запрещенной оказалась возможность изучать свойственные живому отдельные, неповторяемые события[14]; таким образом, из поля внимания выпала не только нетривиальная творческая по своей сущности деятельность человека, но и Мир живого в целом, существующий также в своей неповторимой изменчивости.

---

[14] Даже у Поппера [Поппер, 1983] мы читаем:

> ... мы знаем, что невоспроизводимые отдельные события не имеют значения для науки (с. 115).

9. Как возможно целостное видение Мира?

> Нам нужен *внешний* стандарт критики, множество альтернативных допущений, или – поскольку эти допущения будут наиболее общими и фундаментальными – нам нужен совершенно иной мир – *мир сновидений. С его помощью мы обнаружим характерные особенности реального мира, в котором, как нам кажется, мы живем* (и который в действительности может быть лишь другим миром сновидений).
>
> *П. Фейерабенд* [1986, с. 163–164]

Этот вопрос уже поставлен во всей своей остроте – см., например, журнал ReVision [Special Issue, 1986], целиком посвященный этой теме. Здесь я ограничусь только тем, что изложу свою позицию.

Мне представляется, что в парадигме нашей культуры должны произойти радикальные, пожалуй, даже революционные сдвиги.

Надо будет прежде всего освободиться от всех доктринальных пут – какими бы они ни были: идеологическими, философскими, научными, религиозными или эстетическими. Для того чтобы это произошло, надо, чтобы парадигма культуры стала многомерной структурой.

Надо будет освободиться от локальности описания мироздания, при которой ученый оказывается озабоченным изучением некоего явления только в рамках своей узкой специальности. Существуют, по-видимому, процессы, протекающие сходным образом на разных уровнях Универсума и нуждающиеся, следовательно, в едином, сквозном описании. С такой проблемой мне пришлось столкнуться при подготовке доклада на конференции по *Самоорганизации* [15].

В моем понимании, самоорганизация представляет собой *Творческий* процесс. Он может быть описан единой моделью на всех уровнях существования Вселенной, начиная от космогонического уровня и кончая уровнем человеческой деятельности. При таком под-

---

[15] Международная конференция «Самоорганизация как парадигма наук», Университет в Кайзерслаутерне (Германия), сентябрь 1992 г.

ходе, естественно, приходится признавать вездесущность того или иного *Сознания* в различных формах бытия. Подробнее эта тема будет освещена в главе VI.

Здесь важно подчеркнуть методологический аспект этой задачи – она потребует от ученого необычной широты образования. Реально ли это? Если нет, то как можно будет говорить о целостном описании мира?

Здесь есть и еще одна проблема. Не возникнут ли чисто логические трудности при описании *Всего*? Этой теме посвящена увлекательно написанная книга Барроу [Barrow, 1991]. Мы вернемся к обсуждению этой темы в главе V.

Надо признать, что Мироздание погружено в *Тайну* – нельзя ее разгадать, не надо пытаться ее разгадывать Надо просто ее признать. Ее образ – видимый всегда лишь смутно – должен непрестанно расширяться, углубляться. Надо начать приближаться к ней, стремиться стать ею, понимая, что она всегда от нас ускользает, и тем дальше, чем больше мы будем приближаться к ней.

Надо уметь использовать взаимосвязанно все, что обретено человечеством на пути своего становления: рациональное и иррациональное, эстетическое и мистическое – не надо бояться этого слова, ведь им обозначается прием, которым издревле пользовалось человечество.

Когда я начинаю писать книгу философской направленности, мне хочется, чтобы в ней прозвучали и научные, и эстетические, и религиозные ноты. Нужно, чтобы в книге был ритм, вызванный не только чередованием слов, структурой фраз, но и самим смыслом говоримого. Мне хочется использовать математические структуры как образы, через которые можно по-новому увидеть Мир. Сказанное желательно поддержать не только философской мыслью прошлого, но и некоторыми представлениями современной физики. Мне хочется коснуться и тех тем, которые традиционно относились к религиозной епархии.

Позднее мы как раз и увидим, что объединение математических построений с эстетическим началом снимает трудности логического характера в описании *Всего*.

Не мне судить, сколь хорошо или плохо это получается. Важно приобрести на это право и возможность

быть услышанным. Так я понимаю возможность своего участия в движении, направленном на понимание целостности Мироздания, – движении, которое за рубежом теперь принято называть Holomovement.

10. Завершение

Я попытался нарисовать новый образ науки. Он многогранен. Он не свертывается в краткую формулировку. Он отличается от образа, видевшегося в прошлом, даже совсем недавнем. В нем лишь слегка прослеживаются возможные контуры будущего. Он тесно связан с общим состоянием культуры, пути развития которой неясны.

Контуры будущего – прежде чем говорить о них, хочется привести следующее высказывание С. Кучинского [Kuchinsky, 1985]:

> В некоторых вещах мы можем быть вполне уверены, рассматривая какую-нибудь одну или все созданные человеком системы Они становятся дряхлыми сразу же после своего возникновения Они порождают не меньше проблем, чем решают Время их жизни достаточно ограниченно Если они используются слишком долго или слишком энергично, то превращаются в свою противоположность Чем значительнее их первоначальный успех, тем тяжелее их неизбежное падение Чем сильнее и пространнее их опора на жесткое знание, тем больше их угроза человеческому существованию (с 160)

Эти высказывания самоочевидны, но тему эту не принято обсуждать в такой категорической форме. Столь же очевидно и то, что наука давно перестала быть свободной и непринужденной деятельностью. Она превратилась в *систему,* одно из названий которой – *научно-технический прогресс.*

Освободиться от пут своей собственной одномерной парадигмы, перестать быть системой, стать снова непринужденной, способной к существованию в содружестве со всеми другими аспектами многогранного по своей природе сознания человека – таким видится нам ее будущее, скрытое за завесой завтрашнего дня.

Глава II

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПУТЯХ РАЗВИТИЯ ФИЛОСОФИИ [1]

> Является ли регулирующий принцип физики требованием смысла? Быть может, мы должны спросить «Что порождает смысл?» Придется ли нам вторгнуться в область философии, чтобы достичь прогресса в решении этой проблемы? Если так, может быть, мы, перефразируя Талейрана, объявим, что философия слишком важна, чтобы ее можно было оставить философам В прежнее время нам пришлось отобрать у них проблему движения В нашем веке Эйнштейн сделал своим владением пространство и время А завтра, быть может, само бытие войдет в область компетенции физики
>
> *Дж Уилер* [Wheeler, 1983, p 403–404]

1. Введение

Приближаясь к XXI веку, мы начинаем все острее ощущать кризисную ситуацию. Кризис, охватывающий все человечество, распространяющийся на всю нашу планету, превращается в глобальный. И более того, выходя за привычные нам границы, он вторгается в запредельность нашего существования – духовную область Бытия.

Изжила себя культура, возникшая еще в Афинах, Иерусалиме и Риме. Завершает свой путь цивилизация [2], рожденная этой культурой.

Нужны новые смыслы. Но кто может их дать?

Религия? – вряд ли. Все официальные конфессии остаются погруженными в далекое прошлое. Они не хотят видеть того, что изменился *сам человек*. Изменился радикально. В новой ситуации возникают суще-

---

[1] Ранее эта работа была опубликована в журнале Вопросы философии, № 9, 1993

[2] Здесь мы обращаемся к представлению о цивилизации, заданному О Шпенглером

ственно новые проблемы. Они, может быть, еще и не сформулированы достаточно отчетливо, но уже стучат в сердце человека, стремясь вырваться на простор широкого осмысления. Нельзя говорить о вере, не давая ей современной интерпретации, отвечающей боли сегодняшнего дня. Нельзя выйти из глобального кризиса, ограничиваясь восстановлением поруганных храмов.

Философия? Но она остановилась в своем развитии. Остановилась на наших глазах завершением экзистенциализма и философской герменевтики, оскудением позитивизма и трагическим крахом марксистского материализма.

Мы не будем здесь давать определение того, что́ есть философия в нашем понимании. Ограничимся тем, что перечислим имена, выступающие перед нами как вехи на пути осознания человеком самого себя и своего бытия в мире: Платон, Аристотель, Плотин, Спиноза, Лейбниц, Кант, Гегель, Гуссерль, Уайтхед, Ясперс, Хайдеггер, Сартр, Гадамер. Несколько схематизируя, можно сказать, что Гадамер завершает линию, идущую еще от Платона.

Сейчас передо мной коллективная монография Постфилософия. Конец или Трансформация [Baynes, Bohman and McCarthy, 1987]. В предисловии к этой книге говорится:

> ...мыслители, которых мы выбрали (в качестве авторов), все придерживаются той точки зрения – конечно, по-своему, – что философия находится на изломе, что философские представления не могут и дальше развиваться так же, как это было раньше. Именно так все они мыслят «После-Философию» – с большой буквы, как предложил Рорти. Для одних, таких, как Рорти и Деррида, после-философский период означает, что платоновская традиция «изжила себя». Для других, подобных Хабермасу, философию следует *заменить*, согласно Марксу, социальными исследованиями. Для остальных, таких, как Гадамер и Рикёр, это означает продолжение философии путем трансформации ее в философскую герменевтику, а в случае Макинтайра и Блюменберга – философскую историографию. И, наконец, для таких, как Дэвидсон и Дамметт, философия продолжается, хотя и в измененной, но все же известной форме теории смыслов (с. 2–3).

В отличие от сказанного выше нам представляется, что философская мысль, затихшая в наши дни, готовится к новому усилию – к тому, чтобы выйти на просторы будущего, взяв на себя миссию осмысления

всего пережитого и философски еще не осмысленного опыта. Об этом мы и хотим поговорить в нашей работе.

В сумерках грядущего, кажется нам, легче разглядеть будущее философии, чем будущее религии. Возможно, они войдут в одно русло, как это было во времена патристики...

2. Неизбежность встречи философии с наукой

Наше время – двадцатый век – характеризуется *расколом*: экзистенциализм, а позднее и философская герменевтика не признали науку, а наука, хотя и начала понимать потребность в философском осмыслении, не признала достаточность современной философии (об этом свидетельствуют и приведенные в эпиграфе высказывания Уилера). Позитивизм во всех его проявлениях все же не смог перебросить мост между наукой и философией. Его роль, скорее всего, ограничилась сдерживанием – он пытался охранить парадигму науки от расшатывания, начавшегося в лоне самой науки.

В нашей стране философия была объявлена «научной дисциплиной». Но это был лишь очередной обман – на самом деле наука просто оказалась на службе у идеологии, провозгласившей себя (без всякого на то основания) единственно возможным научным мировоззрением. И все мы стали не только свидетелями, но и участниками борьбы науки за право свободного развития.

В начале нашего века примечательными оказались слова русского экзистенциалиста Н. Бердяева [Бердяев, 1989б]:

> Чтобы яснее стала невозможность и ненужность научной философии, важно подчеркнуть вывод, что *наука есть послушание необходимости*. Наука – не творчество, а послушание, ее стихия – не свобода, а необходимость. Видно будет, что наука ветхозаветна по своей религиозной сущности и связана с грехом. Наука никогда не была и не может быть освобождением человеческого духа. Наука всегда была выражением неволи человека у необходимости... Наука по существу своему и по цели своей всегда познает мир в аспекте необходимости, и категория необходимости – основная категория научного мышления как ориентирующего приспособления к данному состоянию бытия. Наука не прозревает свободы в мире. Наука не знает последних тайн, потому что наука – безопасное познание. Поэтому наука не знает Истины, а знает лишь истины. Истина

науки имеет значение лишь для частных состояний бытия и для частных в нем ориентировок. Наука создает свою действительность А философия и религия создают совсем другие действительности (с 267).

Эти слова прозвучали в 1916 г.– незадолго до появления квантовой механики, где физики отказались от *необходимости,* обратившись к вероятностному пониманию микромира. Бердяев, находясь в стороне от науки, не смог, естественно, предвидеть того, что произойдет в физике, но он предвидел другое – что философы так и не поймут мировоззренческой значимости того, что произойдет в непонятной для них науке.

Диссиденты появились уже давно в среде самих физиков. Именно они заговорили о необходимости расширить наше представление о том, что́ есть *реальность*. Я не знаю публикаций философов, которые освещали бы вклад физики в современное философское миропонимание. Но вот передо мною препринт Принстонского университета: Собрание высказываний о роли сознания в философском представлении реальности [Jahn and Dunne, 1984]. В этом препринте мы находим высказывания следующих известных физиков и астрофизиков: Макса Планка, Нильса Бора, Вернера Гейзенберга, Вольфганга Паули, Луи де Бройля, Эрвина Шрёдингера, Альберта Эйнштейна, Карла Вейцзеккера, Юджина Вигнера, Джеймса Джинса, Перси Бриджмена, Артура Эддингтона [3]. Высказывания этих ученых подчас достаточно экстравагантны:

Луи де Бройль:

Квантовая физика, таким образом, не ведет больше к *объективному описанию внешнего мира*.. (с. 35).

---

[3] К этому списку мы добавили бы еще имена двух философски ориентированных физиков наших дней: Дэвида Бома [Bohm, 1987] и Фритьефа Капра [Capra, 1983], а также и Дж. Уилера, слова которого взяты эпиграфом к этой работе и у которого в предисловии к книге [Barrow and Tipler, 1986] находим:

Не только человек адаптирован ко Вселенной. Сама Вселенная адаптирована к человеку (VII).

Может быть, это самое сильное и к тому же бесспорное утверждение наших дней. Но где его философское осмысление?

Эрвин Шрёдингер:

...одни и те же *элементы* используются для того, чтобы создать как внутренний (психологический), так и внешний мир... (с. 41).

Субъект и объект едины. Нельзя сказать, что барьер между ними разрушен в результате достижений физических наук, поскольку этого барьера не существует (с. 47).

Карл Вейцзеккер:

Сознание и материя являются различными аспектами одной и той же реальности... (с. 57).

Джеймс Джинс:

...вряд ли может быть оспорено то, что природа и наш математически мыслящий ум работают по одним и тем же законам... Это остается справедливым и в том случае, когда наш ум впечатывает свои законы в природу, и тогда, когда природа впечатывает свои законы в нас, снабжая достаточными оправданиями для представления об универсуме как о математической конструкции (с. 69–70).

Артур Эддингтон:

Печать субъективности лежит на фундаментальных законах физики (с. 75).

Нет фундаментальной измерительной системы... Во всяком случае, измерительные системы в современной физике являются произвольными (с. 79).

Мы находим странные следы на берегах неведомого. Мы разрабатываем одну за другой глубокие теории, чтобы узнать их происхождение. Наконец, нам удается распознать существо, оставившее эти следы. И – подумать только! – это мы сами (с. 80).

Философски значимые идеи появились и в других областях науки.

В *математике* – теория множеств — начавшаяся в прошлом веке разработка идущего еще от Платона представления о множественности как о едином (*континуум,* как оказалось, обладает свойством целостности[4], его нельзя рассматривать как дискретное собрание единиц); формальная логика – многозначные логики, модальная логика, временна́я логика, ограничительные теоремы (А. Тарского, К. Гёделя, А. Чёрча), интуиционистская логика[5] (конструктивизм); гео-

[4] По-видимому, М. Хайдеггер, отчетливо не осознавая того, столкнулся с представлением о континууме при попытке понять, что́ есть категория *мгновения* времени. В традиционном плане обсуждение хайдеггеровского представления о *мгновении* дано в статье А. Анц [Анц, 1991].

[5] Интуиционистская логика опирается на наглядно-содержа-

метрия – представление о том, что пространство может быть задано множеством существенно различных геометрий, среди которых нельзя отдать предпочтения какой-нибудь одной

Математическая мысль в некоторых своих проявлениях вошла в явное противостояние с тем, что принято называть «здравым смыслом», почерпнутым из повседневного опыта. Оказалось, что иное видение мира человек открывает в глубинах своего сознания. В этом состоит мировоззренческое значение математики [6].

Однако до сих пор только физическая наука (и космогония) сумела воспользоваться в должной мере математическим прозрением. Особенно большое значение в развитии физики сыграла нетривиальная геометризация ее представлений [Kalinowski, 1988], позволившая существенно углубить представление о физическом поле.

В *психологии* мы ограничимся упоминанием выдающихся мыслителей, внесших философский вклад в понимание природы человека: Зигмунд Фрейд, Карл Юнг, Уильям Джеймс [Джемс] [7], Карл Ясперс [8], Людвиг Бинсвангер [9], Виктор Франкл (основатель логотерапии) и, наконец, Кен Уилбер и Стен Гроф – представители *трансперсональной психологии* (см. гл. VII и книгу [Налимов, 1989]), находящейся пока еще на обочине столбовой дороги университетской науки.

В *естественных науках* философская мысль кон-

тельную убедительность Существование конструктивных объектов считается доказанным, когда указан способ потенциально осуществимого построения этих объектов Отрицается универсальный характер закона исключенного третьего

[6] Эту мысль пытался развивать мой учитель – математик А А Солонович еще в 20-х годах, когда, казалось бы, и не было еще достаточных оснований для этого

[7] Обратим внимание на его книгу [Джемс, 1910]

[8] Свои философские высказывания Ясперс назвал *философствованием* полагая, что мы теперь не обладаем той духовной мощью, которая была присуща классической философии Беспокоило его и то, что сейчас вопросы преобладают над ответами

[9] Бинсвангер обращался (в психиатрии) к экзистенциальной аналитике Отказавшись от биологического критерия психических заболеваний, он выдвигает на первый план потерю открытости будущему – иначе говоря, потерю спонтанности бытия в мире [Налимов, 1989] Отсюда становится понятным состояние нашей страны – десятилетиями нас отлучали от спонтанности, загоняя в идеологический концлагерь

центрируется вокруг проблем, связанных с происхождением живого начала в мире и его эволюцией. Здесь на передний план выдвигается противостояние наивному, чисто механистическому пониманию эволюционизма, идущему еще от Ч. Дарвина, поверившего в творческую силу естественного отбора, который возникает на фоне случайной изменчивости. Укажем здесь следующие имена: П. А. Кропоткин[10], В. И. Вернадский[11], П. Тейар де Шарден[12], Л. С. Берг [Берг, 1972], А. А. Любищев [Любищев, 1982; 1991], С. В. Мейен[13], В. А. Красилов [Красилов, 1986], Ю. В. Чайковский [Чайковский, 1990], Р Шовен [Chauvin, 1985][14], П. Шалмель [Chalmel, 1989][15], Лима-де-Фариа [Лима-де-Фариа, 1992].

Итак, мы видим, что философская мысль не остановилась в своем развитии. Она просто расплескалась по различным направлениям науки. Утратив свою целостность, она лишилась метафизического (умопостижимого) начала бытия. Иными словами, философская мысль сохранилась, но она потеряла статус *быть философией* в ее прежнем, привычном и чарующем *звучании.*

Были, конечно, попытки возродить философию через науку, не обращаясь к метафизическим обобщениям.

---

[10] Кропоткин развивал представление о биосоциальном законе – взаимопомощи как факторе эволюции [Кропоткин, 1907] Для ученого, являющегося в то же время анархистом-революционером, на первое место выступал нравственный момент, находящий свое воплощение в трех элементах (1) инстинкте *общности,* (2) *справедливости,* которой приписывается статус философской категории, и (3) *готовности к самопожертвованию, великодушию* ([Кропоткин, 1991], с 271–274)

[11] Вернадский расширил представление об эволюции, утверждая, что происходит нарастание разума во Вселенной

[12] Тейар де Шарден утверждал единство разума и материи Развивая теорию ортогенеза, он говорит об изначальной устремленности сознания к вершине прогресса – точке «Омега»

[13] Здесь я опираюсь на многочисленные личные беседы Список относящихся сюда публикаций С В Мейена можно найти в книге [Чайковский, 1990]

[14] Книга Шовена, написанная по-французски элегантно, направлена против примитивного понимания биологического эволюционизма в дарвиновском истолковании

[15] Шалмель (религиозный философ) критикует общепринятую сейчас синтетическую теорию эволюции с позиций науки сегодняшнего дня, обращая особое внимание на совершившуюся в наши дни информационную революцию

Вспомним здесь хотя бы о *прагматизме*, рассматривающем мышление как средство приспособления к среде с целью успешного действия (истина становится полезностью), или об *операционализме,* сводящем теоретические понятия к операциям – процедурам измерения. Но все это в плане мировоззренческом оказалось малоинтересным. Близкой к научному мышлению стала популярная сейчас на англоязычном Западе *аналитическая философия,* опирающаяся на логический или – в другом своем проявлении – лингвистический анализ языка философских высказываний. Одним из ее направлений явился в свое время *неопозитивизм*. Это направление, конечно, интересно. Но горизонт его все же очень ограничен из-за резкой антиметафизической настроенности. Если хотите, это направление, утратив мировоззренческое звучание, потеряло статус быть философией в широком ее понимании. Следующим шагом было возникновение *постпозитивизма* (К. Поппер, У. Куайн, П. Фейерабенд), осторожно расширившего рамки неопозитивизма, но не настолько, чтобы стать всеохватывающей мировоззренческой концепцией. С постпозитивизмом смыкается или даже частично пересекается *философия науки*, занятая опять-таки частной задачей методологии науки в ее не только современном, но и историческом аспекте.

В наши дни гораздо серьезнее выглядят попытки рассматривать мироздание, опираясь на современное состояние физической науки. Обратим здесь внимание хотя бы на шесть публикаций.

Ф. Вулф. Параллельные вселенные. Поиск других миров [Wolf, 1988].

Рассматривается новая – бросающая вызов – интерпретация квантовой механики, допускающая существование дубликатов Вселенной, в нормальных условиях не вступающих в коммуникацию друг с другом, но при эксперименте, осуществляющемся на микроуровне, возникает возможность взаимодействия Реальны обобщения, направленные на новое понимание относительности, космогонии и, возможно, даже психологии В квантовой механике представление о параллельных мирах снимает пресловутую проблему наблюдателя

К этой теме мы еще вернемся позднее.

В. Д'Эспанат. Реальность и физик. Знание, временность и квантовый мир [D'Espagnat, 1991].

Здесь говорится:

> Однако в наши дни искренние попытки сконструировать образ реальности, свободной от всякой метафизики, больше напоминают попытку построения квадратуры круга Но нельзя сказать, что ни одна из них не стоит внимания Некоторые просто прекрасны, независимо от того, что их «успех» оценивается скорее субъективно (с 231)

Сознанию в книге посвящается только небольшой параграф, в котором говорится, что постигающая мысль и эмпирическая реальность являются дополняющими полюсами, которые порождают друг друга в области независимой реальности (с. 212).

П. Дейвис и Дж. Браун (ред.)
Сверхструны: Теория всего? [Davies and Brown, 1989a].

> Книга состоит из обстоятельного введения и интервью с выдающимися учеными Речь идет о новой, глубоко геометризованной теории, направленной на то, чтобы наконец объединить эйнштейновскую теорию гравитации с квантовой механикой и объяснить все фундаментальные частицы и силы, управляющие ими Электрон в этой теории рассматривается не как точечная частица, а как малая вибрирующая струна планковской длины в шестимерном пространстве (в одной из моделей даже в 27-мерном пространстве) Можно думать, что и космологическая проблема фундаментально входит в эту тему

Эти книги читаются с большим интересом. В них явно ощущается аромат философской мысли. Но все же это еще только «около-философия». Чтобы достигнуть подлинно философского уровня, надо усилить метафизическую составляющую, включив в картину мироздания представление о вездесущности сознания, смыслов (и их ценностных оценок) и спонтанности.

Попытку непосредственного включения сознания в картину физического мира мы находим в книге знакомых нам авторов:

П. Дейвис и Дж. Браун (ред.).
Дух в атоме [Davies and Brown, 1989b] [16].

Читаем там:

> Ключевая роль процесса измерения в квантовой механике неизбежно приводит к вопросам о природе ума и сознания и их отношению к материи То обстоятельство, что наблюдение, однажды сделанное в квантовой системе, мгновенно изменяет ее

[16] В этой книге мы опять находим обстоятельное введение и высказывания крупных физиков Кратко содержание этой книги (так же как и предыдущей) передавалось по английскому радио

состояние (волновую функцию), означает то же, что высказывание «ум главенствует над материей» Это выглядит так, будто изменение ментального состояния экспериментатора при первом осознании результата измерения вступает в обратную связь с лабораторной аппаратурой и, следовательно, с квантовой системой, изменяя *ее* состояние Короче говоря, физическое состояние действует, изменяя ментальное состояние, и ментальное состояние реагирует в свою очередь на физическое состояние (с 31)

В другом месте говорится:

В некоторых интерпретациях сознание – человеческое сознание – имеет прямое отношение к природе физической реальности, так что ничто не существует, пока ненаблюдаемо, (с 84)

Эта интерпретация (с позиций одного из участников дискуссии) представляется противо-интуитивной, и ей противопоставляется концепция параллельных вселенных, о которых речь шла выше.

П. Дейвис. Космическая программа. Новые свидетельства творческой способности Природы упорядочивать Вселенную [Davies, 1989].

П Дейвис, который дважды упоминается выше, физик-теоретик и автор ряда популярных книг, направленных на нетривиальное понимание мироздания Название приведенной выше книги говорит само за себя

И наконец, вспомним еще раз о книге астрофизика Барроу [Barrow, 1991], бросающего вызов возможности окончательного объяснения Мироздания строго научными методами

Не вдаваясь в подробный анализ всего сказанного выше, хочется отметить одно очень важное обстоятельство: проблема «сознание – материя» становится серьезной проблемой физики, ускользая из рук профессионалов-философов. Что-то похожее, по-видимому, может произойти и в биологии, если хотя бы некоторые из биологов готовы будут признать, что эволюция живого может рассматриваться как творческий процесс. В психологии уже выкристаллизовалось одно мировоззренческое направление, известное как трансперсональное движение.

А привычная нам традиционная философия не готовится ли обновиться и взять реванш?

Хочется подчеркнуть здесь, что, говоря о встрече философской мысли с современной наукой, мы отнюдь

не имеем в виду возвращение к раннему позитивизму, стремившемуся к систематизации научного знания в рамках суровой механистической парадигмы. Речь должна идти, как это мне представляется, о метафизическом осмыслении всего полученного наукой, если термину *метафизика* придавать широкое звучание. Иными словами, можно говорить о возрождении *натурфилософии* в новом ее, более широком и одновременно более строгом понимании. Может быть, особенностью новой натурфилософии должно стать умение ставить смелые вопросы, на которые не могут быть даны ответы. Безответные вопросы будут расширять наше представление о мироздании. Осознание глубины этой тайны может стать нашим миропониманием. Такое миропонимание будет динамичным, так как наше представление о тайне мира будет непрестанно углубляться.

3. Встречи с психофизическим экспериментом

Если мы еще готовы считать, что проблема «сознание – материя» остается философской проблемой, то отсюда с неизбежностью следует, что философия сталкивается непосредственно с физическим экспериментом. Таким образом, в западной культуре происходит прорыв в неведомое, совсем недавно еще просто немыслимое. Это хочется понять и достойным образом оценить.

Сейчас мы наконец по-настоящему осмыслили тот очевидный факт, что компьютер – это метафора разума (здесь, правда, уместнее английское слово – mind) Это значит, что компьютер может быть включен непосредственно (т. е. внеаппаратурно) в общение с человеческим разумом. Это значит также, что подобные эксперименты могут повторяться многократно – миллионы раз. Всем этим начинают заниматься профессиональные физики, умеющие еще и обрабатывать данные в соответствии с современными требованиями. И то, что раньше называлось парапсихологической деятельностью, сейчас становится рутинным физическим экспериментом. Выясняется, что можно найти и другие физические метафоры разума. Одной из них может оказаться маятник, мысленно связанный с оператором Наблюдая за маятником, оператор может

видеть, как внутренний ритм меняется в зависимости от состояния его сознания. Опять перед нами открывается возможность прямого, аппаратурно не опосредованного воздействия сознания на физически реализуемую его метафору [17].

Я и моя коллега Ж. А. Дрогалина в течение недели принимали непосредственное участие в таком эксперименте. Я – с компьютером, она – с маятником. Эксперименты проводились в течение всего рабочего дня в Лаборатории исследования аномальных явлений в знаменитом Принстонском университете. Научные руководители – профессор Роберт Джан и Бренда Данн [Джан, 1982], [Jahn and Dunne, 1987], [Dunne and Jahn, 1992].

1. *Генератор шума.* Оператор наблюдает на экране последовательность положительных и отрицательных импульсов. Строго говоря, числовой шум никогда не бывает «белым». На регистрограмме отчетливо прослеживается нестрогая, вероятностно задаваемая периодичность, поэтому лучше говорить о псевдослучайной последовательности чисел. Оператор может воздействовать только *мысленно.* У него есть три варианта: быть нейтрально настроенным, стремиться исказить данные в сторону их увеличения или уменьшения. В первом случае при простейшей обработке мы получаем так называемое нормальное (гауссово) распределение, в двух других случаях функции распределения приобретают правую или, соответственно, левую асимметрию. Изменения оказываются статистически значимыми. Это, правда, получается не всегда и у одних операторов значительно лучше, чем у других.

Авторы исследовательского проекта интерпретируют результаты опыта как свидетельство непосредственного воздействия сознания на генератор. Возможно и иное объяснение – оператор может угадывать предстоящий ход квазипериодической регистрограммы и соответственно с этим выбирать позитивную или негативную позицию [18]. Но второе объяснение, конечно, не снижает значимости полученных результатов.

---

[17] Напомним здесь самое общее и краткое определение метафоры – as if but not

[18] Известно, что есть «счастливые люди», которые умеют (без шулерства) всегда или почти всегда выигрывать в карточной игре или в каких-либо других вероятностно задаваемых играх

Полученные результаты авторы объясняют, опираясь на квантово-механическую метафору сознания. Мне представляется более естественным иное объяснение: оператор ведет себя по отношению к генератору чисел так же, как гипнотизер по отношению к гипнотизируемому. Это объяснение базируется на представлении о том, что генератор имеет некое квазисознание и создает квазитексты – регистрограммы небелого шума. Иными словами, оператор посылает реципиенту – генератору – некий фильтр [19], искажающий свойственный генератору текст (фильтр, скажем, может искажать так называемую «спектральную плотность», определяющую периодичность регистрограммы). Привлекательность этого объяснения в том, что здесь сохраняется явная параллель с возможным объяснением механизма гипноза – явления нам всем хорошо знакомого, но слабо осмысленного теоретически.

Принципиальная разница двух объяснений в том, что в первом случае приходится исходить из представления о механистичности сознания, а во втором – из вездесущности немеханистического сознания. Отсюда как раз и следует, что интерпретация упомянутого выше эксперимента имеет философское звучание.

2. *Маятник.* «Маятник» представляет собой вполне сложное устройство, включенное в компьютерную систему, которая осуществляет его калибровку перед началом каждого эксперимента и ведет регистрацию всего экспериментального процесса. Собственно маятник – это прозрачный шар на оси, который в зависимости от воздействия меняет свою окраску: убыстряясь, он желтеет и краснеет, замедляясь – зеленеет и синеет. Это красиво и интересно.

Маятник реагирует на ментальное действие оператора, принимающего решение замедлять или ускорять его в соответствии с условиями эксперимента. Можно отметить, что при чтении вслух и про себя любимых (намоленных) стихотворений и отрывков из Евангелий маятник менял цвет, хотя иногда его убыстрения (замедления) оказывались инвертированными относительно «команды». Он реагировал и в том случае, когда оператор пребывал в состоянии углубленной

---

[19] Представление о роли фильтров в реинтерпретации текстов нами изложено в деталях в книге [Налимов, 1989]

сосредоточенности на смыслах, как бы совсем забыв о маятнике. «И я услышала звонок, открыла глаза, увидела что-то перед собой, задержалась на этом что-то, не осознавая, потом поняла, что это маятник. Он раскачивался, пурпурно-прозрачный, и казался мне странно живым и созвучным. Он подхватил мое состояние (мой текст) и послал свой текст-цвет. Мы взаимодействовали. «Переливы чешуй далече озарили уступы круч, точно голос нечеловечий, превращенный из звука в луч». Я читала маятнику поэму Н. Гумилева «Дракон» два дня назад, и вот теперь это превращение видела проявленным, достижимым».

Желая подойти к объяснению наблюдаемого явления, мы можем предположить, что в сознании человека имеется семантический аналог физического маятника, который каким-то образом может оказаться связанным с механическим маятником, наблюдаемым оператором (связь гипнотического типа). Изменение эмоционального состояния оператора под влиянием чтения текстов, сильно действующих на его психику, локально меняет метрику семантического поля ([Налимов, 1989], гл. III, § 2), что в свою очередь ведет к изменению длины маятника, а следовательно – к изменению периода колебаний. Далее в игру вступает резонанс. Такое описание носит, конечно, чисто метафизический характер. И здесь опять хочется подчеркнуть, что предлагаемое описание опирается на философски обосновываемое представление о том, что состояние сознания может локально изменять метрику семантического пространства.

4. Встреча с многообразием духовного опыта человечества

Философское понимание природы человека не может быть сколько-нибудь полным без осмысления и осознания всего многообразия духовного опыта человека, обретенного им в историческом прошлом в разных культурах. Совершенно недостаточно того, что делают этнографы, антропологи и религиоведы. Опыт прошлого должен быть заново пережит. Его нельзя изучать заочно, как, скажем, нельзя изучать живопись, не видя ее, или музыку – не слыша.

Выше уже упоминалась «Трансперсональная психология» – сейчас это, пожалуй, единственное разветв-

ленное и оформленное движение, вставшее на путь не простого изучения, но и освоения духовного опыта прошлого. Речь идет об обращении к измененным состояниям сознания, обретающим статус трансличностного существования. Это выход за привычные пределы личностной капсулизации. Здесь прежде всего обращается внимание на многообразные методы медитации (см. гл. IV), которыми владели мистики как Востока, так и христианского Запада [20]. Проявляется также интерес к суфизму, разным вариантам китайской гимнастики, языческому шаманизму, сновидениям, где возможен эксперимент – сновидения поддаются направленному воздействию. Можно говорить о так называемых люсидных снах [Delaney, 1988], когда сновидец отчетливо осознает сновидение и даже управляет им; возможно также стимулирование коллективных сновидений [Shor, 1992].

Существенно обратить внимание и на то, что в наши дни начинает признаваться влияние духовного опыта *Гностицизма* на развитие западной культуры [Koslowski, 1988], [Quispel, 1988].

Перед нами разворачивается новая размерность бытия человека в мире, скрытая от нас суровой – позитивистской – парадигмой науки.

Можно ли философу игнорировать такой опыт?

5. Встреча с конфессиональной религиозностью

Кто из нас не испытывал на себе хоть раз благостного влияния литургии – Православной или Католической? Кто не ощущал намоленности, идущей от древних икон? Потенциальная духовная сила конфессиональных религий громадна, но востребуется ли она в должной мере? Мне представляется, что, скорее всего, нет.

Наше миропонимание задается прежде всего некоторыми смутными отголосками науки, и что существенно – науки прежних дней, когда все было понятно и легко согласовывалось с примитивным материализмом. Философия, не сумевшая сблизиться с наукой, не смогла столковаться и с конфессиональной религиозностью. И снова хочется говорить о том, что культура остается расколотой и потому малодейст-

[20] Сосредоточенная молитва в исихазме в России

венной. Конфессиональная религиозность порвала и свои прежние глубокие связи с искусством. Легко ли существовать на обломках расколовшейся культуры?

Конечно, были попытки сближения. Вспомним плеяду русских религиозных философов прошлого. Любопытно, что такой серьезный исследователь, как В. В. Зеньковский [Зеньковский, 1989], обративший внимание на тему секуляризации в русской религиозной философии, в то же время писал (в конце 40-х годов):

> Мы как бы стоим на пороге (а может быть, частично уже переступили этот порог) философских построений, определяемых озарениями, дарованными нам Православием... (т. 2, с. 466).

Грустно, но нить эта, кажется, оборвалась.

Отметим, что на Западе в первой половине нашего века возникла тенденция связать религиозную мысль с философией экзистенциализма.

Упомянем здесь прежде всего М. Бубера [21], еврейского религиозного писателя, близкого анархизму.

Особенно интересным представляется возникшее в протестантской среде течение *диалектическая теология,* близкое к раннему немецкому экзистенциализму Ясперса и Хайдеггера. Упомянем здесь хотя бы следующие широко известные имена: К. Барт [22], Э. Бруннер [23], Р. Бультман [24], Р. Нибур [25], П. Тиллих. Наиболее яркой фигурой здесь, конечно, является Тиллих. Его популярность (в период жизни в США) была громадной. Можно, пожалуй, сказать, что основной заботой, тревожащей Тиллиха [Tillich, 1980], была проблема утраты смыслов (Meaninglessness):

> Вопрос ставится так· есть ли мужество, способное победить тревогу, вызываемую утратой смыслов и сомнением (с. 174)
>
> Переживание утраты смыслов более значимо, чем мистицизм Поэтому оно превосходит мистическое переживание (с. 178)

---

[21] Одна из его примечательных идей бытие как диалог между Богом и человеком, человеком и миром

[22] Барт требовал от церкви социальной ответственности, считая это критерием истинности церкви

[23] Бруннер развивал идею близкого конца мира из-за преобладания техники и автоматизации

[24] Бультман выдвинул требование демифологизации веры

[25] Нибур высказал мысль об отказе от социального прогресса; практическая деятельность должна быть направлена на смягчение неразрешимых противоречий

Предельный источник мужества быть есть «Бог свыше Бога»; это результат нашей потребности преодолеть теизм[26] (с. 186).

Тиллих пытался создать теологическую систему, открытую всем течениям современной философской мысли. Но это не нашло своего отклика, хотя ведь еще И. Кант [Кант, 1980а] стремился рассматривать религию в пределах философствующего разума.

Таким образом, можно констатировать, что философии не удалось перебросить мост ни в сторону науки, ни в сторону религии. И это несмотря на то, что проблема смыслов беспокоит сейчас и религиозный мир, и мир физиков. Но беспокоит ли в наши дни эта тема достаточно серьезно самих философов?

6. Встреча с надвигающейся катастрофой

Почему *вообще* люди ждут *конца* света?

И. Кант [1980б, с. 282]

С давних пор звучит эсхатологическое отчаяние – человечество предчувствовало возможность мировой катастрофы, но не знало, когда и откуда она придет. Теперь мы знаем, что наша культура находится на изломе (см. часть III). Она должна будет радикально трансформироваться, иначе тонкий живой покров нашей гостиницы – Земли – иссякнет вместе с нашей гибелью.

Экология в глобальном ее понимании – это проблема всеохватывающего звучания. Частные ее решения могут только ненадолго отодвинуть срок.

В поддержку своих высказываний я обращаюсь к книге Арне Нейсса [Naess, 1991], посвященной философскому анализу экологической проблемы. Выход из кризиса он видит в переориентации всей нашей цивилизации. (К этой теме мы еще вернемся в XII главе.)

Да, цивилизация должна измениться, но это станет

---

[26] *Теизм* – упрощенное представление о Боге как особой личности, создавшей мир и управляющей им. Теизму противостоит *деизм*, истоки его идут еще от апофатического богословия. Эту тему мы обсуждали в книге [Налимов, 1989], приводя большую цитату из Дионисия Ареопагита Высказывался против антропоморфизма в теологии и Кант ([Кант, 1980а], с. 241).

возможным, когда изменится сама культура – ее смысловое содержание.

Изменение смыслов – это творческий процесс. Никто не может предсказать, как он будет совершаться. Ясно одно – сейчас смыслы человека носят по преимуществу личностный характер. Но, расширяясь, охватывают еще и семейную сферу, и сферу общенациональную, и даже общегосударственную. Так рождается национальный патриотизм и его герои. Так привыкли мы видеть мир.

Но забота о продлении жизни на Земле требует иного мирочувствования. Человек теперь должен обрести смыслы, которые позволяли бы ему стать гражданином Земли, стать ее патриотом. Нужно будет склониться перед Геей – древней богиней Земли. А кто-то, может быть, уже сейчас готов почувствовать себя гражданином и обитателем всего Универсума?

Однако новые смыслы должны не только прийти, но и быть восприняты свободно.

Свобода – основа христианского миропонимания. Только свободный выбор может порождать мораль. Это хорошо понимал Кант, когда в трагические дни Великой французской революции писал [Кант, 1980б]:

> *Свободный* способ мышления – равнодалекий как от раболепия, так и от распущенности – вот благодаря чему христианство завоевывает сердца людей, рассудок которых уже просветлен представлением о законе их долга. Чувство свободы в выборе конечной цели внушает им любовь к моральному закону (с. 290).

Но возможно ли осознание соборности всего человечества? В наши дни еще нигде не удалось этого достигнуть, хотя в далеком прошлом имел место положительный опыт общинности.

Чтобы сделать свободный выбор, надо иметь достаточный набор смыслов, способных увлечь человека, достигающих запредельности.

Итак, мы приходим к неожиданному выводу: *глубинная экология замыкается на проблему смыслов.*

На чьи же плечи может лечь задача осмысления нового миропонимания? Казалось бы, решающую роль должна сыграть философская мысль. Но сможет ли она осуществить эту миссию, по-прежнему оставаясь в изоляции от серьезной науки, от искусства, от религиозных и мистических представлений?

7. Завершающие слова

Теперь я могу усилить свою позицию и сказать, что философская мысль *расплескалась* не только по всем разделам науки, но и почти по всем сусекам нашей культуры. Сейчас мы слишком много знаем и задаем слишком много вопросов. Обсуждение этих тем может обрести смысл только тогда, когда мы *сможем* сформулировать достаточно отчетливые представления о мироздании и нашем бытии в нем, как-то осмысливая при этом и запредельность этого бытия.

А если не сможем?

Тогда наша культура неизбежно погибнет. Человек не может существовать, активно действуя, если культура не дает ему путеводной нити широкого мировоззренческого характера. Об этом говорит нам история, и особенно история гибели великой империи – Рима.

Я уже не раз писал о том, что нам нужны новые смыслы или точнее – нужно радикальное переосмысление прежних смыслов. Трагичность состоит в том, что теперь процесс переосмысления должен идти в очень *широком*, невиданном доселе ракурсе. Готовы ли мы к этому? Достаточно ли хорошо устроена наша система образования?

Я, не будучи профессионалом-философом, сделал попытку широкого мировоззренческого осмысления, связав строгие науки (математику и теоретическую физику) с философией, психологией, религиоведением и мистикой [Налимов, 1979; 1989], [Nalimov, 1981; 1982; 1985]. Эта связь просматривается и в последующих главах этой книги.

Выяснилось, что особенно одиозной в моем подходе, с точки зрения оппонентов, оказалась попытка использования математики при рассмотрении философских тем, хотя я обращаюсь с математикой вежливо, пытаясь сделать текст доступным многим. Опираясь на отчетливо сформулированные исходные посылки, я непосредственно строю модель, не доказывая теорем. Вопрос о полноте и непротиворечивости модели не ставится. Правомерность ее основывается на интуитивно воспринимаемой ясности ее построения и на ее объясняющей силе.

Модель опирается на размытую, вероятностно задаваемую логику, органически вытекающую из самой

модели. В этой бейесовской логике не действует принцип исключенного третьего и соответственно нет представления о безусловной истинности (различным высказываниям придается разный вес).

В философском плане наш подход близок к так называемой *интуиционистской* логике[27], на которой базируются интуиционистская математика и близкие ей направления конструктивной математики. В основном интуиционистская логика была разработана Л. Э. Я. Брауэром и А. Гейтингом. Брауэр подверг резкой критике математический формализм (и в частности, знаменитую программу Гильберта), придавая исключительно большое значение содержательной стороне знания, которая создается конструктивной деятельностью нашего разума. Он настаивал на том, что путем формализации нельзя избавиться от изначальной неоднозначности языка[28]; критикуя логику[29], он отказался от неограниченного применения закона исключенного третьего (этому положению в интуиционизме придается особенно большое значение).

Интуиционистская идеология дает нам возможность быть свободными при построении модели мироздания. Мы можем рассчитывать на то, что существование математической модели будет признано *правомерным*, если она отвечает интуиции.

Но что значит отвечать интуиции? Что есть чистая интуиция? Есть ли разные интуиции? Не является ли интуиция просто спонтанным проявлением сознания?

Мы видим, что не только физики, но и математики, или, точнее, часть из них, ощутившие недостаточность традиционного формализма, встретились с философской задачей – проблемой сознания.

Двигаясь с разных сторон, мы приходим к одному и тому же выводу – нам нужна *всеохватывающая, целостная философская мысль*.

Такой мы видим философию XXI века.

---

[27] Популярное изложение этой темы можно найти в книге М. И. Панова [Панов, 1984].

[28] Напомним здесь, что мы начали развивать свою концепцию с критики языка как носителя неоднозначных смыслов [Налимов, 1979].

[29] Одна из статей Брауэра прямо так и называлась: «Недостаточность логических принципов» (1908).

Глава III

МЕТАФИЗИКА СОЗНАНИЯ [1]

Авторские комментарии к книге «Спонтанность сознания»

В этой главе мы хотим осветить некоторые вопросы, с которыми обращались к нам читатели нашей последней книги Спонтанность сознания.

> С философской точки зрения геометризация и сведение к единому началу (физических представлений) весьма существенны. Может быть, это величайшая проблема человеческой мысли.
>
> *М. Калиновски* [Kalinowski, 1988, p. 137]

1. Введение: роль полевых представлений в современной физике

Величие З. Фрейда состоит в том, что он бросил серьезный вызов картезианскому принципу, противопоставляющему пространственно непротяженный ум пространственно протяженной материи. Но задача все же осталась нерешенной – не появилось достаточно серьезной теории, описывающей связь семантического мира с миром физических явлений.

Ранее в книге [Налимов, 1989] и в статьях [Drogalina – Nalimov, 1990], [Nalimov, 1989; 1992] мы уже освещали эту тему. В этой же публикации попытаемся высказать некоторые относящиеся сюда дополнительные соображения.

Нам представляется, что связать сознание, оперирующее смыслами, с физической материей можно будет только тогда, когда для их описания будет найден единый язык. Таким языком может оказаться язык геометрических представлений. Он позволит отказаться от картезианского представления о пространствен-

---

[1] Эта глава написана совместно с Т. А. Перевозским. Ранее материал публиковался в японском издании: Post Raag Reports, Research Notes and Memoranda of Applied Geometry for Prevenient Natural Philosophy, 1991, 239, April, p. 1–12. Т. А. Перевозский написал Приложение к моей книге [Налимов, 1989].

ной непротяженности ума, и тогда откроется возможность построения сверхъединой теории поля, объединяющей семантическое и физическое начала Мироздания.

Но прежде всего посмотрим, хотя бы бегло, на то, что происходит в физике. Ее теоретизация реализуется в значительной степени через геометризацию физических представлений [Kalinowski, 1988] [2]. Центральной идеей является представление о *физическом поле*; оно было введено еще в прошлом веке. Первоначально образ поля был очень прост – это пространственное распределение меры того или иного физического свойства. В процессе развития физики образ поля усложнялся, обретая удивительные очертания.

Вот три примера:

1. *Квантовая механика.* Она базируется на знаменитом уравнении Шрёдингера, которое в простейшем виде может быть записано так:

$$i\hbar \frac{\partial \psi}{\partial t} = H\psi$$

Здесь вводится новое фундаментальное понятие – «пси-функция», которое характеризует состояние и микроскопические свойства квантовой системы. Квадрат модуля пси-функции $|\psi|^2$ интерпретируется как плотность вероятности. Физическое поле перестает быть физическим в прежнем понимании, поскольку речь теперь идет о распределении вероятностной меры, природа которой не физическая, а ментальная. Это значит, что вводится представление о некоем *универсальном наблюдателе*, оценивающем эту меру.

---

[2] Приведем заключительные слова из статьи Калиновски [Kalinowski, 1988], посвященной философским аспектам единой теории поля в физике:

> Подводя итог, заметим, что проблема геометризации фундаментальных взаимодействий была поставлена, но Эйнштейн сформулировал свою теорию слишком рано, хотя и был на правильном пути. В настоящее время идея геометризации физики представляется близкой к реализации благодаря прогрессу в теории элементарных частиц. Не случайна одновременность этой идеи и идеи единой теории поля. Геометризация физики может рассматриваться как непременное условие, психологически необходимое для нетривиального объединяющего подхода.

2. *Общая теория относительности Эйнштейна.* Фундаментальным для этой теории является следующее соотношение [3]:

$$\frac{1}{R^2} = \frac{G}{c^2}\rho$$

Здесь $1/R^2$ – гауссова кривизна [4]; G – универсальная гравитационная постоянная; c – скорость света; ρ – плотность материи/энергии.

Поле здесь задается пространственным распределением кривизны. Образ поля становится совсем необычным – в каждой точке пространства изменяется не какая-либо заданная на ней физическая величина, а сама геометрия пространства. Гравитация перестает быть физической силой – ее природа становится геометрической. А сама геометрия, как это подчеркивает Калиновски [Kalinowski, 1988], перестает быть статичной – она обретает новое качество, становится *динамичной.*

3. *Физический вакуум.* В современной теории поля существенным является образ физического вакуума. В классической физике вакуум представляли как пространство, свободное от того, что принято называть материей. Такое «пустое» пространство воспринималось как полное «ничто», однако уже в классической физике это «ничто» отнюдь не было лишено собственных свойств. Эти свойства пустого пространства оказались не беспредметными; их, как это ни странно, возможно весьма содержательно обсуждать. Именно описание свойств пустого пространства в классической физике составляет содержание того, что называют евклидовой геометрией. Последующее развитие физики обнаруживало все более тесную связь того, что мы привыкли считать вакуумом, и того, что мыслилось как материя. Традиционно между этими понятиями пролегала глубокая, разделяющая их пропасть. Имен-

---

[3] Подробнее см. [Редже, 1985].

[4] Гауссова кривизна задается следующим соотношением:

$$\frac{1}{R^2} = \frac{\alpha + \beta + \gamma - \pi}{\Delta},$$

где α, β и γ – углы треугольника, измеренные в радианах, Δ – площадь треугольника.

но сближением этих, казалось бы, совершенно различных категорий отмечено все развитие современной физики.

В современной квантовой теории поля вакуум мыслится уже не как арена, на которой разыгрываются физические события, а как определенное особое, *вакуумное* состояние поля, которое проявляет себя в том, что само может быть источником физических событий – таких, например, как рождение и исчезновение частиц. Именно поэтому и появился термин *физический вакуум*.

Физический вакуум – не «пустое место», а состояние с возможными физическими свойствами, которые проявляются в реальных физических процессах. При рассмотрении взаимодействующих полей вакуум – это состояние системы полей, соответствующее низшему энергетическому состоянию всей системы этих полей (см. [Ширков, 1980]).

Одним из самых поразительных и, как выяснилось, общих свойств микромира является универсальная взаимная превращаемость частиц. Каждая из квантовых частиц оказывается связанной с вакуумным состоянием ψ_0 посредством соотношения:

$$\psi_1 = a^+ \psi_0,$$

где ψ_1 – одночастичное состояние квантового поля; a^+ – оператор рождения; ψ_0 – вакуумное состояние.

Таким образом, одночастичное состояние получается в результате рождения из вакуума одной частицы. Рождение нового физического состояния из предыдущего происходит спонтанно. В современной физике *спонтанность* рассматривается как фундаментальное свойство физического Мира. Отметим еще, что в самом вакууме отсутствуют кванты поля (т.е. какие-либо реальные частицы).

2. Представление о семантическом поле

В нашей книге [Налимов, 1989] представление о семантическом поле строится дедуктивно (см. гл. II, § 2). Утверждается, что

> ...изначально все возможные смыслы как-то соотнесены с линейным континуумом Кантора – числовой осью μ, на которой в порядке возрастания их величин расположены все веществен-

ные числа. Иными словами, смыслы Мира спрессованы так, как спрессованы числа на действительной оси.

Спрессованность смыслов – это нераспакованный (непроявленный) Мир – *семантический вакуум*.

Распаковывание (появление текстов) осуществляется вероятностной взвешенностью оси μ: разным ее участкам приписывается разная мера. Метрика шкалы μ предполагается изначально заданной и остающейся неизменной.

Соответственно, семантика каждого конкретного текста задается своей *функцией распределения* (плотностью вероятности) $p(\mu)$. Эта функция оказывается тем окном, через которое нам дана возможность всматриваться в семантический Мир. Обобщая, можно обращаться и к многомерному семантическому пространству.

Правило вывода:

Изменение текста – его эволюция – связано со *спонтанным* появлением в новой ситуации y фильтра $p(y/\mu)$, мультипликативно взаимодействующего с исходной функцией $p(\mu)$. Взаимодействие задается известной формулой *Бейеса*:

$$p(\mu/y) = kp(\mu)p(y/\mu),$$

где $p(\mu/y)$ – функция распределения, определяющая семантику нового текста, возникающего после эволюционного толчка y; k – константа нормировки. Формула Бейеса в нашем случае выступает как силлогизм: из двух посылок $p(\mu)$ и $p(y/\mu)$ с необходимостью следует текст с новой семантикой. В отличие от категорического силлогизма Аристотеля как обе посылки, так и возникающее из них следствие носят не атомарный, а вероятностно размытый характер. Объясняющая сила вероятностной теории смыслов рассматривается в книге [Налимов, 1989] и коротко – в статьях [Drogalina – Nalimov, 1990], [Nalimov, 1989].

Повторим здесь, что предложенная модель позволяет раскрыть: (1) понимание текстов, постоянно содержащих слова с размытыми смыслами; (2) процесс творчества – создание новых текстов; (3) поведение человека – изменение его ценностных представлений в новой ситуации y; (4) семантическую многомерность личности; (5) смысл таких трудных представлений, как «нирвана», «свобода», «троичная модусность времени» (по Хайдеггеру) и пр.; (6) утверждение о вездесущности слабых форм сознания во всей Вселенной; (7) представление о самоорганизации как о творческом процессе, проходящем некоторым единым образом во всем Мироздании – в космическом масштабе (отбор

фундаментальных констант), в биологическом эволюционизме, в творчестве человека.

Возможно и обращение к геометродинамике.

В этом случае снимается предпосылка о постоянстве метрики и утверждается, что изменение семантики текста задается изменением шкал в окрестности каждой точки семантически насыщенного пространства. Используется подход, называемый в физике калибровочным преобразованием поля (подробнее см. приложение 2 в книге [Налимов, 1989]). Здесь логика становится *пространственно-метрической.*

3. Семантический вакуум

Обратимся к проблеме семантического вакуума.

Мы уже говорили о том, что в современной физике материальный мир рассматривается как проявление потенциальности, заложенной в физическом вакууме. Точно так же в нашей модели семантический мир рассматривается как проявление потенциальности, заложенной в вакууме семантическом. Многим этот подход кажется слишком примитивным – как, спрашивают они, все богатство нашей культуры могло возникнуть из такой, казалось бы, простой модели, как семантический вакуум? Но сложность семантического мира определяется не только семантическим вакуумом, недоступным прямому обозрению, но и возможностью появления семантических фильтров. Этот процесс выводит человека в запредельную реальность, не воспринимаемую нами непосредственно.

Семантический вакуум отнюдь не статическая система. В нем происходят процессы, также не замечаемые нами непосредственно. Отметим здесь два из них.

(1) Возможность появления «черных дыр» в семантическом вакууме. Здесь мы исходим из того, что в семантическом вакууме над осью μ все время происходят некоторые флуктуационные процессы $p_0(\mu)$, делающие возможным восприятие фильтров $p(y/\mu)$ при начальном развитии ребенка. Для некоторых детей, по-видимому, существуют закрытые области, где флуктуационные процессы вырождаются; иными словами, «энергия» семантического поля становится нулевой. Отсюда – появление индивидуумов, которым недоступна вся полнота восприятия культуры. Одним,

скажем, недоступна наука, особенно математизированные ее разделы. Другим недоступен мистический опыт [5]. Многим недоступно понятие свободы. Все наши социальные и мировоззренческие неурядицы (в том числе в науке и философском осмыслении мира), по-видимому, связаны с неполной открытостью семантического вакуума.

Вероятно, здесь уместно сравнение с цветовым зрением. Психологическое восприятие монохроматического цвета, получаемого при спектральном разложении белого света, по-видимому, условно можно рассматривать как персонализируемый цветовой вакуум. Это звучит неожиданно, но основание для этого есть. Осознавание монохроматических цветов для нас задано изначально, и оно фундаментально, поскольку на нем базируется все многообразие цветового восприятия - где бы мы ни наблюдали их: в природе или в творчестве художников. Цвета – это также смыслы. Смыслы особого языка – языка цвета [6]. Из элементарных, монохроматических потоков создаются тексты, которые надо уметь понимать. Напомним, как много волнений было в нашей стране из-за абстракционизма, где цветовой язык выступал в очищенной (от обычного текста) форме. Вакуум оказывается проявленным поразному на разных уровнях бытия.

Представление о цветовом зрении легко геометризируется [7].

---

[5] Пример - Л. Толстой. Будучи не только великим писателем, но и религиозным проповедником, он не мог выйти за пределы рационалистического миропонимания [Толстой, 1991]. В этом его личная трагедия и катастрофа для его учения. Он не смог стать русским Лютером, хотя страна, кажется, этого ожидала в те предгрозовые дни.

[6] Напомним, что человек воспринимает не физическую реальность длины волн или кванты энергии, а их психологические эквиваленты. Человек обладает цветовым языком, ментальным по своей природе. Можно говорить о цветовом сознании так же, как мы говорим о музыкальном сознании [Налимов, 1989. Приложение 3, написанное Т. А. Перевозским].

[7] Мы не будем здесь касаться серьезных геометрических интерпретаций цветового зрения – это увело бы нас слишком далеко от нашей темы. Укажем только на работы некоторых авторов. Известный физик Э. Шрёдингер [Schrödinger, 1920], занимавшийся и теорией зрения, опирался на представления проективной геометрии при изучении физиологических законов смешения цветов. Г. Шеллинг [Schelling, 1955] ввел неевклидову метрику для описания цветовосприятия и построил перцепционную теорию относительности по

Количественно выражение всего многообразия цветового восприятия можно задать координатами цвета в выбранной заранее системе трех единичных монохроматических потоков. Психологическое восприятие цвета, таким образом, трехмерно. Цветовое восприятие может быть нарушено, если человек страдает одной из форм дальтонизма [8]. Этот дефект можно интерпретировать как образование «черной дыры» в монохроматическом спектре. По-видимому, не весь спектр цветов был открыт на ранних этапах развития культуры. В небольшой публикации Я. Я. Рогинского [Рогинский, 1982] есть относящиеся сюда высказывания:

> В языках Западной Африки есть только три термина – «черное», «белое» и «красное». О темно-синем небе говорят «черное», а о светло-голубом – «белое». Австралийцы племени арунта обозначают синий и зеленый цвет тем же словом, что и «желтый»... Аналогичные факты известны и для других народов (с. 15).

Если с развитием культуры расширяется доступная восприятию человека область чистых монохроматических цветов, то становится естественным предположение и о том, что расширяется доступность и овладение семантическим вакуумом. Исчезают (хотя бы и не для всех) «черные дыры». Посмотрите, как много геометрий открылось в наши дни. Но это только для тех, кто причастен к математике.

В плане философском нам представляется очень серьезной возможность проведения некоторой аналогии (хотя бы и очень условной) между физическим и семантическим вакуумом. Это будет свидетельствовать о некоем единстве Мироустройства.

И действительно, в семантическом вакууме также отсутствуют квантованные поля – тексты. В то же время возможность появления тех или иных текстов

аналогии с представлением о пространственно-временном многообразии в специальной теории относительности. Г. Резников [Resnikoff, 1974] обратился к дифференциальной геометрии при изучении цветовосприятия.

[8] Существует четыре типа неразличения цветов: дальтонизм – неспособность различать красный и зеленый цвета; дейтеранопия – отсутствие восприятия зеленого цвета; протанопия - невосприятие красного цвета и тританопия – невосприятие синего (фиолетового) цвета. Когда-то в юности, пользуясь монохроматором, мы наблюдали, что коротковолновая граница цветового ви́дения у разных наблюдателей колеблется от 4000 до 3600 ангстрем.

определяется степенью открытости семантического вакуума. Семантический вакуум, таким образом, обретает, как и физический вакуум, характер фундаментальности. Основой обоих миров – физического и семантического – оказываются в чем-то похожие вакуумные структуры.

(2) Развиваемая нами модель семантического вакуума допускает существование топологических возмущений. Следуя Дж. Уилеру, мы можем говорить о том, что на малых расстояниях геометрия флуктуирует, перемещая точки [Nalimov, 1985, p. 86–87; 1989, p. 169]. Следствием этого будет переупорядочение смыслов на оси μ. А это, в свою очередь, приведет к тому, что ранее гладкая функция p(μ) станет невообразимо негладкой. Личность, подвергнутая такому воздействию, выйдет из нашей культуры. Это может быть истолковано как психиатрическое заболевание или как преддверие новой культуры с иной системой ценностных представлений.

Культура в целом задается упорядоченностью смыслов в семантическом вакууме.

4. Некоторые параллели в описании двух Миров – физического и семантического

Отметим здесь следующие характерные черты, присущие обоим Мирам:

(1) Существование того физического Мира, в котором мы живем, задается *изначально* присутствующим набором строго фиксированных безразмерных фундаментальных констант. Небольшое изменение в числовых значениях хотя бы одной константы должно породить иной физический Мир. Согласно принятому сейчас *Антропному принципу*, не только человек адаптирован к Вселенной, но и Вселенная адаптирована к человеку [9]. При построении модели семантического Мира мы должны были признать *изначальность* существования смыслов, упорядоченных на числовой оси. Если возможно переупорядочение смыслов, то оно должно будет привести, как мы уже об этом говорили, к по-

[9] Формулировка, предложенная известным американским физиком Дж. А. Уилером. К вопросу о роли констант мы вернемся в главе VI.

явлению существенно иной культуры, т.е. иного семантического Мира. Таким образом, оба Мира – физический и семантический – существуют такими, какие они есть, в силу того что есть некая изначальная заданность, упорядоченная числом. Здесь возрождается идея об исключительной значимости числа в Мироздании, идущая еще от Пифагора, Платона и Плотина.

(2) При описании обоих Миров приходится обращаться к представлению о вакууме. Как физический вакуум, так и вакуум семантический – это отнюдь не пустые пространства, а скорее колыбели Миров, проявляющихся в одном случае в виде элементарных частиц, в другом – в виде семантических текстов.

(3) Элементарные частицы в современном представлении отнюдь не элементарны. Это не просто мельчайшие частицы, а сложные системы. Если встать на позиции философской герменевтики, то элементарные частицы можно рассматривать как тексты (или – лучше – квазитексты) физического Мира. Иными словами, текст – это есть некое состояние поля, неважно какого – физического или семантического. Переход одного состояния поля в другое можно рассматривать как реинтерпретацию текста. Так достигается удивительная общность в языках, описывающих два различных Мира.

Но тексты этих двух Миров, несмотря на общность описывающих их языков, радикально различны. Квазитексты механистичны, они лишены семантического начала – смыслов, легко классифицируемы и остаются существенно неотличимыми друг от друга [10] в рамках классификационных единиц, имеющих определенные наименования. Семантический текст всегда индивидуален, он несет свои собственные смыслы, отличные (по их селективной значимости) от других текстов. Тексты, несущие семантику, могут быть корреляционно связанными, образуя статистические структуры высокой размерности [11]. Иными словами, семантический Мир, в силу своей нематериальности, обладает большей свободой – в нем нет свойственного физическому Миру

---

[10] Вариации состояний в рамках той или иной классификационной единицы возможны, но они всегда структурно ограничены.

[11] См. [Налимов, 1989], гл II, § 6А, и гл. III, § 4, а также статьи [Drogalina - Nalimov, 1990], [Nalimov, 1989].

ограничительного начала, задаваемого фундаментальными константами.

(4) В обоих Мирах рождение нового текста (иначе – состояния поля) происходит *спонтанно*[12]. Спонтанность обретает статус философской категории и нуждается в более глубоком осмыслении.

5. Аналогия между преобразованием смыслов и процессом измерения в квантовой механике

Эта тема подробно рассмотрена в приложении к книге [Налимов, 1989]. Там показано, что бейесовское преобразование семантических текстов соответствует преобразованию волновой функции:

$$\psi_0(q) \Rightarrow \varphi(q/y_n),$$

отвечающей измененному значению физической величины y_n, реализующейся в результате измерения величины y. Здесь измерительные средства (приборы) выступают в роли фильтра y, с которыми взаимодействует микрообъект, находящийся в состоянии $\psi_0(q)$. Существенным для нас является то, что в обоих случаях используются языки, оперирующие плотностью вероятности.

6. Проблема наблюдателя

Принципиальным для герменевтического миропонимания является утверждение о существовании наблюдателя. Само представление о семантическом тексте обретает право на существование только тогда, когда есть наблюдатель, способный воспринимать тексты, или – иными словами – реинтерпретировать их (см. [Налимов, 1989], гл. III, § 6Б).

И здесь опять уместно сопоставление с квантовой механикой, где понятие «наблюдатель» вводится исходя из того, что микромир организован вероятностно, что уже само по себе необходимо требует введения представления о наблюдателе.

Вероятностное описание опыта есть описание по отношению к предварительному суждению об опыте

---

[12] Само название книги [Налимов, 1989] – Спонтанность сознания – подчеркивает эту мысль.

со стороны наблюдателя. Без наблюдателя и его суждения об опыте нет, собственно, и описания опыта, ибо тогда не могут быть высказаны никакие вероятностные суждения. Правда, возможен и другой подход. Функцию распределения мы, конечно, можем приписывать как наблюдателю, так и поведению физического микрообъекта в физике. Вопрос о том, к чему относится вероятностное распределение в вероятностном описании опыта – к объекту или к наблюдателю, – выходит за рамки самой теории вероятностей. Но как можем мы приписывать вероятностную меру объекту, если природа этой меры ментальная, а не физическая? К этой теме мы вернемся еще в гл. VI.

Будем исходить из того, что современная физическая теория – это теория явлений вместе с теорией «наблюдателя», т. е. теория погружения некоторого внешнего опыта (реальности) в семантическую среду наблюдателя, внутри которой, собственно, и делаются суждения об опыте.

Здесь уместно напомнить представление Канта о «вещи в себе» и «вещи для нас», т. е. о «феноменах» и о «ноуменах».

Если классическая физика строила описание как «вещи в себе», т. е. стремилась описать явление как таковое, то вероятностное описание заведомо относится к наблюдателю и, стало быть, описывает и его (наблюдателя) природу, и явления по отношению к нему. Именно в этом квантовая теория радикально меняет философию физической картины мира.

Даже в такой точной науке, как физика, мы имеем дело с текстами, построенными на нашем существенно человеческом языке. Это язык нашей культуры. Это некоторое множество семантических окон, через которые мы можем увидеть физический Мир. Оказывается, что через эти же окна мы можем увидеть и Мир семантический. Представление о *наблюдателе* – это на самом деле представление о семантических окнах в их трансличностном существовании. И герменевтически ориентированная философия в нашем понимании – это представление об изначально заданных смыслах, с помощью которых мы можем строить систему коррелятивно связанных окон, определяющих нашу культуру.

7. Взгляд в далекое прошлое

У истоков нашей культуры мы видим гигантскую фигуру Платона. Он признавал изначальное существование Идей, а также существование *Единого* и *Множественного*, но Множественное рассматривалось им не как дробные части Единого, а как его целостная проявленность, реализуемая через числа. В деталях все это не разъяснялось (см. [Налимов, 1989], гл. II, § 9).

Мы взяли эти представления Платона и разъяснили их, обратившись к геометрическим образам. Иными словами, мы попытались геометризовать философию. Мы стали действовать так, как действуют физики. И в результате получили язык для описания семантического Мира, очень похожий на язык, которым описывается в наши дни физический Мир.

Уже после того, как была издана книга [Налимов, 1989], мы поняли, что представление об изначальном предсуществовании нераскрытого *Слова* прозвучало также и в Евангелии от Иоанна:

> [1.1] В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог.
> [2] Оно было в начале у Бога.
> [3] Всё через Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть.

Таким образом, ранняя христианская мысль поддержала дохристианское представление эллинского мира о языковом истоке бытия. Позднее эти представления ожили в философской герменевтике (см. подборку высказываний Хайдеггера и Гадамера в книге [Налимов, 1989], гл. II, § 9).

Мы продолжаем прокладывать тот путь, начало которого лежит у истоков европейской культуры.

Уместно здесь обратить внимание и на то, что в Евангелии от Иоанна, написанном изначально на древнегреческом языке, используется слово «логос». В большом двухтомном словаре мы читаем, что первым значением слова «логос» оказывается «слово», а двадцатым – «число» и двадцать первым – «исчисление». Таким образом, греческие мыслители, глубоко понимавшие роль числа в Мироздании, могли бы воспринимать начало Евангелия от Иоанна примерно так:

В начале было число, число было у Бога, и Бог был исчислением.

Поражает здесь еще одно обстоятельство: слова «слово» и «число» оказываются синонимами. Нам, по-видимому, еще предстоит найти философский смысл этой синонимии.

8. Заключение

Основываясь на представлениях, идущих из глубокой древности, мы попытались показать, как можно построить модель сознания, формулируемую на языке, близком языку современной физики.

Хочется думать, что таким образом мы приблизимся к возможности построения *сверхъединой теории поля*, охватывающей оба Мира – и физический, и семантический.

Часть II

МЕРЦАЮЩЕЕ НА ГОРИЗОНТЕ

10. Свет и тьма, жизнь и смерть, правое и левое – братья друг другу. Их нельзя отделить друг от друга. Поэтому и хорошие – не хороши, и плохие – не плохи, и жизнь – не жизнь, и смерть – не смерть. Поэтому каждый будет разорван в своей основе от начала. Но те, кто выше мира, – неразорванные, вечные.

Апокриф от Филиппа [Свенцицкая и Трофимова, 1989]

Глава IV

МЕДИТАЦИЯ – ЭТО ТО, ЧТО ОТЛИЧАЕТ ЧЕЛОВЕКА ОТ КОМПЬЮТЕРА [1]

87. Иисус сказал: Образы являются человеку, и свет, который в них, скрыт.

Апокриф от Фомы [Свенцицкая и Трофимова, 1989]

Интерес к эзотерическому сегодня легализован. Множество теоретиков и особенно практиков медитаций различных школ и направлений, которых мы видим на телеэкранах, не просто изумляет – пугает. Волны самой безграмотной литературы «о тайном» наводнили уличные книжные прилавки. И все же за волной естественного обывательского любопытства к таинственному и необычному можно увидеть и более глубокие истоки. Человек в современном суперреалистическом мире, используя предписанное ему восприятие мира, возможно, чувствует исчерпанность этого восприятия. Он инстинктивно тянется к иным, скрытым возможностям своего сознания, которые могут раскрыть ему новые формы и смыслы бытия, дать более гармоничное жизнеощущение [Налимов, 1978; 1989], [Nalimov, 1982], [Grof, 1982; 1988], [Shapiro and Walsh, 1984].

З. Островская: Насколько мне известно, вы одним из первых советских ученых ввели термин «медитация» в научную литературу. Хотя в переводе с латинского meditatio – размышление, имеется множество определений этого понятия (учеными, практиками йоги, дзэн и т. д.). Вы в своей недавно вышедшей книге «Спонтанность сознания» также даете несколько определений: «медитация как средство, расширяющее наш внутрен-

---

[1] Интервью было дано З. В. Островской – ответственному секретарю журнала Человек. Опубликовано в № 3, 1991 г., с. 43–50. Интервью давал автор книги совместно с Ж. А. Дрогалиной, руководившей медитационными сеансами в небольшой группе художников в течение 8 лет. Эпизодически ею также проводились медитации в больших аудиториях. Работы художников несколько раз демонстрировались на московских выставках. Несколько постмедитационных картин представлено в книгах [Nalimov, 1982], [Налимов. 1989].

ний опыт, медитация как форма самогипноза, как прием, усиливающий открытость личности, как освобождение сознания от семантической скованности, раскрепощение спонтанности» и т. п. Значит ли это, что термин не имеет постоянного смысла?

В. Налимов: Вообще-то первым ученым, который употребил термин «медитация» в наше время, был А. Пятигорский. И не только употребил, но и ввел в БСЭ. И сделал это хорошо. И еще – никто на это не обратил внимания. И было принято считать, что термина такого в науке нет.

Я же с термином «медитация» знаком со своей юности, тогда это понятие использовалось в определенных кругах русской интеллигенции и ни у кого не вызывало сомнений. Потом это слово исчезло из научного обихода.

Человек, занимающийся медитацией, настраивает свой ум на определенный лад. Именно настраивает. Это подчеркивают разные специалисты. Вот, например, Лешан – практикующий психолог и один из пионеров изучения медитации – пишет так:

> Настраивание и обучение ума, как настраивание и обучение тела у атлетов, является одной из главных задач всех форм медитации (с. 8).

Это в его книге «Как медитировать» [LeShan, 1974/1986].

Отключаясь от внешнего мира, от нескончаемого диалога с самим собой, человек сосредоточивается в самом себе – своем внутреннем пространстве, чтобы в углубленном покое покинуть привычные пределы слов, мыслей, чувств и пережить, узнать в собственном опыте то, что иначе непостижимо. Это приближение к сущности вещей, к своему «поэтическому Я». Помните, у Цветаевой: «Стихи растут, как звезды и как розы...» Превозмогая привычные модели, идентификации, программы, трансцендируя, мы становимся свободнее. Это, по существу, путь свободы. Это состояние свободы, которая гораздо более внутренняя, как всякая семантика, чем внешняя. Опять об этом лучше сказано у поэта:

Меж тем как я - добыча суеты.
Игралище ее непостоянства, –
Во мне он вечен, вездесущ как ты,
Ни времени не знает, ни пространства.

Это Фет – одно из его самых медитативных и глубоких стихотворений – «Не тем, Господь, могуч, непостижим . . .».

В медитацию многие входят спонтанно, часто не осознавая этого, например творчески активные ученые. В некоторых своих работах я упоминаю прием, которым пользовался в юности, когда обращался к медитации, не понимая этого. Я тогда работал в физической лаборатории, где часто приходилось решать нерешаемые задачи. Например, эксперименты не оправдывали некоторых, казалось бы очевидных, теоретических соображений. Что было делать? Меня тянуло в библиотеку, где я оставался какое-то время, листая попавшиеся под руку журналы. Не думая. Решение приходило само... Как озарение. Перелистывание страниц, достаточно механическое и ритмичное, помогало разомкнуть круг той зацикленности, которая удерживала в моделированных пределах. «И я выхожу из пространства / В запущенный сад величин, / И мнимое рву постоянство / И самосогласье причин...» Это уже Мандельштам. Опять поэты. То самое «поэтическое Я», способное разрушить «мнимое постоянство».

О процессе творчества математиков интересно пишет Ж. Адамар, отмечая, что открытия в математике – это всегда озарения. Ответ надо звать, и он приходит. Надо быть настроенным. Или так: стать тем инструментом, на котором Бог исполнит свою мелодию.

Медитация и помогает стать инструментом, с помощью которого измеряется относительность любого варианта реальности.

Звал тебя миннезингер на струны,
Я молил тебя вновь – ты сошла,
Ты слетела ко мне вечно юной...

(Д. Андреев)

Медитация – это путешествие в глубинах нашей безмерной психики, безмерного опыта – семантического континуума.

Теперь относительно постоянного смысла термина «медитация». Ни один термин не имеет постоянного, жестко заданного смысла. К примеру, пси-функция – одно из основных понятий квантовой механики. Есть высказывания ряда зарубежных ученых, показываю-

щие, сколь разнообразно понимается этот термин. Я это рассматриваю в книге «Вероятностная модель языка», где привожу примеры того, какой смысл имеет словосочетание «математическая статистика». Так вот, эта подборка высказываний носит просто анекдотический характер – настолько они разноречивы. А ведь это специальность, научная дисциплина...

Мы можем, скорее всего, только попытаться очертить контуры слова, раскрыть его содержание, учитывая контекст, ситуацию, чему-то придавая большее, чему-то меньшее значение...

Вот, например, слово «медитация» в английском тезаурусе Роже – это целое семантическое поле, хотя в нем все же есть какие-то смысловые доминанты. Основную смысловую нагрузку несут такие слова, как «внимание», «уединение», «мистика». Слову «внимание» вообще в некоторых определениях медитации, по крайней мере таких, которые дают психологи трансперсонального направления, придается особое значение: они пишут, что «по существу, медитация может быть определена, как любая другая дисциплина, направленная на усиление осознания посредством сознательно ориентируемого внимания...» ([Walsh, Vaughan, 1980], с. 136).

Особенно хочется подчеркнуть: не надо пытаться ничего определять, надо только разъяснять. И вот когда человек сам пройдет какой-то путь медитации, когда он прочтет десятки книг, когда он сам это переживет, – тогда он поймет, что такое медитация. Только тогда, когда поработает, приобретет опыт. Иначе нельзя ничего сказать, как нельзя сказать человеку, у которого никогда не болели зубы, что такое зубная боль. Вы можете сказать, что такое зубная боль?

З. О.: Я знаю, что это больно...

Процесс медитации, грубо говоря, идет двумя путями. Первый – традиционный, исторически сложившийся – путь определенных психотехнических упражнений, созерцания, уединенного размышления и т. д. Второй – применение химических (часто растительных) препаратов для достижения аналогичных состояний. Опыты Дж. Лилли и С. Грофа с ЛСД для расширения сознания и терапии достаточно известны. Как Вы считаете, есть ли какие-либо качественные различия в достигае-

мых результатах? Можно ли назвать это имитационной медитацией? Не опасно ли это для человека?

В. Н.: Я думаю, что психоделиками человечество пользовалось очень давно. И это, видимо, не искусственный, а естественный прием. Посмотрите, скажем, книги Кастанеды или Лилли - там все начинается с использования психоделических средств. Сейчас появилась даже теория такая, умозрительная, естественно, пытающаяся объяснить тот скачок, который произошел в эволюции человека, - как он из существа, близкого к животным, стал мыслящим существом. Предполагается, что этому помогли... мухоморы. Они разбудили фантазию и породили язык. Я не знаю, правомерен ли такой взгляд, и вряд ли мы это узнаем. Но если это так, то, значит, в природе был заготовлен препарат, который должен был подействовать на человека. Почему вдруг в природе оказываются сравнительно простые соединения типа ЛСД и почему они могут оказывать такое потрясающее, удивительное воздействие? В конце концов, употребление вина – это ведь тоже некоторое средство воздействия на психику, и к тому же очень опасное, и греки говорили, что они, в отличие от скифов, знают, что такое вино и как с ним можно обращаться... А почему нигде не удалось ввести сухой закон на сколь-нибудь длительное время?

У меня лично никогда не было опыта ЛСД-терапии, так же как у тех, с кем я имею непосредственно дело, и я не представляю их опыта. Но то, что я читал в описаниях, позволяет мне сделать вывод, что, конечно, ЛСД-терапия сильнее, чем обычная медитация. Вот сейчас С. Гроф использует особую технику медитации (она называется гипервентиляция), которая составляет только часть его концепции холотропной терапии [2]. Жанна Александровна принимала участие в сеансе гипервентиляции у Грофа, я же остался просто наблюдателем.

---

[2] Холотропная терапия альтернативный вариант глубинной психологии, направленный на восстановление целостности (от греч. holos цельный). Специально разработанная процедура включает контролируемое дыхание (гипервентиляцию), музыку и различные формы использования звука, а также фокусированную работу с телом [Grof, 1988].

Рассказывает **Ж. А. Дрогалина**:

– Да, я все хорошо помню. К тому же я записала впечатления сразу после сеанса.

Начался он вечером и продолжался весь следующий день. Мы получили инструкции и пришли в большой зал, вместивший около 300 человек. Пришли психотерапевты, психологи, хилеры и просто интересующиеся (это был платный семинар). Было тесно, но не вплотную. Одна половина лежала (те, кто усиленно дышал), другая – сидела (те, кто помогал каждому лежащему). Были еще терапевты-помощники, около 20 человек – команда Кристины и Стэна Гроф.

И вот началось. Расслабиться обычным способом (тем, кто лежит), дышать ровно, обычно, фокусируя внимание на дыхании. Без музыки. Потом перейти к усиленному дыханию. И вдруг слышу барабанный бой, шаманский бубен. Громкий, резкий звук. И вылетаю. На Голгофу (так я чувствовала). И потекли слезы. Целый поток. Я чувствовала, как дрожали веки, ноздри, как скатывались под голову слезы. И при этом я была достаточно независимым наблюдателем, чувствительным и внимательным ко всему, что происходило снаружи и внутри. Вокруг меня гремела и пела музыка, стонали, вопили, кричали, рычали люди. А я думала, что это звуки музыкального сопровождения.

Внутри – тоже звучало что-то. Где-то вверху тонко висел прозрачный звук – его-то я и старалась услышать. И могла, так как была внимательна. Он звал, и я шла. Я слышала все стоны там, на земле – на полу. Но они не мешали, не держали. Я держалась за звук. И он меня держал. И я молча твердила соседу, который сильно кричал: «Не плачь, не плачь, все хорошо, потому что летит тонкий голубой звук и светится высокая вертикальная нить». Потом слезы остановились. Боли в теле прошли. И мне казалось, что я стала легче...

В. Н.: «Основное кредо холотропной терапии состоит в признании потенциала необычных состояний сознания, способных к трансформации и эволюции, обладающих оздоровительным воздействием... Основная стратегия сводится к тому, чтобы довериться мудрости нашего тела» [Grof, 1988].

З. О.: Это очень интересно...

В. Н.: Вы знаете, здесь любопытно вот что: Гроф

перешел к гипервентиляции после того, как в Америке запретили использование ЛСД-терапии, хотя психиатры снова поднимают вопрос о ее использовании.

Я как-то не сторонник обращения к таким радикальным формам, но хочу обратить внимание на то, что результаты ЛСД-терапии Грофа близки к тем, которые получали мы в наших медитациях, хотя, может быть, у него эффект был более сильный, проникновение более глубокое. Особенно если говорить о протоколах, которые повествуют о том, что можно назвать реинкарнационными воспоминаниями. Есть протокол ЛСД-терапии, записанный рабочим, проходившим курс лечения. Он описывает процесс мумификации в Древнем Египте. Психиатр уточняет это описание у специалиста, который говорит, что все очень хорошо, правильно и – более того – содержит то, о чем специалисты не знали, но догадывались. Откуда же этот человек, рабочий, мог такое знать? Он никогда не занимался Древним Египтом... Этот пример хорошо иллюстрирует идею семантического континуума, который позволяет объяснить, почему человек способен знать то, что в данном воплощении он «не проходил».

В измененном состоянии сознания появляются совершенно новые запахи, причем не просто запахи – благоухание... В наших медитациях часто такое бывало – люди чувствовали особый, «озонированный» воздух... На меня сильное впечатление произвела одна медитация – Лассаля, иезуитского монаха и дзэн-буддиста. Это было в Ганновере, на философском конгрессе. Там каждое утро начиналось с медитаций разных школ. Лассаль после медитации вместе с двумя монахами совершил обряд в традиции ордена иезуитов – не знаю, как надо точно назвать эту мессу... Они сидят за столом. Перед ними большая чаша с вином. Совершаются какие-то ритмические движения руками, и в них неизменно участвует чаша, возможно символ Грааля. Читаются отрывки из Священного Писания... Ощущаешь себя в совершенно ином мире. Его нельзя выразить обычными словами. Может быть, надо обратиться к ритмическим средствам или сделать что-то еще, не знаю... Словом, чтобы описать впечатление от происходящего, надо пользоваться каким-то другим языком. Опять как у поэта: «Надо бы мне говорить

о тебе на языке Серафимов» (Н. Гумилев). Новое мирочувствование. Как мифочувствование.

Что касается опасности, то это тоже непростой вопрос. Опасным может быть все что угодно – даже простая еда в неумеренном количестве. Все очень легко может стать опасным. Но дело не в этом. *Всякая опасность – это вызов. Надо уметь принять его.*

З. О.: В любом случае медитация – это превращения сознания? Или в ней участвуют и другие внутренние силы человека?

В. Н.: В ней участвует весь организм человека.

Я бы сказал так: медитация – не что-то особенное, это обычная форма поведения нашего сознания. Она может быть разной степени глубины, может возникать спонтанно или осознанно, но это свойство нашего сознания – вот, собственно, о чем идет речь. И когда ее рассматривают как нечто недопустимое, зловредное (кстати, в свое время нашу с Ж. Дрогалиной статью не пропустили в журнале «Знание – сила», ссылаясь на то, что это повредит молодежи...) – это несерьезно. Надо наконец понять, что молодежь – это не компьютеризированные автоматы, а люди, хранящие в себе весь опыт исторического прошлого. Медитация – это путешествие в глубинах своей психики. Не понимая, не зная самих себя, мы не можем уверенно существовать в этом неспокойном, напряженном мире.

З. О.: Можно ли объяснить то, что одни (например, Рамакришна, Кришнамурти) впадали в самадхи непроизвольно, другие идут к достижению этого состояния годами, третьим этого не дано вовсе?

В. Н.: 80–85 процентов людей открыты медитации. Об этом свидетельствует наш опыт. Их самоотчеты очень интересны. А 15–20 процентов – закрыты. Их самоотчеты очень клишированы и скучны. Однажды мы медитировали с группой будущих космонавтов, и все они, кроме руководителя группы («начальника»), дали интересные протоколы. А он не смог... Расслабляться не положено. Возможно, эти 15–20 процентов нуждаются в более сильном воздействии, таком, например, как гипервентиляция. А может быть, просто наши условия неблагоприятны для того, чтобы бессознательное могло осуществлять необходимую работу самостоятельно. Но если этот процесс искажен, то человек оказывается загнанным в патологию. Ведь

когда появляется какая-то симптоматика, это прежде всего самое серьезное указание на то, что бессознательное хочет вмешаться и что нужно что-то делать в этом направлении... Человек должен свой внутренний рост осуществлять самостоятельно, но как? Это проблема нынешней культуры... И что еще было в нашем опыте интересно: когда мы посмотрели весь массив слов в протоколах медитаций со словом «свобода», то оказалось, что самое главное слово, наиболее часто употребляемое в них,– слово «Я». И это понятно, потому что в отчете – *мое* переживание, *мой* собственный опыт. А когда мы обратились к словарю Ожегова и составили аналогичный частотный словарь этого слова, то главной оказалась оппозиция «Я» – «Мы», «коллектив». Парадигму нашей культуры (а словарь – ее полномочный представитель) не очень-то заботит индивидуальный опыт.

З. О.: Медитация, как Вы пишете, – переосмысление и перестройка пространственно-временных ограничений и даже их преодоление. Медитационные протоколы, приведенные Вами, – это вербально зафиксированный образный ряд. Есть также вербальное описание состояний сознания, чувств без зрительных образов – например, Кришнамурти. Можно ли, на Ваш взгляд, адекватно передать эти состояния? Вообще зафиксировать этот опыт?

В. Н.: Я скажу так: конечно, привычное пространственно-временное восприятие мира нарушается. Я вообще глубоко убежден сейчас, что пространство и время – это форма восприятия мира нашим сознанием. Наблюдатель воспринимает мир так, как это ему задано изначально. Если бы существовало пространство, независимое от наблюдателя, то мы знали бы его геометрию. Современная физика готова опираться на пространства с существенно различными геометриями. Обращаясь к эксперименту, здесь нельзя сделать однозначного выбора. И представление о времени, вероятно, дано нам априори. Это дает возможность человеку ориентироваться в этом мире... Да, структура пространства и времени в медитационных состояниях (так же, как и в сновидениях) разрушается. Мы начинаем воспринимать мир совершенно иным.

Медитативный опыт, как и сны, фиксировать трудно. Мы живем во внутреннем пространстве меньше,

чем во внешнем. Нам не хватает опыта бытия во внутреннем пространстве. Поэтому не хватает и языка. Он есть у поэтов. В большей степени, чем у философов.

Как тихо стало в природе,
Вся – зренье она, вся - слух.
К последней, страшной свободе
Склонился уже наш дух...

(Н. Гумилев)

В одной из статей журнала «Трансперсональная психология» описывались медитации с людьми разной степени подготовленности, и оказалось, что наиболее продвинутые буддистские монахи не смогли описать свой опыт иначе, как повторив догматику буддизма. Так что фиксировать опыт, наверное, всегда можно, и при этом важной оказывается пред-настроенность. Мой знакомый бенедиктинский монах из Германии [3] считает хорошим состоянием, когда человек соприкасается с Ничто – Миром без образов, Пустотой, приближающей к Богу. Вообще в католической медитации предпочтительные «объекты» внимания – Бог, Христос, Любовь.

Что же касается пространственно-временных изменений в состоянии медитации, то их хорошо систематизировал С. Гроф в процессе своей многолетней и многообразной практики. В трансперсональном опыте он различает такие возможности [Grof, 1988]: *временное расширение сознания,* включающее переживания предков, постинкарнационный опыт, эволюционный опыт; *пространственное расширение сознания,* включающее идентификацию с другими личностями, идентификацию с животными и растениями, планетарное сознание, сознание неорганической материи и пр.; *пространственное сужение сознания – до уровня отдельного органа; ощущение реальности, выходящей за границы «объективной реальности»,* – опыт переживания других вселенных и встреча с их обитателями, восприятие сложных мифологических сюжетов, интуитивное понимание универсальных символов, восприятие сознания Ума универсума, восприятие сверхкосмической и метакосмической пустоты.

---

[3] В. Егер (Jäger) – немецкий теолог, бенедиктинский монах, изучавший дзэн в Японии. Руководит медитационным центром Его книга: [Jäger, 1987].

З. О.: Вы пишете, что, выходя из медитации, человек чувствует себя обогащенным, испытывает положительные ощущения. Но, может быть, бывают и другие случаи – когда высвобождаются саморазрушающие, поражающие силы?

В. Н.: В медитации каждый человек открывает свои собственные, необыкновенные пространства, он сам себя переоценивает. В результате этой переоценки у него возникают новые отношения не только с собой, но и с миром, с универсумом, и поэтому процесс медитации столь терапевтически значим. Если возникает отрицательная реакция, значит, не годится выбранная форма, ее надо менять. Один из критериев правильно выбранного метода – психологический комфорт. Методов очень много. Их можно менять. Важно, чтобы медитация помогала внутреннему росту.

З. О.: А у Вас большая аудитория?

В. Н.: Обычно 10 человек, но бывает и больше. Однажды 200 человек собрали здесь, в Москве. В центре города, шум – и ничего, хорошо было...

З. О.: Термин «многомерность пространства» уже прочно вошел в обращение. Если говорить о многомерности сознания, то, может быть, медитация – это не только существование сознания в пространстве, а преодоление или стремление к преодолению одномерности сознания? Или все-таки это функционирование части сознания?

В. Н.: Что значит части сознания? Я думаю, что пространство – это некие заданные нам возможности видеть мир; мы через пространство видим мир – так мы устроены. Вот пример – три точки; три – священное число, и, когда человек в своем развитии сообразил, что три точки можно соединить и получится треугольник, он стал человеком. Мы понимаем, что такое треугольник, а не просто видим его. Недавно я прочел в книге одного западного философа вопрос: почему природа устроена так, что ее легко описывать математически? Я думаю, что вопрос поставлен неправильно. Это не природа так устроена, ей нет никакого дела до математики – так устроены мы! Почему мы? Потому что мы воспринимаем мир через пространство и число, а они есть объекты математики.

Пространство может быть одномерным, многомерным, не только с гомогенной, но и с гетерогенной

метрикой, с какой-то нетривиальной топологией, когда особым образом меняется ситуация в окрестности точки. Или можно мыслить пространство, в котором каждая точка является в свою очередь пространством. Это удивительные образы, через которые мы можем воспринимать мир и описывать его. Так мы устроены. Почему – другой вопрос. Я думаю, это имеет какой-то глубокий смысл.

Трудно представить себе существа, воспринимающие мир без пространства. Не хватает фантазии. Но в принципе такая возможность не исключена и – более того – очень привлекательна. Так как пространство, время, число – это только метафоры, можно допустить существование других миров, наблюдатели в которых устроены иначе. В мифах Земли мы встречаем таких наблюдателей (например, ангелы, архангелы, херувимы, серафимы). Я ввожу понятие семантического пространства, исходя из платоновского положения о том, что изначально смысл дан нам в непроявленном состоянии. Все эти смыслы (это уже не Платон) упорядочены на числовой оси, упакованы так, как упакованы действительные числа на прямой. Тогда возникает образ семантического пространства. Можно говорить об одномерном или многомерном пространстве. С введением многомерности расширяются наши представления о сознании. И наверное, эволюция человека должна будет заключаться в том, что он будет становиться многомерным. И тогда возможной станет терпимость, которой так недостает сегодня... Очевидно, многомерность сознания есть будущее развития человека. Пока же мы как минимум двумерны, поэтому-то мы ведем постоянно диалог с самими собой, ведь если бы у нас была одна система ценностных представлений, было бы бессмысленно вести диалог, ибо мы бы неизменно давали одни и те же ответы на возникающие у нас вопросы.

З. О.: Возможно ли, на Ваш взгляд, коллективное расширение сознания?

В. Н.: Это серьезный и трудный вопрос. Я думаю, что коллективное расширение сознания станет возможным, когда возникнет корреляционная связанность семантически различно ориентированных личностей. Такое общество можно будет назвать гиперличностью, т. е. личностью, воплощенной в разных физи-

ческих телах. Надо отдавать себе отчет в том, что гиперличность может возникать и из корреляционной связанности семантически одинаково ориентированных личностей. Тогда становится страшно – это бездумное поведение возбужденной толпы, способной на насилие.

Но корреляционная связанность разномыслящих возможна только в том случае, если всем доступно многообразие культуры. Без этого взаимопонимание невозможно – не на что опираться.

Сейчас этого нет. Содержание современной культуры грандиозно. Но все разнесено по отдельным закромам. Что, скажем, знает современный психолог о философски звучащих достижениях математики, теоретической физики, космогонии? А что знает он о духовном опыте древних культур? Многие ли математики обращают внимание на мировоззренческое звучание идей в своей области знания?

Возникла новая форма эзотеризма. Раньше эзотеризм охранялся тайной. Знания передавались изустно – только посвященным, доверенным. Теперь все публикуется. Но эзотеризм охраняется *непониманием*. Каждый может по-настоящему понимать только что-то в своей узкой области. Все достижения культуры, взятые в целом, не доступны никому.

Значит, в плане мировоззренческом, а следовательно, в плане социальном культура, по существу, бездейственна. Обществу она дает только технику и комфорт, и часто ценой глобального экологического кризиса.

Мне думается, что одной из центральных проблем ближайшего будущего станет проблема расширения коллективного сознания. Нужно будет направить усилия на овладение всем достоянием культуры. Нужно будет существенным образом изменить всю систему воспитания и образования. Преодолеть искусственно созданную брешь между рациональным и иррациональным началами нашего сознания.

Нужно перейти от подготовки специалистов к подготовке культурного человека.

Но выполнима ли эта задача в широкой постановке? А если нет, то что тогда?

З. О.: Должна ли, на Ваш взгляд, практика медитации оставаться эзотерической?

В. Н.: Европейская традиция была связана с эзотеризмом. Это была орденская монашеская практика. Вот интересный факт: упоминавшийся выше бенедиктинский монах-теолог в своем выступлении на конгрессе так назвал свой доклад: «Медитация – раскрытие христианского эзотеризма». И насколько я понимаю – не знаю, прав ли я, – по-видимому, было принято какое-то решение открыть эзотеризм, поскольку ситуация ныне настолько критическая, что приходится идти на риск. Но это моя догадка...

На самом деле эзотеризм все равно сохраняется, так как воспринимать его может только подготовленный человек. Он есть и в науке, я уже говорил об этом...

З. О.: Если представить человечество единым физическим телом на Земле и как часть его – единое сознание, то можно ли вообразить медитацию этого единого сознания человечества?

В. Н.: Это единое сознание, конечно, существует. Сейчас за рубежом начинают проводить коллективные медитации, предлагают в это включаться... Есть очень интересное описание коллективной медитации на одном из островов в Индийском океане, где около 300 подготовленных инструкторов в течение лета проводили коллективные медитации и по многим параметрам оценивали ситуацию. Оказалось, что в период их деятельности на острове снизилось количество грабежей, разводов, самоубийств, изменилась температура воздуха, количество осадков и т. п., а когда они уехали – все показатели вернулись на прежний уровень. Энтузиасты США из разных духовных общин практикуют одновременную коллективную медитацию в разных странах мира. Мы получали приглашения присоединиться в назначенный день и час. Все это пути оздоровления общества, но общества подготовленного. Все не так просто. Задачи медитации не только терапевтические, но в значительной степени *духовные*. Техника пришла из опыта мистиков. Здесь опять приходится обсуждать проблему культуры. Надо воспитывать культурного человека, готовить его, *ставить* человека. Как ставят голос, ставят на крыло. Как это делали в пифагорейских школах. Инициировать.

Недавно появилось факсимильное издание книги Шюре «Великие посвященные». Это замечательная

весть из прошлого, по которому сверстывается будущее. Без прошлого будущего нет. Такова модель. Я об этом пишу в своих книгах.

З. О.: Дж. Лилли в книге «Моделирование Бога» рисует две, грубо говоря, картины постижения Вселенной: Бога – образно-сенситивную и «компьютерную». Вселенная, функционирующая как гигантский компьютер, и Бог, кодирующий (условно говоря, конечно) все состояния духа, согласитесь, удручают. Как Вы считаете, в связи с электронным бумом не станет ли эта модель действительностью?

В. Н.: Сейчас появилась хорошая метафора сознания – компьютер. Описание мозга как квантово-механического компьютера представляется, несомненно, интересным, хотя охватывает только нейрофизиологические процессы, связанные с взаимодействием тела с внешним миром. Некоторые авторы считают, что «любая функционирующая система, способная получать и использовать информацию, идущую от среды, или вносить ее в среду, может быть квалифицирована как обладающая сознанием...». Такое расширенное представление о сознании приведет к тому, что придется говорить о сознании как о феномене, который еще может и не обладать смыслами. Мне кажется, что в этом случае лучше пользоваться термином «квазисознание»... Что же касается Лилли, то я бы сказал так: медитация и соответственно спонтанность принятия решений – это то, что отличает человека от компьютера... То, что позволяет ему остаться человеком в любых переживаниях и опытах... в его хождении трудными путями «в поисках за Божеством»... [Николаев, 1913].

Глава V

ИРРАЦИОНАЛЬНОЕ В РАЦИОНАЛЬНОМ [1]

Силуэты вольного Университета

Любое не поэтическое раскрытие
реальности не может быть полным.

Дж. Барроу [Barrow, 1991, p. 210]

Реабилитация иррационального

В наши дни проблема *иррациональное против рационального* приобретает особенно серьезное звучание. На ней замыкаются не только попытки понять природу человека в ее личностном и коллективном проявлениях, но также и попытка осмыслить возможные пути выхода человечества из надвигающегося на него глобального кризиса.

Мы не будем здесь рассматривать исторический путь развития этой проблемы. Отметим только, что диалектический материализм, следуя в значительной степени идеям эпохи Просвещения, предложил снять с рассмотрения эту тему. В Философской энциклопедии [1962] мы находим такое высказывание:

> *Иррациональное* – принципиально недоступное рациональному познанию, несовместимое с разумом и несоизмеримое с его возможностями. Как философская категория специфична для идеализма и агностицизма. Объективной реальности, соответствующей этой категории, диалектический материализм не признает. Иррациональным нельзя называть явления, которые остаются не познанными на данной ступени развития науки и практики или непознаваемы в данных, исторически достигнутых условиях жизнедеятельности людей.

Почти такими же словами термин *иррациональное* разъясняется в современном справочном издании – Философском энциклопедическом словаре [1989]:

---

[1] Работа ранее была опубликована в журнале Человек, 1991, № 4, с. 22–32.

Иррациональное, в самом общем смысле, находящееся за пределами разума, алогическое или неинтеллектуальное, несоизмеримое с рациональным мышлением или даже противоречащее ему...

В теории познания диалектического материализма иррациональное рассматривается как нечто еще не познанное, но принципиально познаваемое.

В наши дни эти излишне категорические высказывания представляются достаточно наивными, хотя они и перекликаются с позитивистской (в широком понимании этого слова) настроенностью официальной западной науки о человеке.

Во всяком случае, в знаменитом Оксфордском словаре [The Concise Oxford Dictionary, 1980], отражающем мировоззренческие установки западной, и прежде всего англоязычной, культуры, мы читаем такие слова:

Рациональное — практика объяснения сверхъестественного в религии разумным способом, или отношение к разуму как главному источнику (авторитету) в религии и во всем остальном; теория, согласно которой разум является основанием несомненности (залога) знания.

Иррациональное – неразумное, нелогичное, абсурдное, не наделенное разумом.

Здесь все сказанное звучит мягче, чем в наших словарях, но тем не менее остается безусловное противостояние двух начал: рационального и иррационального. Именно против такого противостояния направлено наше понимание природы человека.

Сейчас при рассмотрении природы сознания человека надо учитывать следующие обстоятельства, долго остававшиеся недостаточно осмысленными:

I

Теорема Гёделя о *неполноте* достаточно богатых формальных систем (1931). В таких системах имеются высказывания, истинность или ложность которых недоказуема и неопровержима. Отсюда можно сделать вывод о том, что мироздание не может быть описано на одном формальном языке с конечным числом аксиом [2].

[2] Эта тема детально рассмотрена в книге [Nalimov, 1981].

Дж. Барроу – философски ориентированный астрофизик – в своей новой книге [Barrow, 1991] говорит, опираясь на теоремы Гёделя, Чёрча и Тьюринга:

> Возможности Теорий Всего бесконечны, но ограниченны; они являются необходимыми для полного понимания существующего, но они далеко не достаточны для раскрытия тонкостей Вселенной, такой, как наша. На страницах этой книги (книги Барроу.– *В. Н.*) мы увидели нечто такое, чему Теория Всего могла бы нас научить относительно единства Вселенной, и способ, которым она объединяет элементы, выходящие за пределы нашего теперешнего представления о раздробленности составных частей Мироздания. Но мы одновременно поняли, что есть нечто большее, чем схватывает глаз. В отличие от множества миров, доступных нашему воображению, наш мир содержит ожидаемые элементы. Теория Всего может и не повлиять на предсказание этих будуших атрибутов реальности; и однако же, как ни странно, многие из этих качеств могут сами использоваться в сделанном человеком отборе и приятии эстетически приемлемой Теории Всего.
>
> *Нет формулы, которая могла бы представлять всю истину*, всю гармонию, всю простоту. Никакая теория Целостного видения Вселенной не может обеспечить полного понимания. Попытка видеть через целостность приведет нас к неспособности видеть что-либо вообще (с. 210).

Итак, мы видим, что иррациональное должно будет вмешаться, дополняя недостаточность чисто рационального.

Математик Р. Пенроуз эту же тему освещает иначе [Penrose, 1990]:

> Как протекает мышление? Математики отчетливо осознают способ размышления, не поддающийся формализации, он касается природы понимания и смысла. Гёдель показал, что именно манипулирование смыслами, задаваемое формальным определением математики, имеет границу (теорема Гёделя, 1931). Оно никогда не охватывает всю математическую истину. Вопреки этому существенным оказывается осознание того, что скорее есть понимание, чем манипулирование смыслами. Не все вычислимо в математике. Иначе «внезапность» («Ах!») осознания будет целиком утрачена (с. 120).

II

Появление множества логических теорий: интуиционистской логики, многозначной логики, включающей в себя и вероятностную логику, модальной логики, семантической логики (Тарского). Стало возможным говорить о логике квантовой механики, об алогической логике мифа, в наших работах – о бейесовской

логике и о метрической логике [Налимов, 1989]. Если согласиться с тем, что термин *рационализм* сопряжен с представлением о формализации суждений, то нужно будет признать, что смысловое содержание этого термина потеряло былую четкость, оказавшись теперь крайне размытым.

III

Почти до конца XIX века как ученые, так и философы (исключая, правда, Гегеля) рассматривали представление о *случайном* как выражение нашего вульгарного незнания[3]. И только физика XX века оказалась вынужденной признать за *случаем* онтологический статус. Случай – в своем данном, конкретном (единичном) проявлении – не может быть задан алгоритмически. Можно оценивать только возможность той или иной его реализации. Мы говорим, что случайная величина задана, если задана функция распределения вероятности или плотность вероятности (для непрерывно изменяющейся величины). Случайная величина описывается в поведенческих, а не в причинно-следственных терминах. И если само понятие *рациональность* связывать с возможностью детерминистического, безусловно объективного описания явлений, то тогда *случайность* надо рассматривать как явление *иррациональное*. Отсюда становится понятным долгое неприятие наукой и философией онтологии случайного, а также длительный и тщетный поиск скрытых параметров в квантовой механике. Отсюда же, возможно, и несостоятельная формулировка «наука – враг случайного», идеологически утвердившаяся в свое время.

Отметим здесь, что иррациональность случайного непосредственно следует из сохраняющего свою силу учения Канта о знании [Кант, 1964]. Согласно Канту, мы можем мыслить объекты созерцания только благодаря тому, что наш рассудок содержит 12 априорных (чистых) *категорий*. Одной из них является *причинность* и *зависимость* (причина и действие). О случайном он говорит следующее:

---

[3] Эта тема нами также детально рассмотрена в книге [Налимов, 1979].

...сам случай мы познаем только в опыте... (с. 500).
...от эмпирической случайности нельзя заключать к умопостигаемой случайности (с. 430).

Он вводит даже представление о «безграничной случайности»:

...в таком случае умопостигаемая причина означает лишь трансцендентальное и неизвестное нам основание возможности чувственного ряда вообще, и существование ее, независимое от всех условий чувственного ряда и безусловно необходимое в отношении их, вовсе не противоречит безграничной случайности его, а следовательно, и нигде не заканчивающемуся регрессу в ряду эмпирических условий (с. 499).

Итак, опираясь на концепцию Канта, можно сказать, что в наши дни, вводя *случайное* в знание, мы даем статус умопостигаемого тому, что прежде считалось неумопостигаемым (т. е. неразумным). В этом – прогресс в раскрытии нашего сознания, происходящий под влиянием развития науки, и особенно физики. Сознание расширяется за границы традиционно признанной априорности как изначальной заданности, так обстоятельно раскрытой Кантом.

IV

Наконец осуществилась мечта средневековых оккультистов – создан механический разум. *Искусственный интеллект* позволяет нам ставить эксперименты, раскрывающие возможности технического и, следовательно, строго алгоритмизированного мышления. Еще многое предстоит узнать здесь, но и открывшееся сейчас показывает, что неправомерно представление о строгом разграничении интеллектуальной деятельности на рациональную и иррациональную. Даже чисто техническое мышление во взаимодействии с человеком может обретать элементы иррационального. Так, оказалось, что обращение к дисплеям может легко расширить заложенную в нашем сознании геометрическую интуицию, делая доступным даже для нематематиков заглядывание (с помощью специальных программ) в четырехмерность пространства [Налимов, 1989]. Таким образом, оказывается, что интуиция, относящаяся традиционно к сфере иррационального, раскрывается через механистически реализуемую рациональность.

Другой пример: в задачах таксономического типа, по-видимому, можно говорить о весьма эффективных программах компьютерной индукции, остающихся не всегда понятными для самого исследователя [Michie, 1985]. Не сталкиваемся ли мы в этих ситуациях с компьютерной (т.е. рационально создаваемой) иррациональностью?

Приведем несколько высказываний о психологических аспектах искусственного интеллекта из книги, написанной еще в прошлом десятилетии [Boden, 1977].

> Таким образом, вопреки распространенному мнению главное метафизическое значение искусственного интеллекта состоит в том, что он может *противодействовать* скрытому дегуманизирующему влиянию естественных наук, на которое жаловались многие культурологи. Осуществляется это противодействие посредством демонстрации, научно приемлемым способом, того, каким образом психологические сущности, внедренные в материальный мир, столь сильно тем не менее отличаются от «материи». Совсем не настаивая на том, что люди – это «всего лишь машины», искусственный интеллект укрепляет нашу уверенность в том, что мы, по сути, субъективные существа, живущие в мире собственных ментальных конструкций реальности, включая и науку. Кроме того, искусственный интеллект предлагает тем, кого это интересует, поучительную теоретическую метафору разума, благодаря которой можно с большей ясностью, чем раньше, формулировать психологические вопросы. Чем шире будут признаны как профессионалами, так и дилетантами его достоинства, тем меньшую угрозу будет представлять искусственный интеллект для понятий «Я» и «Общество» (с. 473).

Здесь мы хотим особенно подчеркнуть мысль автора о том, что компьютер стал теоретической метафорой разума, позволяющей с большей, чем раньше, отчетливостью понять природу нашего сознания, выделяя в нем особые, чисто человеческие формы иррационального, недоступные машинному мышлению. Со всей уверенностью мы можем утверждать, что компьютер, не видящий снов, не обладает фантазией, не опирается на континуум изначальных (платоновских) смыслов, не обладает спонтанностью порождения фильтров, способных изменять смыслы текстов – приближать их к особенностям нашего личностного опыта. Компьютеры творчески бессильны: у них нет личностного начала и, следовательно, нет внутренней свободы – они не могут любить, не имеют совести. У них нет собственного, личностного времени, нет способности порождать собственную, психологиче-

скую энергию через обретение вдохновляющих нас смыслов, через любовь. Компьютерам чуждо чувство боли, ибо и сама боль имеет смысловую природу, если «гвоздь в сапоге сильнее фантазии Гёте». Такое сопоставление возможно, если сравниваются явления одного порядка.

И все же запрограммированный компьютер мыслит. Компьютерным по своей сути становится тоталитарное, т. е. сурово идеологизированное, или, иными словами, запрограммированное, общество. В нем нет творческого начала. Нет боли, а значит, и ответственности. Энергия тоталитарного общества обретается через рационально формулируемые лозунги. Когда они теряют силу, начинается массовый поиск чародеев – квазиучителей с диетами, упражнениями, ритуалами. Тоталитаризм всегда оккультен, ибо в нем реализуется демоническая идея изъятия человека из сферы иррационального, открытого Вселенскому Началу Жизни, Запредельному, благодаря которому человек, «бессильный и мгновенный», трансцендирует свои пределы, достигая «вечного и вездесущего», не знающего ни времени, ни пространства [Фет, 1988].

V

Современное индустриальное общество, охваченное компьютеризацией, оказалось открытым *медитации* – древнейшим приемам самосозерцания (см. гл. IV и книгу [Nalimov, 1982]). Возникает компенсаторная схема: рациональность, воплощенная в электронные схемы, дополняется тщательно разработанной и многовариантной техникой управления иррациональным. Появляется новое, философски ориентированное направление психологии: *трансперсональная психология*. Западная, позитивистски ориентированная психология с подозрением относится к новому направлению мысли. На Западе это направление развивается вне официальной университетской науки. Существует международное общество Association for Transpersonal Psychology (Stanford, California); издаются журналы: The Journal of Transpersonal Psychology, ReVision,– проводятся конференции. XI Международная конференция по трансперсональной психологии состоялась в сентябре 1990 г. в городе Eugene, штат Орегон

(США), II Европейская конференция проводилась в Страсбурге в августе того же года, локальная Голландская конференция осенью 1991 г., XII Международная конференция в Праге летом 1992 г.; ведется компьютеризированная информационная служба, имеется специализированная подборка литературы, архив [Lukoff and Lu, 1989]. Развиваются и другие, близкие направления, такие, как Association for the Study of Dreams (США), International Imagery Association (США) и пр.

С легкой руки А. М. Пятигорского, слово *медитация* вошло во многие словари, начиная с БСЭ (т. 15, 1974 г.). Но термин *трансперсональная психология* отсутствует как в словаре Психология [1990 г.], так и в Философском энциклопедическом словаре [1989 г.].

В нашей философии, страшащейся иррационализма, уже в перестроечные годы трансперсональная психология была встречена такими жалкими словами [Майков, 1987]:

> Если вглядеться в развитие «нового ориентализма» в США, становятся видны культурно-идеологические корни этого движения, его связь с кризисом буржуазно-либеральной идеологии (с. 76).
>
> Не порождена ли мода на трансперсональную психологию все той же товарной экономикой рынка духовных ценностей? (с 77).

И все же идеологии не удалось оградить наше общество от идеи и методов трансперсональной психологии. Техника медитации, проводимой с оздоровительной целью, стала теперь доступной многим, правда вне серьезного теоретического осмысливания.

VI

Как бы мы ни относились к философской настроенности Фрейда, бесспорно, что он заново открыл низшие слои иррационального в сознании человека и ярко описал их. Юнг пошел дальше – обращаясь к представлению об *архетипах*, он сформулировал концепцию *коллективного бессознательного,* расчистив тем самым путь появлению трансперсональной психологии, охватывающей иррациональное человека в самых глубоких его проявлениях.

VII

Творчество. Много написано об этом. Ясно, что даже в математических науках творческий импульс иррационален [Адамар, 1970], хотя его реализация (в публикациях) всегда строго рациональна. В деятельности творчески активного (талантливого) математика рациональное неотделимо от иррационального. В нашем представлении творчеством является и процесс самоорганизации (эту тему мы рассмотрим в следующей, VI главе).

VIII

В XX веке на наших глазах многие страны Европы и Азии были охвачены безумными идеями, хотя сами эти идеи вначале формулировались, казалось бы, на основании вполне рационально звучащих высказываний. Здесь реализовалось иррациональное, обернувшееся уже безумием, хотя подчас и облаченное в мундиры рационального.

IX

В современном языкознании стали появляться словари *тезаурусного* типа, позволяющие следить за семантической связанностью слов, обладающих терминологической значимостью. Основываясь на семантическом исследовании таких словарей, можно показать, что *опыт, накопленный всей западной культурой*, не дает оснований для четкого разграничения двух понятий – *рационального* и *иррационального*.

Из всего сказанного выше следует, что иррациональное всегда присутствует – явно или скрытно – во всех наших ментальных построениях.

2. Иррациональное – рациональное как взаимодополняющие начала

Основываясь на сказанном, мы готовы утверждать, что рациональное и иррациональное являются двумя дополняющими друг друга началами нашего сознания.

Их гармонизация – в их совместимости, неразделенности, сопричастности. Гармонизация задается культурой. И здесь образцом для нас по-прежнему остается Древняя Греция – ведь от нее мы начали свой путь. В ранние годы христианства гармонизацию, видимо, создавали через сочетание синоптических евангелий с гностическими (мост между ними перебрасывался Евангелием от Иоанна). Но вскоре христианство отреклось от гностицизма и стало существовать как сочетание Нового и Ветхого заветов (Ветхий завет – часто существенно рационалистичен). А дальше патристика и схоластика – это опять своеобразные попытки сочетания рационального и иррационального. Но вот эпоха Просвещения, отдающая приоритет рационализму. Трагическим завершением эпохи Просвещения стала искусственно созданная культура нашей страны. В ней вульгарный рационализм оказался декретированным. Культура, освобожденная от иррационального начала, обернулась антикультурой.

Конечно, к высказанным здесь суждениям надо относиться осторожно. Нельзя достаточно отчетливо очертить рациональное. И всякая попытка разграничения всегда базируется на философских предпосылках автора.

Но как бы мы ни относились к проблеме разграничения, ясно одно: нелепостью в наши дни являются утверждения о том, что иррациональное «принципиально недоступно рациональному познанию», «алогично или неинтеллектуально, несоизмеримо с рациональным мышлением или даже противоречит ему».

На самом деле все обстоит иначе. Так, скажем, в физике микромира удалось сохранить рациональный характер изложения квантовой механики лишь после того, как была понята необходимость размытого описания наблюдаемых явлений. Еще М. Борн об этом говорил так [Борн, 1973]:

> В квантовой механике мы встречаемся с парадоксальной ситуацией – наблюдаемые явления повинуются закону случая, но вероятность этих событий сама по себе эволюционирует в соответствии с уравнениями, которые по всем своим существенным особенностям выражают причинные законы (с. 151).

И действительно, знаменитое уравнение Шрёдингера выглядит как запись причинно-следственной связи, хотя квадрат модуля пси-функции (входящей в это

уравнение) приходится интерпретировать как меру размытости частицы в пространстве и времени.

Иррациональное столкнулось с рациональным в задачах математического моделирования. Со всей отчетливостью это проявилось в синергетике – новой дисциплине, связанной прежде всего с именем И. Пригожина. Синергетика связана с обращением к нелинейным моделям, порождающим новое мировидение. Вот что говорят о новом образе детерминизма Князева и Курдюмов [Князева, Курдюмов, 1992]:

> И. Пригожин неоднократно подчеркивает, что режимы движения в открытых системах переключаются, пути эволюции реальных систем бифуркируют, многократно ветвятся, в моменты бифуркаций играет роль случайность, и вследствие этого мир становится загадочным, непредсказуемым, неконтролируемым. В определенном смысле дело обстоит действительно так (с. 20).

Далее авторы, правда, несколько смягчают ситуацию, утверждая, что

> ...в некотором смысле – по крайней мере на упрощенных математических моделях – можно видеть все поле возможных путей развития. ...Поэтому здесь появляется в некотором смысле высший тип детерминизма - детерминизм с пониманием неоднозначности будущего и с возможностью выхода на желаемое будущее. Это – детерминизм, который усиливает роль человека (с. 20).

Теперь несколько слов о космогонии. Там мы встретимся с принципом *антропности*, согласно которому Вселенная, в которой мы существуем, задается неким жестким набором безразмерных числовых констант. В формулировке известного американского физика Дж. А. Уилера это звучит так (из предисловия к книге [Barrow and Tipler, 1986]):

> Не только человек адаптирован ко Вселенной. Сама Вселенная адаптирована к человеку (с. VII).

Согласуется ли этот принцип с широко принятым сейчас позитивистским представлением о рациональном устройстве Мироздания? Вспомним также, с каким сарказмом философы относились к роли числа в культуре Древней Греции. В словарях и энциклопедиях постоянно встречались такие формулировки, как «числовая мистика Пифагора», «числовой идеализм Платона» и пр. Если следовать этой «славной» тради-

ции, то нужно было бы теперь говорить и о числовой мистике в физике и космогонии. Признав принцип Антропности, космогония открыто внесла иррациональное в свои теоретические, рационально формулируемые построения.

Обратимся теперь к биологии. Эволюционная теория Дарвина должна была допустить возможность случайного появления новых признаков (сам Дарвин случайность связывал с вульгарным незнанием). И почему-то у сторонников рационалистического мироустройства не принято сейчас обращать особое внимание на то, что и современная так называемая *Синтетическая теория эволюции*, будучи оплотом научного понимания Мироздания, опирается на представление о спонтанной [4] изменчивости, неописываемой на языке детерминистических построений.

И наконец, о науке в целом. Наука в наши дни сама отходит от сформулированного ею ранее идеала научности. Она теряет право претендовать на объективность; гипотезы, выдвигаемые в космогонии и прилегающих к ней разделах физики, обретают характер новых мифов, ибо их оказывается невозможным поставить в условия риска при проверке или фальсификации, выражаясь языком Поппера. Возникает искушение говорить, что реальное знание открывается нам через многообразие серьезно аргументированного незнания. Иррациональное в науке начинает произрастать из столь уютной для нас рациональности. В деталях эта тема была уже рассмотрена в главе I.

3. Возможный путь развития постэкзистенциалистской синтетической философии

Вернемся еще раз к теме, рассматривавшейся в главе II.

Что-то малопонятное происходит в самой философии. Создается впечатление, что она перестала разви-

---

[4] Термин *спонтанность* недостаточно освоен западной культурой. Представление о спонтанности можно рассматривать как обобщение нашего понимания случайности. О спонтанности мы готовы говорить тогда, когда неожиданно (недетерминированно) возникает *фильтр* или целое семейство связанных между собой фильтров. Можно, скажем, говорить о спонтанном появлении фильтров, меняющих (реинтерпретирующих) тексты, вероятностно задаваемые на смысловом континууме [Налимов, 1989].

ваться. Перестала быть мировоззренческим стержнем культуры. Все превратилось в сплошное комментаторство сказанного ранее – не только в нашей стране, но и на Западе; с этим утверждением неизменно соглашались те западные мыслители, с которыми приходилось встречаться в самые последние годы. Уместно напомнить здесь, что М. Хайдеггер на склоне лет писал о том, что философское мышление должно было уступить место современному технизированному мышлению [5]. Напомним и название относящейся к этой теме коллективной монографии: Послефилософия. Конец или Трансформация [Baynes, Bohman and McCarthy, 1987].

Да, философия наших дней, несомненно, находится в кризисе. Выход из него потребует преодоления по крайней мере четырех барьеров, вставших на пути философской мысли.

I

Надо, как мы уже говорили ранее, признать и смириться с тем, что философия должна будет стать дисциплиной, сопричастной экспериментальной деятельности. Уже сейчас ведутся эксперименты философской окрашенности: с одной стороны, это компьютерные устройства, реализуемые в виде искусственного интеллекта, раскрывающие возможности и границы чисто технического разума, с другой – обращение научно ориентированных исследователей к медитации, открывающее возможность серьезного изучения процессов, происходящих на глубинных уровнях сознания, не свойственных технизированному мышлению [Налимов, 1989]. Впереди еще одна, упоминавшаяся уже нами возможность – углубление начавшегося недавно строго научного изучения телепатического воздействия оператора на генератор случайных чисел [Jahn and Dunne, 1987]. И наконец, последнее: в американской печати [Dileo, 1990] появилось сообщение о том, что оказалось возможным

> ...вырастить колонию человеческих нейронов, делящихся и растущих в чашечке Петри. Может быть, это начало новой эры в нейробиологии и с практической, и с научной точек зрения.

---

[5] Этой темы мы касаемся подробнее в гл. X этой книги.

Сейчас хочется надеяться, что экспериментальные исследования, опирающиеся на подобные технические возможности, позволят по-новому осветить пресловутую проблему *сознание – материя*.

II

Философской мысли предстоит реальное сближение с наукой. Традиционно философия все еще остается умозрительной дисциплиной, относящейся к науке несколько свысока. Правда, позитивизм и диалектический материализм пытались опираться на нее, но это не выглядело достаточно серьезно, поскольку сама наука долгое время опиралась на весьма примитивные, чисто механистические представления. Отсюда понятно, почему Ницше науку отрицал, экзистенциализм игнорировал, а сравнительно недавно возникшая новая дисциплина – *философия науки* – не дала ничего существенно нового ни самой философии, ни науке, оказавшись малоинтересной ученым, создающим эту науку. Хотя, конечно, критический анализ путей развития науки может оказаться весьма существенным для всех, умеющих слышать.

В наши дни ситуация радикально изменяется – философской мысли предстоит теперь впитать в себя фундаментальные, мировоззренчески звучащие идеи науки наших дней, освобождающейся от наивного рационализма и механицизма.

Современная наука может внести в философскую мысль критическое отношение к логицизму (ви́дение его блеска и нищеты), одновременно отдавая должное роли дедуктивного подхода (аксиоматизации теории, но без излишней строгости). Нарративные (т. е. не аксиоматизированные) построения трудно понимать и обсуждать так, как это, скажем, возможно в современной физике и космогонии. Придется признать роль *наблюдателя* в процессе понимания Мироздания. Придется также признать случайность, или – шире – спонтанность, как философскую категорию и считать естественным и разумным обращение к математически формулируемым метафорам [Налимов, 1989], [Nalimov, 1992]. Образы, порожденные математическими структурами, раскроют перед философами иное, суще-

ственно новое видение Универсума. Речь здесь может идти о переходе от детерминистического к вероятностному восприятию Мира, о признании роли числа в Мироздании, о геометризации представлений, которыми оперирует сознание, и, наконец, о признании существования семантического вакуума как непроявленной первоосновы Мира. Так может открыться путь сближения философской мысли с современной физикой и космогонией. Подчеркнем, что пространственно-временные представления фундаментальны для человека. Сейчас, пожалуй, можно утверждать, что именно этими «формами созерцания» человек начал свое сознательное существование. И вот что важно – современная математика может задать пространство через множество различных геометрий. Каждая из геометрий может породить свой, особый язык видения Вселенной.

III

Философия, освободившись от позитивистских и наивно-материалистических ограничений, должна суметь осмыслить весь опыт духовного (не механистического) мировоззрения прошлого, запечатленный как в ранних умозрительных построениях (Анаксагор, Платон, Плотин, Дионисий Ареопагит), так и в религиях, великих и малых – языческих, включая почти исчезнувшие или ушедшие в изгнание (гностицизм, каббализм, зороастризм, даосизм и др). Гностицизм, обвиненный в ереси, закрылся в эзотеризме, который теперь, правда, начинает понемногу раскрываться.

IV

Рационализм и иррационализм должны влиться в единое русло философской мысли. Этот вопрос поднимал еще Э. Гуссерль в своем знаменитом докладе [Гуссерль, 1986], произнесенном более полувека назад[6]. Но до сих пор его призыв не был услышан. Сейчас вопрос ставится шире. В сферу философской мысли должен влиться весь непосредственный (психологический) опыт человечества: фантазии и сновидения (особенно управляемые и так называемые люсидные)

---

[6] Этой темы мы касались в книге [Налимов, 1989].

[LaBerge, 1985], мистический опыт (глубокие медитации, религиозный экстаз [Holm, 1982], шаманизм, колдовство и магия малых народов, их умение жить в согласии с природой). Нужно подчеркнуть, что на путь осмысления некоторых форм непосредственного духовного опыта прошлого раньше других встала *Трансперсональная психология* (см. гл. VII). В этом ее выдающееся значение.

V

В нашей книге [Налимов, 1989] показано, что понимание – это приближение текста к самому себе: к семантической ориентации своей личности. В этом своем подлинном проявлении понимание иррационально. И в то же время процессу понимания всегда предшествует (в логизированных текстах) процесс манипулирования символами. Именно в этой ситуации наиболее отчетливо проявляется дополнительность двух начал – рационального и иррационального.

VI

Пессимистически звучащая оценка невозможности целостного видения Мира, приведенная выше в формулировке Барроу, может быть существенно смягчена, если мы не побоимся обратиться к иррациональному восприятию рационально сформулированного. Через множество неполных и уже потому разноречивых гипотез мы можем представить себе, как величественно будет выглядеть Мир, задаваемый через научно аргументированное незнание. Может быть, реальное сознание Вселенной нам становится доступным только через непрестанно расширяющийся и углубляющийся образ незнания (см. гл. I). Это будет выглядеть как иррациональное осознание рациональных построений. Иными словами, построение образа незнания на базе многообразия рационально построенных частных гипотез и будет составлять предмет метафизики наших дней. Так будет выглядеть наша наднаучная философия. Таким образом, мы будем жить не в мире ответов, а в безгранично расширяющемся поле вопросов. Смягчающим обстоятельством является и то, что даже в строго логических построениях мы имеем дело

с понятиями, существенно размытыми семантически. И наконец, не надо забывать, что при построении новых концепций мы всегда обращаем внимание на их эстетическую изысканность.

VII

Все вышесказанное можно рассматривать как программу развития постэкзистенциалистской философии. Более того, мы попытались показать на частном конкретном примере, как такая программа может быть реализована ([Налимов, 1979; 1989], [Drogalina, 1990], [Nalimov, 1982; 1985; 1989; 1992]).

Наш подход, с одной стороны, рационален: концепция строится дедуктивно, при этом используются некоторые достаточно серьезные математические представления, проводится сопоставление с концепциями современной теоретической физики. С другой стороны – иррационален: постулируется изначальное существование смыслов, обращение к вероятностно задаваемой размытости смыслов в текстах, отдается приоритет спонтанности в творческой деятельности. Экспериментальная поддержка развиваемой теории во многом опирается на медитационную практику ([Nalimov, 1982] и гл. III этой книги), иррациональную в своей основе, поскольку в медитации человек выходит за пределы привычных причинно-следственных связей, пространственно-временных представлений, смысловых структур (существующей парадигмы).

И все-таки возникает вопрос: в какой мере возможна реализация постэкзистенциалистской интегральной философии, объединяющей рациональное и иррациональное?

Трудность здесь очевидна. Как автор, создающий концепцию такого плана, так и его читатель должны обладать весьма широким кругозором. Возможно ли это? И если возможно, то как? Не выродится ли этот путь в открытый дилетантизм?

Так формулируются проблемы будущего. В наши дни культура продолжает развиваться путем непрестанной дифференциации своего интеллектуального содержания. Сможет ли она встать на путь интеграции?

Наша последняя книга [Налимов, 1989], кажется, пользуется некоторым успехом. Но многие говорят, что читать ее трудно – незнаком тезаурус [7]. Приходится обращаться к словарям разного рода. А те американские издательства, с которыми удалось установить контакт, намекают на то, что для интеллектуально изнеженного читателя их страны такой текст слишком серьезен – не будет достаточного маркетинга.

Назрело время создать Вольный Университет (или Академию) человека будущей культуры, где обсуждались бы и преподавались самые разнообразные дисциплины, начиная с математики, теоретической физики, космогонии и биологии и кончая философией, религиоведением, психологией, психотерапией, философской антропологией, искусствоведением... Самым существенным в этом университете будет, конечно, попытка показать, как иррациональное может (и должно) совмещаться с рациональным. Нельзя продолжать жить в расщепленности этих двух начал, которую все еще пытается отстаивать уходящая парадигма нашей культуры.

Допустим, что такой университет будет двух- или трехгодичным, с полным учебным днем (дополнительные два года – на специализацию). И даже в этом случае не удастся передать слушателю все многообразие нашей стареющей культуры – дряхлеющей от непомерной ноши накопленного.

Но важно другое – не передать весь багаж накопленного, а показать, где и что можно и нужно искать и объединять. Найдем ли мы преподавателей для такого университета? Смогут ли они дать философское освещение всем преподаваемым дисциплинам?

---

[7] Недавно я собрался прочитать небольшой цикл лекций аспирантам, готовящимся к изучению человека. Их реакция была нервной: «Не нужна нам математическая модель, в психологии все можно выразить, не обращаясь к математике. Ведь так до сих пор поступали корифеи нашей науки». Но если мы хотим подойти к решению пресловутой проблемы *смысл – материя*, нам нужно будет создать язык, на котором бы описывался как семантический мир, так и мир физических явлений. А физика начиная с прошлого века обращается к геометризации своих представлений [Kalinowski, 1988]. Как же здесь обойтись без обращения к математике? Но эта, казалось бы, совсем простая мысль нелегко воспринимается.

* * *

Итак, остается открытым вопрос: сумеет ли культура будущего объединить все свое тысячелетиями накопленное состояние или оно останется разбросанным по разным закромам, упрямо сохраняя свою обреченность – быть неспособным к совместному действию? А если все останется как было, то в чем же смысл самой культуры? Или здесь мы находимся на пороге новой формы эзотеризма?

Глава VI

САМООРГАНИЗАЦИЯ КАК ТВОРЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС [1]

Философский аспект

Неужели живое и разум неважны в функционировании сущего?

Дж. А. Уилер [Wheeler, 1988, p. 125]

1. Введение

В Философском энциклопедическом словаре [1989] находим такое определение:

> *Самоорганизация* – процесс, в ходе которого создается, воспроизводится или совершенствуется организация сложной динамической системы. Процессы самоорганизации могут иметь место только в системах, обладающих высоким уровнем сложности и большим количеством элементов, связи между которыми имеют не жесткий, а вероятностный характер... Отличительная особенность процессов самоорганизации – их целенаправленный, но вместе с тем и естественный, спонтанный характер: эти процессы, протекающие при взаимодействии системы с окружающей средой, в той или иной мере автономны, относительно независимы от среды (с. 566).

Ключевыми словами в этом определении являются: *сложность* – в широком философском понимании она может трактоваться как сознание или хотя бы как слабая форма его проявления, которая может быть названа *квазисознанием; вероятность* – описание *случайности*, которая может рассматриваться (в математическом понимании) как максимальная сложность [2], т. е. как неописываемость явления конечным алгоритмом [Nalimov, 1981]; *спонтанность* – это метаслучайность, т. е. непредсказуемое изменение параметров самой функции распределения.

---

[1] Глава написана на основе доклада, прочитанного на Международной конференции "Self-Organisation as a Paradigm for Science" (University of Kaiserslautern, Germany, September 1992). На близкую тему также читался доклад на симпозиуме "Consciousness in Phisical Reality" (Charlottesville, Virginia, USA, May 1991). Частично материал этой работы пересекается с ранее опубликованной статьей «Вездесущно ли сознание?» – Человек, 1991, № 6, с. 15 22.

[2] Определение А. Н. Колмогорова.

Со всей отчетливостью самоорганизация проявляется прежде всего в интеллектуальной деятельности человека. Эту тему мы рассматривали в деталях во многих своих работах. Напомним коротко основные положения этих работ.

(1) Всякий серьезный *текст* является феноменом максимальной сложности. Он не может быть алгоритмически записан короче, чем он есть. В нашей модели (см., например, [Налимов, 1989], [Nalimov, 1992], а также гл. III настоящей книги) текст задается плотностью вероятности $p(\mu)$, при предположении, что на числовой оси μ изначально упорядочены все возможные элементарные смыслы. Понимание текста всегда личностно. Оно задается силлогизмом Бейеса:

$$p(\mu/y) = kp(\mu)p(y/\mu),$$

где фильтр $p(y/\mu)$ появляется спонтанно в некой новой ситуации y. Спонтанность понимания текста свидетельствует о том, что внутри сознания происходит процесс самоорганизации. Сознание – это наиболее знакомая нам самоорганизующаяся система. Эта система служит для нас образцом, задающим образ самоорганизации.

(2) *Эго* личности есть текст $p(\mu)$. В данном случае это живой текст, способный к самопрочтению – реинтерпретации в новой ситуации опять-таки в результате спонтанного появления фильтра $p(y/\mu)$. Усложняя модель, можно говорить об *Эго* как о многомерной структуре. Здесь появляется еще одна степень свободы – изменение вероятностной структуры личности путем поворота координатных осей.

(3) *Биосфера*. Биологическая особь опять-таки задается плотностью вероятности $p(\mu)$, когда на шкале μ упорядочены все элементарные морфофизиологические признаки. Эволюция также задается спонтанным появлением фильтра $p(y/\mu)$. Вид описывается многомерной структурой. Существенно, что в этой модели изменчивость носит пятнистый характер – изменяется не какой-нибудь один признак, а вся структура признаков [Nalimov, 1985].

(4) Спонтанно произошедший отбор *фундаментальных констант* физики задается такой же моделью. При этом приходится предполагать, что каждая константа носит не строго точечное, а интервальное зна-

чение, не улавливаемое нашими системами измерения. Существенно, что на числовой оси отбирается сразу плеяда чисел. Отобранный набор констант задает самоорганизацию Мироздания.

Таким образом, в наших моделях самоорганизация задается *отбором* системы числовых значений. Спонтанно происходящий отбор естественно считать творческим процессом, поскольку он является механизмом создания Универсума на всех уровнях его существования.

Естественно допустить, что в Универсуме существует квазисознание, являющееся носителем творческого начала. Иными словами, основой Мироздания является *ментальность*. Эта мысль отнюдь не нова, но теперь она находит новые основания.

Нашей целью является попытка показать, что сознание вездесущно, по крайней мере в слабых формах своего проявления. Отсюда и вездесущность самоорганизации. А если мы согласны считать самоорганизацию творческим процессом, то нам придется признать и вездесущность творчества.

Такова наша концепция. Чтобы разъяснить ее, нам достаточно обосновать идею о вездесущности сознания. Этой теме в основном и будет посвящена данная глава.

2. Упорядочивающая роль сознания

> 67. Истина не пришла в мир обнаженной, но она пришла в символах и образах. Он не получит ее по-другому.
>
> *Апокриф от Филиппа* [Свенцицкая и Трофимова, 1989]

Сознание проявляет себя по-разному. Одна из его задач состоит в том, чтобы упорядочивать наши сенсорные восприятия в такой форме, чтобы мир можно было воспринимать через систему образов.

Уже из кантовской критики Чистого Разума следовало, что образ созерцаемого нами мира есть не механическое отображение внешней реальности, а ее реконструкция. Человек – не пассивный наблюдатель, а великий архитектор, строящий здание Вселенной, опираясь на свой чувственный опыт взаимодействия

с внешним миром, переработанный *фильтрами* его сознания. Этой теме, традиционно считавшейся чисто философской, мы хотим придать непривычное освещение, приблизив ее, с одной стороны, к некоторым научным разработкам, а с другой — связав ее с представлением о трансличностном наблюдателе.

Рассмотрим особенности основных фильтров.

1. *Пространство.* В наши дни открылась возможность существенно углубить мысль Канта. Когда он говорил о пространстве как об априори заданной нам *форме* восприятия чувственного опыта, то, естественно, имел в виду только известное в его время двухмерное и трехмерное пространства, задаваемые геометрией Евклида. Теперь мы можем говорить, что априори нам задана возможность интерпретировать воспринимаемый нами мир через пространство различных геометрий. Пространство может быть многомерным; в нем могут быть математические объекты с дробномерной размерностью (фрактальные структуры); его метрика может быть гомогенной или гетерогенной, может быть неположительно определенной; кривизна пространства может быть задана различным образом; топология, определяющая окрестности точки, может быть далеко не тривиальной; пространство может быть расслоенным; элементами пространства могут быть не точки, а струны планковской длины.

Представление о различных геометриях человек извлекает из глубин своего сознания. Оно почему-то оказалось подготовленным к тому, чтобы раскрыть многообразие геометрий. Успехи современной физики в значительной степени определяются ее *геометризацией.*

Но что же существует в физической реальности Мира? Пространство без геометрий? Однако такое пространство – это абсолютное ничто. Оно, будучи лишенным каких бы то ни было атрибутов, не может быть обнаружено и, следовательно, не может считаться существующим.

Итак, есть Мир такой, как он есть. Но если в нем присутствует Наблюдатель – носитель сознания, то Мир оказывается нетривиально пространственно упорядоченным. Является ли Наблюдателем только преходящий человек или же Наблюдатель наделен онтологическим статусом, являясь неперсонифициро-

ванным (универсальным) аспектом бытия, носителем сознания? А тогда, естественно, возникает вопрос: что же такое неперсонифицированное сознание? Пока что ответ на этот вопрос неизвестен.

2. *Время.* Для Канта время – также априори заданная форма чувственного созерцания. Отметим, что еще на заре нашей эры греческие философы Антифонт и Криптолей признавали

> ...время мыслью или мерой, а не объективной субстанцией [Лосев, 1964, с. 391].

Сейчас мы можем сказать, что время – это конденсированный тысячелетний опыт взаимодействия сознания человека с Миром. Это мера изменчивости. Это образ, позволяющий обращаться к числовой мере при сравнении различных циклических систем, находящихся в различных условиях. Мы знаем, что время замедляется, если скорость движения наблюдаемой системы приближается к скорости света; замедление времени происходит и в сильных гравитационных полях. Наше собственное, личностно ощущаемое время в одних ситуациях ускоряется, в других – замедляется, пределом этого замедления оказывается смерть.

По-видимому, сейчас можно сказать следующее: мы знаем не само время, а *идею* о нем и умеем подбирать числовую меру, соответствующую этой идее. Опять здесь хочется говорить о существовании универсального сознания, подкрепляющего наше все расширяющееся представление о времени. Может быть, Универсальный наблюдатель имеет представление о не раскрывшейся еще нам идее о надвременности? Если бы все было иначе, человеку было бы очень неуютно в этом Мире.

3. *Число.* Вещи существуют, не будучи сами по себе исчисляемыми. Число, даже натуральное, – это понятие, исчисляемое Наблюдателем. Здесь Наблюдатель эквивалентен сознанию (осознающему). В своем простейшем проявлении натуральное число отвечает на вопрос, задаваемый Наблюдателем: «Сколько вещей определенного типа находится здесь?» Еще отчетливее проявляется семантическая природа числа, когда мы оказываемся готовы расширять это понятие, вводя отрицательное число, рациональное и иррациональное

числа, комплексное число, трансцендентное число (примерами являются числа π и e), кардинальное число (обобщение понятия количественного числа на бесконечные множества), трансфинитное число (обобщение понятия порядковых чисел для бесконечных множеств). Как, скажем, может быть записано число e в физическом Мире – цифрами (но какой длины) или формулой: $\lim_{n\to\infty}(1 + 1/n)^n$? Любая запись будет свидетельствовать о его семантической природе. Сказанное здесь иллюстрируем профессорским анекдотом:

> Профессор входит в аудиторию. Там никого нет. Он, как положено, начинает читать лекцию. Приходят двое – профессор радуется. Но вот неожиданно выходят пятеро. «Что же,– грустно думает профессор,– придут трое, и опять никого не будет».

Это формально вполне допустимое, но в то же время вполне метафорическое описание того, что происходит в душе профессора. Не так ли выглядят многие наши модели, опирающиеся на числовое видение Мира?

Но вот как быть с числовыми значениями физических констант? Они входят в фундаментальные физические уравнения и, таким образом, определяют особенности устройства нашего Мира. Числовые константы, будучи ментальными сущностями, оказываются вмонтированными в физический мир.

Удивительна была интуиция греческих философов – Пифагора, Платона, Плотина, придававших исключительно большое значение числу.

4. *Вероятность* – это мера, задаваемая системой аксиом ее исчисления. Предметная интерпретация вероятности может носить различный характер. В самом широком понимании вероятность – это мера размытости наших суждений или представлений о происходящем. Со словом «вероятность» согласуются такие слова, как «предрасположенность», «склонность», «предвидение», «ожидаемость», «рассредоточенность» (размытость по числовой оси) и, наконец, «случайность». Случайная величина задана, если задана ее вероятностная характеристика. И если мы оказались готовыми признать *семантическую* природу числа, то тем более это надо сделать для вероятностной меры.

Обращение к вероятностному мышлению сущест-

венно изменило наше видение Мира. Особенно ярко это проявилось в физике микромира – дисциплине, выходящей за границы обыденного опыта и порожденного им здравого смысла. В историческом плане это рассмотрено в книгах [Nalimov, 1981] и [Gigerenzer et al., 1989].

В квантовой механике частица не локализована в пространстве и времени. Размытость частицы описывается плотностью вероятности, задаваемой квадратом модуля ψ-функции[3]. Привычное макроскопическое представление возникает только после вмешательства Наблюдателя, когда действительное выбирается из возможного. В интервалах между наблюдениями мы имеем только описание возможного. Чтобы воспринять сказанное здесь, надо допустить существование *Универсального трансличностного* наблюдателя. Иначе представление о размытости – это некоторая функция, раскрывающаяся лишь в умозрении физиков наших дней. Попытку непосредственного включения сознания в картину физического мира мы находим в книге Дух в атоме [Davies and Brown, 1989].

3. Обобщение представления об упорядочивающих фильтрах сознания

Из сказанного выше можно сделать следующие существенные выводы:

(1) Классические представления Канта о природе Чистого Разума могут быть в наши дни дополнены: а) *числом*, являющимся (так же, как время и пространство) априори данной *формой* созерцания чувственного опыта[4]; б) к двенадцати категориям возможности

---

[3] Отметим, что сама ψ-функция в знаменитом уравнении Шрёдингера именуется амплитудой вероятности. Ее значения задаются комплексным числом, и поэтому она непосредственно не интерпретируется в физической системе представлений.

[4] Отметим, что число неотъемлемо связано с понятиями пространства и времени. Множество геометрий различных пространств задается через число так же, как время характеризуется числом. Уже в силу этих соображений нельзя вводить представление о формах сознания, не включив в него число. Но, включив «число», мы также включаем в формы сознания и его синоним – «слово» (см. гл. III). Итак, говоря о формах сознания, мы должны иметь в виду не только «пространство», «время», но также «число» и «слово».

Обратим здесь внимание на то, что в древнегреческом языке «логос» означает не только «слово», но и «число».

априорных синтетических суждений нужно добавить стохастичность, или даже шире – *спонтанность*.

(2) С развитием культуры наше сознание расширяется путем освоения новой, фундаментальной априорности.

(3) Фильтры, через которые мы воспринимаем Мир, *математичны* по своей природе, ибо они опираются на базовые математические представления: пространство, время, число, вероятность и, следовательно, случайность. Так устроен наш Ум (Mind), но не все это понимают.

(4) Но что представляет собой эта математизированная фильтрация? Не следует ли это рассматривать как некоторое проявление врожденной параноидальности? Или эта фильтрация коррелирована с некоторой независимой от нас реальностью – с тем, что мы готовы назвать Метасознанием, регулирующим мироустройство? Можем ли мы говорить о существовании Трансличностного неперсонализированного сознания, участника всего происходящего? Эта постановка вопроса нам представляется чрезвычайно важной, открывающей новые направления в построении модели Мироздания.

Если мы готовы признать вездесущность сознания, то нам придется согласиться и с тем, что *пространство* и *время*, а также *число* и *вероятностная мера* существуют во Вселенной и вне человека, существуют как проявления всемирно размытого сознания, оставаясь семантической, а не физической реальностью.

(5) Спонтанность (или метаслучайность) находит свое выражение в силлогизме Бейеса. Это формальное, т. е. математическое, описание процесса самоорганизации, не подчиняющегося причинно-следственной расшифровке. Может быть, можно было бы говорить о метасознании, но сейчас такой разговор беспредметен. Здесь мы уже соприкасаемся с запредельной реальностью. Мы должны признать существование *Тайны* в мире. Наше сознание, как мы уже говорили, расширяется с развитием культуры. Но этот процесс только расширяет границы Тайны, но никак не дезавуирует ее.

4. Самоорганизация в биосфере

Теперь еще несколько слов о биосфере. Биологический эволюционизм выглядит так же, как творчество человека. Появление одного резко выделяющегося признака, наверное, было бы губительно для организма. Возникновение нового вида разумно описывать как появление нового фильтра на континууме морфофизиологических признаков. Естественный отбор невозможно теперь (после 40-летнего опыта взаимодействия с кибернетикой) представить себе без заранее заданной системы критериев оптимальности. Как возникают такие критерии, это опять разговор об Универсальном наблюдателе – участнике происходящего. Сюда же относится проблема *эстетического* в биосфере и, более того, в морфологии нашей планеты – Земли. Мы снова должны вернуться к представлению древних греков о Земле как о живом организме – богине, именуемой Гея [Lovelock, 1988].

Развиваемая нами позиция коэволюции близка к хорошо известной позиции А. Бергсона. Близка она также и представлениям А. Нейсса, популярного в наши дни норвежского эколога. Вот две цитаты из его книги [Naess, 1991]:

> Современная экология подчеркивает высокую степень *симбиоза* как общую характерную черту зрелых экосистем – взаимозависимость для блага всего (с. 169).
>
> Дверь открыта для положительной оценки нарастания реализации потенциально возможного. Здесь имеется в виду *непрерывная эволюция на всех уровнях*, включая протозоа[5], ландшафты и человеческие культуры (с. 201).

Мне кажется весьма привлекательным такое широкое видение эволюционизма. Естественно, что такое представление об эволюционизме хочется описывать, обращаясь к Идее о множестве самосогласованных фильтров, отбирающих, путем вероятностного взвешивания, из потенциально возможного то, что может создать одну из возможных жизнеспособных экосистем.

Удивительный парадокс: мир живого представляется нам существенно более сложным, чем физический мир, и в то же время происхождение и развитие биосферы описывается исходя из гораздо более прос-

---

[5] Протозоа – простейшие одноклеточные живые организмы.

тых соображений, чем это имеет место в физике и космогонии. Нельзя серьезно относиться к научному мировоззрению до тех пор, пока не будет преодолен этот парадокс[6].

5. Самоорганизация в космическом масштабе

Самоорганизация легко прослеживается в мире живого. Труднее говорить о ней в мире неживого. Но просто ли отделить живое от неживого? Может быть, неживым мы называем просто то, в чем не умеем видеть живое?[7]

Вот, скажем, перед нами ландшафт скалистой морской бухты. Процессы в ней происходят очень медленно, незаметно для нашего взора. Но попробуйте мысленно изменить масштаб времени и посмотреть на нее с позиции долго живущего существа, например дерева секвойя. И мы увидим в бухте жизнеподобные перемены, особенно если будем рассматривать бухту целостно – как экологическую систему. Возникает вопрос: идут ли все изменения в системе в соответствии с причинно-следственными связями или мы имеем здесь дело скорее со спонтанностью происходящего? Кто сможет ответить на этот вопрос, не опираясь на заранее заданную убежденность?

Но вернемся к образу Земли как живого организма. Вот относящиеся сюда высказывания А. Минделла

---

[6] Крайне наивной в наши дни представляется идея о ведущей роли естественного отбора. Хочется обратить здесь внимание на примечательную книгу [Лима-де-Фариа, 1992], в которой делается серьезная попытка раскрыть возможность эволюционного развития без обращения к представлению об отборе. Близкая позиция изложена нами в книге [Nalimov, 1985].

[7] Неразличимость живого и неживого тщательно и со множеством примеров рассмотрена в работе Л. Уотсона [Уотсон, 1991]. С несколько иных, эволюционных позиций эта проблема обстоятельно обсуждается в книге [Лима-де-Фариа, 1992].

Любопытная позиция представителей *синергетики* [Князева и Курдюмов, 1992]:

> ...математика, точнее, математическое моделирование нелинейных систем, начинает нащупывать ныне тот класс объектов, для которых существуют мостики между мертвой и живой природой, между самодостраиванием нелинейно эволюционирующих структур и высшими проявлениями творческой интуиции человека (с. 19).

[Mindell, 1989]. Основываясь на концепции М. Элиаде, он напоминает нам мифологические представления о Земле как о живом теле:

> Пользуясь космогонической терминологией, мы можем сказать, что Земля – это дремлющее тело, устроенное по божественному образцу.
>
> Эти мифы описывают Землю как живой организм, находящийся в дремотном состоянии. Это не просто электрическая нервная система, но система дремлющая, и земные события и конфликты суть проявления этого состояния (с. 38).

Еще раньше о Земле как о живом организме говорил Г. В. Ф. Гегель [Hegel, 1959]:

> Земля есть живая целостность или особый организм ввиду всеобщности того, что происходит в ее собственных химических процессах, которые она непрерывно поддерживает; она не поглощается ими, как это происходит с натуральными продуктами, но поддерживает себя с их помощью как их организующее целое. Земля есть одновременно и непосредственный субъект всех видов своей деятельности, и собственный объект – продукт. В своей видимой форме Земля есть также воплощение своего космического прошлого и космических сил, выходящих за ее границы (§ 261, с. 181).

Это всё отголоски далекого прошлого. Теперь, выходя за границы сциентизма, мы, кажется, начинаем прислушиваться к ним [Lovelock, 1988].

Если признать правомерным утверждение, что Земля обладает слабой формой сознания, то ее эволюцию можно представить себе как раскрывающуюся по той же схеме, что и эволюция живого. Опять силлогизм Бейеса, опять изменчивость, порождаемая спонтанным возникновением фильтров.

Теперь мы поднимемся выше и посмотрим на Мироздание в целом. Обратимся к книге английского астронома Дж. Барроу [Barrow, 1991]. Остановим наше внимание на диаграмме, приведенной на рисунке 5.1, где в системе координат «масса – размер»[8] линейно упорядоченными оказались главные объекты Универ-

---

[8] Масса в граммах от 10^{-30} до 10^{50}, размер от 10^{-30} до 10^{30} см. Размер астрономических тел определялся через тонкую структуру $\alpha = {}^{1}/_{137}$ и гравитационно-структурную константу – $\alpha_G = 5{,}9 \cdot 10^{-39}$. Зависимость массы и размера от этих двух констант указана на диаграмме. Автор говорит:

> Размеры планет и звезд не являются случайными или запрограммированными исходным состоянием Первичного Взрыва. Скорее они возникли как состояние равновесия между противостоящими силами Вселенной (с. 93).

сума, начиная от протона и атома, и – дальше – человек, астероиды, планеты, звезды, галактики, видимая Вселенная. Автор комментирует:

> То обстоятельство, что наиболее важные творения обязаны общим размером и структурой мистическим константам Мироздания, открывает нашему собственному бытию новую, просветленную перспективу. Мы видим, как условия, необходимые для нашего существования, оказываются задаваемыми значениями констант. На первый взгляд кажется, что изменение значений констант ненамного изменит все вокруг: по-прежнему будут существовать звезды и атомы. Однако оказывается, что это суждение наивно... Если константа тонкой структуры изменится приблизительно на один процент от ее первоначальной величины, то структура звезд изменится драматически... Углерод – критический биологический элемент, представляющийся нам существенным для спонтанной эволюции живого, будет в действительности существовать лишь в ничтожном количестве (с. 94–95).

Загадочность фундаментальных констант нашла сегодня свое завершение в формулировке *Антропного* принципа. Напомним еще раз, как говорит об этом известный американский физик Дж. Уилер в предисловии к книге [Barrow and Tipler, 1986]:

> Нет! Философ прошлого был прав! Смысл существенен, централен. Не только человек адаптирован к Вселенной. Вселенная адаптирована к человеку (с. VII).

Вот здесь мы видим наивысшее проявление самоорганизации. Она, если об этом уместно говорить, простирается в прошлое, до того момента, когда произошел отбор существующих значений фундаментальных констант.

Теория самоорганизации если еще и не может достаточно внятно объяснить такое величественное явление, как спонтанное саморазвитие Универсума в целом (включая и раскрытие сознания в нем), то по крайней мере не должна препятствовать возможности такого явления.

Развиваемый нами подход к пониманию *самоорганизации* смыкается, хотя бы в постановке некоторых задач, с темами *синергетики*. Но здесь есть и принципиальное различие. В отличие от нашего подхода, опирающегося на одухотворенность Универсума, в синергетике, возникшей в среде термодинамиков, доминирует механицизм, обретающий теперь, правда,

иной статус, становясь нестабильным, непредсказуемым. Соответственно в этой системе представлений устойчивость и равновесность оказываются тупиками эволюции [Князева, Курдюмов, 1992].

Такое видение Мира, конечно, серьезно и интересно. Это уже революция в веками существовавшей парадигме. Но, кажется мне, мировоззрение, выступающее перед нами вне самостоятельного семантического начала, недостаточно для осмысления мироустройства. Слишком простым и скучным был бы Мир, лишенный свободных смыслов.

6. Осознающая себя Вселенная
(Заключение)

Сейчас у нас появляется все больше и больше возможностей для обоснования тезиса о вездесущности хотя бы слабых форм сознания. Вселенная предстает перед нами как самосознающая грандиозная структура. Здесь мы даем новую интерпретацию представлений Шеллинга о том, что в Природе живет душа – «мировое Я» [Лазарев, 1990].

Сознание по своей природе спонтанно. Отсюда и название нашей последней книги:

Спонтанность сознания [Налимов, 1989].

Спонтанность порождает самоорганизацию. Самоорганизация – это выбор, или – иначе – фильтрация из потенциально заложенного изначально. Процесс фильтрации мы можем описать математически, обращаясь к силлогизму Бейеса. Мы можем раскрыть содержательность этой модели. Особенно хорошо это получается для высоких форм сознания – психики человека.

И больше ничего сказать нельзя. Дальше – запредельное.

Тайна.

Глава VII

ТРАНСПЕРСОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВА[1]

Трансперсональное движение интересно прежде всего своим противостоянием традиционно принятому представлению о природе человека. Здесь – вызов, брошенный современной науке в целом. Строго говоря, это движение, конечно, не научно, но в то же время его существование оправдано свежестью мысли и успешной терапевтической практикой.

Здесь бунт!

Существенно и то, что это движение возникло на наших глазах. Его развитие мы легко можем проследить шаг за шагом. Так редко бывало в истории новой мысли.

Мы провели наукометрический анализ основного журнала этого направления. Забегая вперед, хочется обратить внимание на то, что взбунтовавшееся направление опирается (в цитировании) все же на признанные научные журналы[2]. Отсюда следует, что в ортодоксальной науке есть нечто, противостоящее ее парадигме. Это естественно – во всякой достаточно логически богатой системе должны быть высказывания, выходящие за ее границы. И как важно было бы вскрыть в науке, и тем более в философии, то, что не вмещается в ее парадигматические рамки. Вскрыть со взрывом, так, как делает трансперсональная психология. Отсюда и наш интерес к этой теме.

---

[1] Эта глава написана совместно с Ж. А. Дрогалиной.

Ранее работа публиковалась, в несколько измененном виде, в Психологическом журнале, 1992, 13, № 3, с. 130–139.

[2] Ничего похожего мы не имеем в таких движениях мысли, как парапсихология, астрология и прочие увлечения наших дней.

1. Новое ви́дение природы человека

Изучение трансперсонального движения мы связываем с проблемой *экологии человека*. Такая направленность позволяет оценивать среду интеллектуального обитания и включать в нее то, что раньше оставалось скрытым в «подвалах» сознания. Расширение духовной среды обитания меняет облик самого человека. Человек выходит за пределы своей личностной капсулизации. Трансличностность человека становится объектом его изучения, его осмысления. Со всей определенностью это прослеживается в журнале The Journal of Transpersonal Psychology (JTP), вокруг которого объединяются философы, психологи и терапевты нового направления. Его возникновение главный редактор М. А. Вич [M. A. Vich, 1990] в своей статье, посвященной юбилею журнала, описывает так:

> Ну, конечно, никто из нас пока не достиг совершенства, и наша идиосинкразия вполне очевидна. Но постепенно мы начали осознавать (индивидуально или совместно), что психология, сфокусированная преимущественно на self или направленная на актуализацию личности, утрачивает более широкий контекст. В это время один из наших редакторов переформулировал дзэнский афоризм, и не ошибся, как показала ретроспектива:
>
> Изучать психологию – значит изучать self.
>
> Изучать self – значит забывать self.
>
> Забывать self – значит узнавать все остальное.
>
> По мере того как мы расширяли сферу наших интересов, выходя за пределы преимущественно личностной ориентации, мы начинали видеть, что новая перспектива нуждается в собственной идентификации, голосе и структуре, чтобы поддерживать выявляющиеся различные мнения и оценки.
>
> Все это и привело нас к трансперсональной ориентации, которая выходит за рамки личностной психологии. В результате по инициативе A. Sutich, A. Maslow и других членов нашей группы в 1969 г., всего через 8 лет после журнала Гуманистическая психология, возник журнал Трансперсональная психология. Новый журнал был сразу хорошо принят, и вскоре сформировалась Ассоциация трансперсональной психологии. В настоящее время журнал и Ассоциация насчитывают около 4000 членов и подписчиков... Наша культура пробивается вперед сквозь ураган, и трансперсональные задачи стремительно нарастают. Психологам отводится исключительно важная роль в понимании и интерпретации происходящих изменений. Они должны учитывать трансперсональные факторы в психотерапии, образовании и обучении, в общественном поведении, социальных мнениях и оценках, конфликтах, возникающих в культуре и более того – в судьбе человечества, переживающего

опасные времена. Психологи, обладающие опытом трансперсональной практики, владеющие этим подходом, могут внести особенно серьезный вклад, обучая студентов, работая с клиентами, общаясь с друзьями и коллегами (с. 48–49).

Трансперсональная психология бросила вызов не только традиционной, позитивистски окрашенной психологии, но и науке в целом, ориентированной на механистическое видение Мира. Борьба еще продолжается, ибо до сих пор новое видение человека находится на обочине столбовой дороги академической науки. Но признание все же пробивается сквозь толщу позитивистской парадигмы. Об этом свидетельствует прежде всего то, что новый журнал индексируется уже в восьми информационных изданиях: Chicorel Health Science Indexes, Intern. Bibliography of Periodical Literature, Intern. Bibliography of Book Reviews, Mental Health Abstracts, Psychol. Reader's Guide, а начиная с 1982 г. также и в: Current Contents/Social & Behavioral Sciences. Social Science Citation Index. Contenta Religionum. Из этого списка следует, что трансперсональная психология начинает обретать междисциплинарный характер.

Идеи и методы (терапевтические) трансперсональной психологии регулярно обсуждаются на международных конференциях. Об этом мы уже говорили выше, в гл. V.

Трансперсональное движение возникло и развивается на фоне интенсивного духовного поиска неидеологизированного мира.

Весной 1988 г. в Ганновере (ФРГ) проходил международный конгресс «Человек и природа». На нем присутствовало 2000 человек; среди них философы, теологи, представители мира искусства. Задачей конгресса было раскрытие духовного и интеллектуального богатства нашей планеты. Начинался конгресс в 7 часов утра с медитационных сеансов, проводимых в разных традициях Востока и Запада. Это, с одной стороны, сближало участников конгресса с трансперсональной психологией, а с другой – вызывало недоумение и даже раздражение у местной прессы.

Примечательно название международного симпозиума, проходившего весной 1990 г. в Шеноне (Фран-

ция): «Человек и планетарное сознание: свобода и границы человека». И наконец, контрпример: весной того же года (1990 г.) в Сан-Франциско проходила международная конференция «Сознание в научном понимании», организованная американским отделением Института Бхактиведанты, базирующегося в Бомбее. Восточная мысль должна была встретиться с парадигмой западной науки. И действительно, в первые два дня доминировала суровая позитивистская настроенность, лишь позднее ее удалось преодолеть.

Как видим, поиск идет широким фронтом, и нередко при серьезном противостоянии.

2. Готова ли наша страна принять участие в поиске нового видения человека?

На этот вопрос можно ответить положительно. Поиск свободной, неконфессиональной духовности начался в нашей стране еще в XVIII в. и был связан с появлением масонства. Уже в 1788 г. в Москве на русском языке была издана Бхагавадгита[3] [Смирнов, 1960]. Ф. Достоевский был не только великим русским писателем, но и крупнейшим философом христианской идеи в реальной жизни; Л. Толстой стремился воплотить христианскую идею в жизнь честно, бескомпромиссно, резко критикуя социальное лицемерие православия. В конце XIX – начале XX в. произошло некоторое раскрепощение и внутри самого ортодоксального христианства. В. Соловьев сформулировал концепцию положительного всеединства («единство истинное, не противополагающее себя множественности»), учение о душе и ее софийном начале и о богоустроенности человека, открывающей возможность его спасения. Пришедшее из глубин Древней Греции учение о Софии – смысловой наполненности и устроенности вещей – нашло свое развитие в работах П. Флоренского и С. Булгакова, в построениях которого большую роль играют космические темы, одухотворение природы, а божественная София не только обретает образ вечной женственности, но Мир оказы-

[3] Западная Европа познакомилась с Бхагавадгитой в 1785 г. (Лондон, перевод Вилкинса [Wilkins]).

вается *становящейся* Софией, а каждый человек не только *личен*, но и *всечеловечен* [Зеньковский, 1989].

В русском преломлении учение о Софии и всечеловечности человека в какой-то степени перекликается с мирочувствованием трансперсональной психологии, хотя последняя базируется скорее на буддийском, а не на христианском миропонимании.

В то же время с Россией прошлого связаны и такие хорошо известные на Западе имена мыслителей оккультной ориентации, как Н. Рерих, Г. Гюрджиев и П. Успенский (математик по исходному образованию). России принадлежит и всемирно известный религиозный философ-экзистенциалист Н. Бердяев, начинавший с «легального марксизма», как и С. Булгаков.

Таким образом, спектр религиозной и философской мысли в прежней России был необычайно широк. В непрестанном поиске находились те интеллектуалы, которых не удовлетворяли ни традиционная классическая философия, ни марксизм, ни оформлявшийся сциентизм, ни застывшая в своем прошлом ортодоксальная христианская церковь. А среди простого народа развивались разнообразные формы сектантства, многие из которых уже и тогда сурово подавлялись.

Сектантство можно трактовать как своеобразную самотерапию общества. Многообразие путей здесь удивительное. Скажем, с одной стороны, существовала секта *хлыстов*, где был ритуализирован коллективный секс (все это, может быть, восходит к тантризму), с другой – секта *скопцов*, где самокастрация задавалась своеобразной реинтерпретацией *Писания*. Для того чтобы оценить многообразие сектантства, уместно напомнить об одном проповеднике – *молоканине* В. Тикунове, живущем в Цахкадзоре, плотнике, поразительно владеющем полиморфизмом языка Библии. Толкуя любую фразу этого источника, он использует все семантическое богатство Книги. Когда во время гулаговской одиссеи интеллектуалам пришлось вплотную столкнуться с сектантами, поражали их стойкость, выдержка, приверженность моральным устоям. И в не меньшей степени удивляла их резкая неприязнь к науке. Отметим здесь и то, что в монастырях официальной церкви тлела нить *исихазма* (греческое слово, означающее «покой», «безмолвие», «отречение»), идущая от Нила Сорского и ранее – через Византию –

от египетских и синайских аскетов. Практиковавшуюся исихастами «Иисусову молитву» можно рассматривать как одну из форм медитации.

В 20-е годы духовный поиск еще продолжался. Проявлялся интерес к таким течениям мысли, как теософия, антропософия, учения древних культур Востока, эзотеризм Запада, берущий начало еще от гностицизма. Успехом пользовались книги Ю. Николаева [Николаев, 1913], Э. Шюре [Шюре, 1914], У. Джемса [Джемс, 1910], Р. Бёкке [Бёкке, 1915].

Философски ориентированные анархисты-мистики делали попытку построить транскультурное мировоззрение, опирающееся на все многообразие духовного опыта прошлого, не противопоставляя его современной науке. Прошлое интерпретировалось в культуре настоящего. Но в 30-е годы началось тоталитарное истребление всякого инакомыслия (см. статьи [Никитин, 1991; 1992; 1993], [Налимов, 1993]).

В наши дни, когда существенно убавилось идеологическое давление, возникает надежда на духовное возрождение. Естественно поэтому стремление, с одной стороны, по-новому оценить прошлое, с другой – осмыслить опыт современного духовного поиска на Западе. Отсюда и интерес к трансперсональному движению.

Речь, наверное, должна идти не о том, чтобы бездумно влиться в это движение, а об ином – о создании дополняющего направления мысли. Так получилось с концепцией, развиваемой В. В. Налимовым. Она близка представлениям, разрабатываемым трансперсональными психологами, но идейно не совпадает с ними полностью. Пожалуй, можно говорить о том, что они *дополняют* друг друга.

Сближает эти два подхода отказ от редукционизма в описании природы сознания; признание трансличностной природы человека, открытой космическому началу; понимание роли медитации[4] [Goleman, 1988], [Walker, 1987] как средства изучения человека

---

[4] Обстоятельно отечественное изучение медитации освещено в книге В. В. Налимова [Nalimov, 1982] (главы, относящиеся только к этой теме, написаны совместно с Ж. А. Дрогалиной). На русском языке этой книги нет. Рецензия на нее опубликована в: The Journal of Transpersonal Psychology [Grof, 1982]. Наша публикация нашла место в настоящей книге, см. гл. IV.

и как средства психотерапии; интерес к проявлениям измененных состояний сознания, чем бы они ни вызывались.

Разделяет два подхода форма теоретических построений. В отличие от теоретиков трансперсонального направления В. В. Налимов строит дедуктивную (отчетливо аксиоматизированную) модель личности, используя язык математических построений; проводит сравнение с представлениями теоретической физики; опирается, с одной стороны, на исходные позиции Платона и их дальнейшее развитие в западной философии, с другой – на христианское ви́дение Мира в большей степени, чем на философию буддизма, к которой тяготеет трансперсональная мысль. В соответствии с этим центральным моментом в построении В. В. Налимова выступает учение о *смысле* как об организующем начале человека[5].

3. Наукометрический анализ «JTP»

Предлагаемый ниже наукометрический анализ дает представление о состоянии и тенденциях развития трансперсонального движения. Журнал исследовался за период с 1969 (год основания) по 1989 г. включительно[6]. За это время опубликовано 222 статьи, которые мы будем называть «источники»; 25% из них не имели пристатейной библиографии, остальные имеют 5446 ссылок.

1. Основные авторы статей-источников.

Всего за 21 год в журнале были опубликованы статьи 156 авторов (согласно принятым наукометрическим стандартам, здесь упоминается только первый

---

[5] На русском языке концепция В. В. Налимова наиболее полно освещена в книге [Налимов, 1989]. На английском языке содержание книги отражено в статье Ж. А. Дрогалиной [Drogalina, 1990], опубликованной в журнале, близком к трансперсональному движению, а также в статьях автора в журнале, посвященном философии математики [Nalimov, 1989], и в сборнике, посвященном системному анализу [Налимов, 1992].

[6] В работе принимали участие: В. Д. Мятлев (программирование), Т. Н. Любимова и Т. И. Мурашова (подготовка материалов). Работа выполнялась по договору с Центром по комплексному изучению человека при Институте философии РАН. С помощью компьютера были составлены упорядоченные по алфавиту (по авторам) списки: 1) статей-источников, опубликованных в "JTR", 2) статей, цитируемых в статьях-источниках.

автор), среди которых наиболее активными оказались следующие: S. Boorstein (5 статей), A. Chinen (5), M. Epstein (5), D. Goleman (7), D. Lukoff (6), Ram Dass/Alpert (7), C. Tart (5), R. Walsh (8), J. Welwood (11), K. Wilber (6).

Авторами первого номера журнала были: T. Armor, R. Assagioli, A. H. Maslow (две статьи), A. Maven, M. H. Murphy, A. J. Sutich. Статья A. H. Maslow «Различные значения трансценденции» из этого номера хорошо известна и сегодня [Maslow, 1969].

Обратим здесь внимание на то, что авторы «JTP» интенсивно ссылаются на авторов статей, опубликованных в этом же журнале. Общее количество таких ссылок – 352. Наиболее цитируемые авторы: J. Welwood (39 ссылок, включая самоцитирование), D. Goleman (33), R. Walsh (25), K. Wilber (23), A. Sutich (16), C. Tart (16), S. Grof (15), A. Maslow (11), D. Lukoff (10), M. Epstein (7), A. Chinen (5), T. Weide (5).

Практически каждый автор из этого списка хорошо известен своим вкладом в развитие трансперсональной психологии, но лидирующей оказывается *группа*, попадающая в интервал цитирования от 40 до 15 (7 авторов).

2. Ключевые слова в заглавиях статей-источников.

Наиболее значимыми оказались следующие *ключевые* слова: transpersonal (частота встречаемости – 47), meditation (40), psychology (39), therapy (37), consciousness (21), experience (21), spiritual (14), states (14), buddhist (13), Self (10), death (8), mind (7), human (6), physicist (5), practice (5), rational (5), transcendence (5), biofeedback (4), LSD (4), psychiatric (4), shamanism (4).

Естественно, первое место занимает слово transpersonal, затем слова meditation, psychology, therapy. Можно заключить, что они и задают в основном содержание новой дисциплины. Слово buddhist[7], весьма значимое для этого направления мысли, встречается чаще слова christian (последнее упоминается всего два раза в заглавиях статей-источников). Слово philosophy встречается только один раз, а из западных философов упоминается лишь J. P. Sartre, и тоже один раз.

---

[7] Определение buddhist часто встречается в сочетании со словом psychology, обозначая не только буддистскую психологию, но и буддистское понимание личности.

3. Журналы, цитирующиеся в статьях-источниках.

За 21 год своего существования журнал опирался на 364 других журнала и 49 сборников. Общее количество статей в этих журналах и сборниках – 2549[8]. Число журналов, на которые дается не менее 5 ссылок, составляет 56. Если структурировать журналы по тематике, то список будет выглядеть следующим образом:

Психология. American Psychologist (встречается 6 раз), J. of Abnormal Psychology (8), J. of Clinical Psychology (7), J. of Consulting Psichology (7), The J. of Humanistic Psychology (9), Human Development (10), The J. of Transpersonal Psychology (152).

Психиатрия. American J. of Psychiatry (22), Archives of General Psychiatry (20), J. of the American Psychoanalytic Association (16), J. of American Society for Psychical Research (11), Intern. J. of Clinical and Experimental Gypnosis (5), Intern. J. of Psychoanalysis (22), Psychotherapy (10), Psychoanalysis and Contemporary Thought (6), Psychoanalytical Review (6), Schizophrenia (8).

Медицина. J. of Nervous and Mental Disease (7).

Междисциплинарный подход. J. of the Scientific Study of Religion (7), ReVision (14).

В разделе «Психология» чаще всего встречается «JTP», т.е. он ссылается сам на себя. В разделе «Психиатрия» выделяются общая психиатрия и психоанализ, а также психотерапия. В связи с последней сохраняется интерес к шаманизму (два сборника), хотя, конечно, эта тематика связана также и с проблемами сознания. В разделе «Междисциплинарный подход» – журнал ReVision (The Journal of Consciousness and Change). Следует отметить интерес к публикациям, посвященным сравнению психологических путей Востока и Запада.

---

[8] Общее количество ссылок 5446, так как цитировались не только журналы и сборники, но также книги, газеты, отчеты, диссертации, материалы конференций, симпозиумов. Часть этих источников, кроме книг, могла быть отнесена к журналам, если имелись указания на периодичность.

Количество ссылок со временем меняется. В последние шесть лет оно заметно возросло, а количество журналов при этом уменьшилось. Из 56 наименований осталось 20 журналов и 7 сборников[9]. Такая редукция тематики может говорить о том, что в процессе деятельности трансперсональное направление выкристаллизовало свою тематику, в которой главный акцент делается на терапии. Об этом свидетельствует и группа ключевых слов в цитируемых публикациях, где «терапия», «опыт/переживание» и «сознание» имеют наибольший вес (вместе со словами «медитация» и «психология»).

Можно отметить журналы со «сквозной» встречаемостью по периодам – по психиатрии, гипнозу и психологии, – среди которых, конечно, высокая частота ссылок на журналы гуманистической и трансперсональной психологии, что, видимо, связано с первопроходческой деятельностью нового направления.

Интересно рассмотреть распределение журналов по специализации, хотя это не всегда можно сделать однозначно (первая цифра – количество ссылок, вторая – количество журналов).

«Гипноз» (24, 1), «Медицина» (97, 5), в том числе: общая (28, 3), «Нейрофизиология» (37, 1), «Неврология (32, 1); «Междисциплинарные журналы» (39, 1), «Общенаучные журналы» (71, 4), «Парапсихология» (11, 1), «Психиатрия» (122, 4), «Психоанализ» (79, 4); «Психология»: аномальная (19, 1), восточная (9, 1), гуманистическая (62, 1), клиническая и консультативная (57, 4), общая (169, 10), трансперсональная (352, 1); «Психотерапия» (60, 6), «Психофизиология и психосоматика» (33, 2); «Религия» (20, 2); «Сознание»: измененные состояния сознания (6, 1), изучение сознания (6, 1); «Философия» (33, 3).

Здесь хочется обратить внимание на следующее: «JTP» цитируется примерно в два раза чаще, чем журналы общей психологии; широко цитируются журналы по психиатрии – общей и психоаналитической, – а также медицинские журналы, к которым относятся

---

[9] В развернутом списке, содержащемся в отчете, весь период выхода анализируемого журнала разбит на пятилетия; последний этап включает шесть лет. Такое деление позволяет увидеть интенсивность упоминания журналов и селективность их тематики.

Неврология и Нейрофизиология. Это указывает на связь нового направления с методами классической науки, изучающей высшую нервную деятельность. Здесь прослеживается идея не только преемственности, но и междисциплинарности нового подхода. Нужно подчеркнуть близость к направлению гуманистической психологии, из которой выделился изучаемый журнал. Бросается в глаза и удаленность от философии. Хотя здесь было бы уместно заметить, что в недрах трансперсонального направления возникает новая философия, основанная на опыте многообразия состояний сознания.

4. Цитирование монографий.

В изучаемом журнале за 21 год было процитировано 1320 книг. Прежде всего обратим внимание на A. H. Maslow (1908–1981), одного из основателей трансперсонального движения. Три его книги попали в разряд высокоцитируемых (общая цитируемость – 53 раза): The Farther Reaches of Human Nature, 1971 (15), Toward a Psychology of Being, 1962/68/69 (24), Religion, Values and Peak-Experience, 1970 (14)[10].

Книги W. James (1842–1910), убедительно показавшего в свое время реальность и психологическую значимость религиозного опыта, цитируются 39 раз: The Varieties of Religious Experience, 1902/29/58/63 (28), Principles of Psychology, 1980 (11).

Отметим также книги: R. Assagioli (1888–1974), основателя направления, названного *психосинтезом*, его Psychosynthesis (1965/71/76), цитировалась 25 раз; S. Grof – Realms of the Human Unconscious: Observation from LSD Research, 1975/76 (22); P. Kapleau – The Three Pillars of Zen, 1965/66/67/80 (22); K. Wilber – The Atman Project: a Transpersonal View of Human Development, 1980 (12), The Spectrum of Consciousness, 1977 (16), суммарная цитируемость автора – 49 раз.

В списке К. Юнга 47 различно поименованных книг с общей цитируемостью 87 раз; причем цитируются чаще 1–2 раза: Psychology and Religion, 1958 (7),

---

[10] В скобках – количество ссылок, через косую черту – годы переиздания книги.

Memories, Dreams, Reflections, 1961/65/66 (6).

5. Ключевые слова в цитируемых публикациях (журналы, сборники, книги).

В заголовках цитируемых за 21 год материалов наиболее часто употреблялись следующие слова: buddh...-ism, -istic, -a (201), consciousness (375), experience (345), human (150), meditation (564), mind (146), mysticism (194), practice (103), psycholog...-y, -ist (475), Self (202), shamanism (77), states (228), therapy (338), transcendence (115), transpersonal (116), yoga (173), zen (217).

Если сравнивать их с ключевыми словами в статьях-источниках, утрачивается слово transpersonal, но зато на первое место выходит группа слов (meditation, psychology, consciousness, experience, therapy), которая почти идентична группе ключевых слов в статьях-источниках.

Этими пятью словами задаются те области знания и деятельности, на которые в первую очередь опирается трансперсональное движение. Отметим опять-таки высокое значение слова buddhist; противостоящее ему слово christian (встречается 17 раз) имеет существенно меньшее значение. Среди значимых ключевых слов оказываются yoga, zen и shamanism, свидетельствующие об интересе к психотерапевтической практике, сохраняемой в традициях других культур. Здесь также прослеживается междисциплинарный аспект.

6. Сопоставление списка авторов, цитируемых в «JTP», со списком ученых, внесенных в словарь Психология.

Интересно сравнить авторов, внесенных в словарь Психология [Петровский и Ярошевский, 1990], на которых опирается советская психологическая наука, с авторами, на которых ссылается трансперсональное направление в своем журнале.

Значимость первых оценивается длиной словарной статьи, измеряемой линейкой, последних – суммарной цитируемостью. Эти две ранговые оценки оказываются сопоставимыми: в обоих случаях почти одинаково оценивается пересечение двух исследуемых источников.

Из 139 имен словаря только 13 авторов пересекаются с трансперсональной психологией (цифрами обозначена суммарная цитируемость): A. Maslow (95), C. Jung (87), S. Freud (59), W. James (52), V. Frankl (8),

J. Piaget (6), C. Rogers (6), Ch. Darvin (2), K. Horney (2), G. Hall (1), H. Selye (1), B. Skinner (1), G. Spencer (1).

Нужно отметить, что словарь содержит имена авторов, утвердившихся в парадигме прошлого в таких ее областях, как психология, психиатрия, педагогика, нейрофизиология и частично классическая философия. Трансперсональное движение, возникшее как ответ на проблемы, связанные с современным состоянием психического и духовного здоровья, оказывается вне этой парадигмы. Отсюда следует, что парадигма отстает от насущных задач современности. Если из 139 ученых, упоминаемых в словаре, только 13 цитируются в «JTP», то это означает, что всего лишь 10,07% пересекаются с той научной базой, на которой покоится академическая психология нашей страны. Другой подход и оценка пересечения – сравнение общей длины текста, отведенного в словаре всем именам, и длины текстов, связанных с авторами, цитируемыми в «JTP». Пересечение составляет 12,08%. Оба способа подсчета дают близкие оценки.

Об отставании парадигмы от психологических задач времени свидетельствует и такое обстоятельство: в словарной статье об А. Маслоу не содержится информации о том, что он является одним из основателей трансперсональной психологии, развивающей новое представление о человеке.

7. Внешнее цитирование авторов «JTP».

В качестве материала для анализа были выбраны наиболее активные авторы, которые печатались в «JTP» не менее пяти раз. Их цитируемость оценивалась по данным ISI (Института научной информации), представленным в двух изданиях – Science Citation Index и Social Science Citation Index.

Самым цитируемым оказывается D. Goleman (49 раз), которого ранее отмечали как наиболее активного и часто цитируемого автора «JTP». Следующим идет R. Walsh (26), далее C. Tart (17), J. Welwood (15), K. Wilber (10), S. Grof (9), A. Sutich (9), A. Maslow (5). Совсем нет внешних ссылок у R. Assagioli.

Эти данные подтверждают вывод о том, что новое направление пока еще не стало составной частью действующей парадигмы. Развиваемая дисциплина не просто нова, но в чем-то противоположна существующей системе представлений.

Однако следует обратить внимание на такой факт: в тезаурусе ключевых слов трансперсонального направления появились такие слова, как experience и therapy, относящиеся к практическому применению идей нового направления, внедрению их в обиход психотерапевтической практики. А это уже форма признания и возможная перспектива. Поэтому интересно и дальше следить за динамикой внешнего цитирования – если она нарастает, то направление развивается. Выборочная внешняя цитируемость авторов «JTP», например 1984 г. (т. 16), показывает, что: в Science Citation Index (1985–1989)[11] авторы «JTP» не упоминаются, а в Social Science Citation Index (1985–1989) имеются ссылки только на K. Wilber (5) и E. Shafranske (2). Первый входит в группу наиболее активных авторов трансперсонального направления – носителей идей, второй ей не принадлежит. Такой скромный отклик лишь подтверждает вывод о том, что направление пока еще не получило признания.

4. Заключение

1. Трансперсональное направление выступает перед нами как вполне сложившийся подход, имеющий три ипостаси: 1) мировоззренческую, 2) психотерапевтическую, 3) научную (хотя наука и не признает ее); имеется и сложившийся коллектив, профессионально работающий в этом направлении.

2. Отличительными чертами нового направления являются открытое признание трансличностного начала человека и его иррациональной природы. Эти исходные посылки и определяют особенности новой терапии.

3. Новое направление не подчинено какой-либо одной доктрине. Именно это обстоятельство позволило привлечь к движению многих талантливых исследователей из различных областей знания.

4. Трансперсональное движение – это, как нам представляется, первое направление в психологии, пытающееся стать трансдисциплинарным разделом знания о человеке. Оно опирается на различные нап-

[11] Кумулятивные издания ISI собраны по данным за пятилетие срок, достаточный для появления откликов в печати (ссылок).

равления психологии и психиатрии; нейрофизиологии и нейрологии; антропологии; востоковедения; религиоведения; интегрирует мистический опыт, включая шаманизм, буддизм, дзэн-буддизм; намечается и его связь (хотя пока еще слабая) как с философией, так и с современной физикой.

Так открывается путь по-настоящему *комплексного изучения человека.*

5. В отличие от традиционных направлений трансперсональная психология позволяет говорить о новом ростке, устремленном в будущее нашей культуры.

6. Хочется думать, что в будущем границы трансперсонального подхода существенно раздвинутся – он должен будет ближе сомкнуться с философской мыслью Запада (прошлого и настоящего), с современной наукой, и прежде всего с математикой, теоретической физикой и, может быть, даже с космогонией. Если мы хотим подойти к решению пресловутой проблемы *сознание – материя*, то нужно будет найти язык, на котором можно было бы описывать как семантический Мир, так и Мир физических явлений. Развитие физики уже давно идет по пути геометризации ее представлений [Kalinowski, 1988]. Отсюда естественно обращение к геометризации и семантических представлений [Налимов, 1989], а следовательно, к математике [Nalimov, 1989] и теоретической физике.

7. Проведенный анализ представляет интерес и с *наукометрических* позиций. Здесь оказалось возможным оценить метрически процесс возникновения и развития новой, не признанной еще научной дисциплины, возникшей и утвердившейся на наших глазах.

Глава VIII

НАВСТРЕЧУ XXI ВЕКУ

Критический анализ потребностей[1]

I

Мы напряженно всматриваемся в будущее – до встречи с новым веком осталось менее одного десятилетия.

Мы знаем, что нетривиальный научный прогноз будущего невозможен хотя бы уже потому, что в сфере социальных наук (в отличие от физики) нет *фундаментальных* констант, остающихся неизменными во времени [Налимов, 1983]. Нет их в психологии и биологии. Отсутствие фундаментальных постоянных свидетельствует о том, что в Мире живого нет существенно устойчивых систем. В этом мире действует *спонтанность*, не схватываемая рационально ориентированной наукой.

В то же время мы знаем, что в социальной сфере возможен тривиальный, или – иными словами – *негативный*, прогноз, показывающий границы возможного существования спонтанно возникающих эфемеридных структур. Одной из таких структур является наша культура.

В течение по крайней мере трех последних столетий западная культура была преимущественно направлена на развитие *научно-технического прогресса*. Сейчас уже имеется достаточно много данных, свидетельствующих о том, что наша планета Земля скоро будет не в состоянии выдержать экспоненциально нарастающей нагрузки, не сможет выдержать ее и психика самого человека, о чем свидетельствует непрестанно нарастающее количество негативных явлений социального характера (подробнее эта тема рассматривается в главах IX–XII).

---

[1] Неполный текст этой работы был опубликован в журнале Scientometrics, 1991, v. 20. № 1, p. 65–69.

Радикально должна будет измениться и сама наука, задающая технический прогресс; эту тему мы уже детально обсуждали ранее, в главе I.

II

Человек не до конца рационален по своей природе. Даже не зная своего будущего, он все же действует, заглядывая в смутно предчувствуемое неведомое. Сейчас нам видится формирование в будущем новой системы ценностных представлений и даже рождение новой культуры – носительницы нового сознания.

Существует множество определений того, что есть культура. Бессмысленно предлагать какое-нибудь еще. Достаточно лишь обратить внимание на то, что основной ее задачей является социальная терапия. Психика человека неустойчива, легко уязвима. Она нуждается в постоянном терапевтическом воздействии, которое осуществляется путем привносимого культурой раскрытия новых аспектов реальности мира, порождающих новые смыслы, новые ценностные представления. Обновленная устремленность стимулирует приток энергии – преодоление скуки, всегда гибельной для культуры, ведущей к социальной стагнации.

Вспомним прошлое: храмы Египта, пирамиды, сфинксы, процедуры бальзамирования – все это в значительной степени формы терапии. Громады готических соборов, рыцарские турниры, крестовые походы, карнавалы, алхимические изыскания – различные варианты поиска новых смыслов, оказывающих терапевтическое воздействие. Смыслами наделены и символы, присущие глубинному сознанию человека [Jung, 1964/1983], [Walker, 1983].

Мы видим, что потребности человека порождаются не самой его биологической природой, а ее взаимодействием с культурой. Именно в результате этого взаимодействия и создается среда обитания человека в ее широком понимании. Но культура, как и всякий организм, может начать стареть. Тогда порожденные ею потребности теряют свое терапевтическое действие и возникает удручающая, губительная скука.

III

Реальность сегодняшнего дня открыла нам многое: научное, т. е. механистическое, видение Мира, невиданное прежде овладение природой, компьютерное мышление, бытовой комфорт, свободное перемещение в пространстве Земли. Человек наконец почувствовал себя существом, сопричастным всей Планете и прилегающему к ней Космосу. Но за все пришлось заплатить: возникло отчуждение человека от самого себя, от других людей, от окружающей природы, от духовной Реальности, имманентной сознанию человека. И над человечеством нависла угроза скуки. Так было уже не раз – вспомним гибель Древнего Рима.

Комфортность жизни – главное общедоступное проявление нашей культуры, – так бросающаяся в глаза на Западе, начинает терять свое терапевтическое воздействие. Потребность в ее дальнейшем наращивании больше не порождает достаточных энергетических импульсов. А каково Природе переносить тяготы нарастающей комфортности нашей жизни?

Технизация всех проявлений культуры, так хорошо понятая еще Хайдеггером[2] [Seubold, 1986], закрыла от нашего восприятия те аспекты Бытия, которые доступны были человеку в культурах прошлого.

Я думаю, что наблюдаемые сейчас негативные явления объясняются не тем, что человек не удовлетворяет свои потребности, а тем, что сами эти потребности *перестают удовлетворять человека.*

Здесь мы наблюдаем очередное столкновение рационального (логического) с иррациональным (внелогическим – глубинным). Потребности, естественно, формулируются на логическом уровне, а принимаются – на глубинном. Современный человек не подготовлен к тому, чтобы понимать себя. Он потерял своих духовных наставников: философы подавлены логицизмом (доминирующей парадигмой века); писатели не готовы предложить образ героя наших дней (создать адекватный миф); официальное духовенство сковано догмами и не воспринимает запросы современного человека. Рациональный и иррациональный

---

[2] Хайдеггер говорит о современной технике как о некотором «мироустройстве», о наступлении «технической пустыни».

уровни (аспекты) Бытия оказались рассогласованными, и такая патологическая расщепленность, приводящая к стагнации, сопровождается депрессивностью и агрессивностью (и в итоге – поиском ложных смыслов, реализуемых, например, в образе «врага»).

IV

От новой культуры мы ожидаем иного: возвращения к поискам самого себя в масштабах вселенского звучания, достигающих запредельной реальности.

Мы, конечно, не ждем нового Савонаролы и не хотим новых догм. Обновленная культура должна перестать быть культурой ответов, трансформируясь в культуру вопросов. Нужны новые, оздоровляющие психику вопросы, ответом на которые станут опять-таки новые вопросы, расширяющие горизонт видимой нами реальности. Удовлетворение мы можем найти только в свободном творчестве, расширяющем горизонты реальности. В этом призвание возросшего, мыслящего человека. И помнить мы должны Николая из Кузы, понимавшего еще тогда, что истинное знание лежит в нескончаемом расширении горизонта хорошо аргументированного незнания[3].

Провоцирующие наше сознание вопросы могут прозвучать, скажем, так:

Какова природа человека?
Что есть смысл?
В чем смысл Мироздания?
Какова причастность человека к Природе,
к Мирозданию?

Эти вопросы, по словам О'Брайена (Justin O'Brien), «предполагают наличие активного персонального поиска предельной реальности» ([O'Brien, 1987], с. 38).

Повторяю – на эти вопросы не надо искать отчетливо звучащих ответов. В них надо вживаться. Ими надо стать, начать жить. Поняв это, я написал работу Спонтанность сознания [Налимов, 1989].

---

[3] Эту тему мы раньше уже обсуждали в главе I.

V

Поиски нового понимания природы человека уже начались, хотя мы их подчас и не замечаем. Они находят свое выражение в возникновении философски ориентированных движений такого рода, как трансперсональная и гуманистическая психология[4], экзистенциальная психология и психиатрия, гештальттерапия[5], движение целостного понимания человека[6]. Издаются книги, журналы, проводятся конференции, выходящие далеко за границы установившейся научной парадигмы.

В предыдущей главе мы уже много говорили об одном из движений, направленных на обновление культуры. Сейчас мы хотим только подчеркнуть, что преобразование культуры – это также и изменение потребностей человека.

Особый интерес для нас представляют работы американского психолога Абрахама Маслоу [Maslow, 1954, 1968], одного из основателей трансперсональной психологии. Он дает детальный анализ потребностей, связывая их со здоровьем личности. Выделяет высшие ценности Бытия, рассматривая их как результат самоактуализации личности. Идеи Маслоу получили широкое распространение в западных странах в задачах управления и воспитания, его книги издавались большими тиражами.

---

[4] Гуманистическая психология направлена прежде всего на самоактуализацию личности, и она, соответственно, легко вписывается в нашу эгоцентрированную культуру. Трансперсональная психология (глава VII) радикальнее – она направлена уже на трансценденцию личностного начала, соотносимого со всем человечеством и, более того, – со всем семантическим космосом. Это – некоторая форма бунта против существующей культуры.

[5] В гештальтфилософии также легко просматривается бунт против эгоцентричности. Личность там рассматривается только как потенция – что-либо более определенное возникает только в реальном поведении.

[6] Движение, направленное к целостности, – Wholemovement, развиваемое известным английским физиком Д. Бомом, информирует нас о том, что мы суть проявление неделимой реальности, способной формулировать идеи о себе самой.

VI

Возможен и иной, не психологический, а культурологический подход к рассматриваемой теме.

У человека, особенно западного и ближневосточного, есть устремленность к *романтичности*[7]. Человек хочет стать героем или хотя бы быть участником героического дела. Для этого он должен быть увлечен идеей. Увлечен безрассудно. Он должен будет идти на жертву и приносить в жертву других.

Культура обретает *пассионарность* (термин Л. Н. Гумилева), когда в ней просыпается романтизм. В пассионарном романтизме всегда есть что-то иррациональное, идущее из неведомых глубин прошлого. Последующие поколения часто не понимают романтической увлеченности своих предшественников.

Обратимся ненадолго к истории. Героическим был эпос Древней Греции. Христианство было романтично с момента своего появления: Христос был таинственен, таинственно было и Его учение, особенно если не отлучать гностицизм от христианства. Началось христианство с Великой жертвы, жертвенность потребовалась и от ранних последователей. А затем религиозные войны – сколько крови было пролито во имя Христа! А рыцарство – турниры, крестовые походы (смысл которых до конца нам не ясен), предание о короле Артуре, легенды о Чаше Грааля и, наконец, величественный образ рыцарской чести – разве это все не проявление романтики?!

Меня спросят – а инквизиция, это что? И я отвечу, что это тоже романтика, хотя и мрачная и изуверская.

Разве не романтичными были все подспудные, глубинные движения религиозно-философской мысли в Европе? Не романтические ли устремления породили Великую французскую революцию?

В России революционная мысль всегда была глубоко романтичной. На романтической волне произошла революция 17-го года. Я помню 20-е годы: несмотря на надвигающуюся грозу, мы жили все еще в атмосфере революционной романтики. И дальше, не-

---

[7] Наше понимание термина *романтика* существенно шире, чем принято в философии Там с этим понятием связывается состояние культуры в конце XVIII и первой половине XIX в

смотря на безумные репрессии 1937–1938 годов, Советский Союз выходит победителем в войне, и тогда только начинается медленно нарастающее отрезвление, заканчивающееся поражением в «холодной войне».

В Германии на государственном уровне все происходило в сжатые сроки. Но продолжительно шла подготовка – романтизм раскрывался через древний германский эзотеризм, вышедший на поверхность общества, казалось бы воспитанного достаточно рационалистически.

Впрочем, и обычные войны прошлого окрашивались в романтические цвета. Вспомним «Войну и мир» Толстого, а еще и «Хаджи Мурата», повесть, написанную в те дни, когда автор уже встал на путь христианского смирения.

И последнее – по воле судьбы мне пришлось близко познакомиться с мировоззрением воровского мира. Да, там была романтика – лихая, вывернутая наизнанку, жестокая. Это были рыцари черного мира – смелые, отчаянные, жесткие, приверженные своему ритуалу, своему демоническому идеалу. В карательных заведениях все было устроено так, что они сумели рассеять свое учение по всей стране. Что это было – недомыслие властей? Или и здесь была заложена какая-то мысль, не поддающаяся раскрытию?

Итак, *романтика* – это одна из самых серьезных потребностей человека. Психологи не хотят ее изучать, поскольку здесь рассматривается явление не столько личностное, сколько социальное. Социологам эта тема чужда, поскольку она опирается на глубинную природу человека, остающуюся еще малоизученной.

Тема остается нераскрытой.

Мы должны отдавать себе отчет в том, что в XX веке натиск романтизма оказался особенно сокрушительным. Этому способствовало высокое состояние техники – романтизм в своих конкретных проявлениях оказался хорошо вооруженным.

В то же время мы понимаем, что человек не может существовать без обращения к романтизму. Иначе – скука, безразличие, алкоголизм, наркотики, психические расстройства, самоубийства...

Как нелепо сейчас выглядят попытки найти смыслы жизни в национальных конфликтах и в других формах агрессивности. Этот пожар имеет место не только

в нашей стране, но и на благоразумном Западе. А сколь наивны попытки потопить мечту о романтизме в роскоши жизни! Это ведь было уже в Древнем Риме.

В наши дни в западном мире романтизм в национальном масштабе, пожалуй, сохранился только в Соединенных Штатах – стране молодой, воспринявшей (и продолжающей принимать) пассионариев из других стран. В стране, провозгласившей Декларацию независимости (1776 г.), ставшую первой декларацией прав человека. Приезжая туда, всем существом своим ощущаешь напряженность деловой жизни. Именно это дает стране силу, объединяет людей, вселяет веру в будущее. Но раковая опухоль безразличия и пассивности зреет и там – это следует из данных, приведенных в последних главах этой книги.

А Западная Европа дремлет, отдыхая от пережитого, пытаясь (особенно в Германии) скопировать Америку. Что-то получается, но не то, что за океаном. Не та почва.

А у нас, в нашей измученной стране, идет еще распад Великой империи, созданной Отцом народов. В распаде опостылевшей цивилизации страха есть своя романтика. Есть пассионарность, обретшая негативный, разрушающий характер. Романтика насилия направлена на то, чтобы насильственно разрешить все проблемы, начиная от нелепого национального размежевания и кончая бессмысленным личным обогащением – обогащением на тонущем корабле.

А где-то подспудно люди ждут рождения новой, позитивной романтики, направленной на безнасильственное устройство общества на основе согласия и обновленной свободной духовности. Или, может быть, я ошибаюсь?

После более чем двухтысячелетнего существования нашей динамической культуры остается нерешенным вопрос о том, что́ есть *фундаментальная потребность человека*!

VII

Можно поставить вопрос и иначе: готов ли современный человек к восприятию новой системы ценностных представлений? Обладает ли он достаточной внутренней свободой? По существу, об этом же говорит

и Сейичи Яаги (Seiichi Yagi): «...культура есть нечто, что не существует до тех пор, пока она не оказывается понятой» ([Yagi, 1987], с. 36).

Ответ на эти вопросы звучит положительно. Здесь мы опираемся на наш опыт многолетних медитационных исследований глубинных уровней сознания человека, описанный в книге [Nalimov, 1982]. Одна из описываемых там серий экспериментов проводилась с триадой ключевых слов: *свобода, рабство, достоинство*. Сеансы проводились в больших аудиториях, нередко включавших до 100–150 человек. В большинстве отчетов (около 80%) *свобода* описывалась как свет, полет, радость, безграничность, открытость. И только приблизительно 20% отчетов составляют клишированные тексты, содержащие стереотипы современной культуры. Такие же тексты пишут пациенты психиатрической лечебницы (получившие медикаментозное лечение).

Наш вывод здесь таков: в глубинах своего сознания большинство участников эксперимента оказались готовыми к восприятию нового.

VIII

Задача сейчас состоит в том, чтобы понять начавшийся процесс обновления культуры, интегрирующий (и адаптирующий к нашим условиям) терапевтические формы, накопленные громадным опытом прошлого, и сделать его всемирным процессом.

Вопрос может быть поставлен так:

Возможно ли человеку обрести трансличностное начало? Может ли человек соприкоснуться с Запредельным настолько глубоко, чтобы обрести новый статус существования? Сможет ли сама романтика завтрашнего дня прозвучать романтично? Наконец, не разрушительно?

К обсуждению этой темы мы еще вернемся в последней, XII главе.

Часть III

НА ИЗЛОМЕ КУЛЬТУРЫ: НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ И ВОЛЬНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О НИХ

Все больше и больше мы скатываемся к состоянию, характеризующемуся отсутствием мировоззрения. Отсутствие же мировоззрения предопределяет и отсутствие культуры.

А. Швейцер [1992, с. 96]

Глава IX

КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СЛОЖИВШЕЙСЯ СИТУАЦИИ[1]

Мне уже скоро прощаться и уходить отсюда. Я пришел на Землю, когда все было еще спокойно. Когда верили в безграничное будущее. Когда процветала Российская империя. Я прожил жизнь активно: много работал, многому противостоял, имел друзей и учителей, прошел через круг страдания, не схваченный фантазией Данте, написал много книг, которые можно было издать у нас или хотя бы на Западе. Видел зарубежный мир. Теперь мне хочется осмотреться: понять, что же произошло, в чем я участвовал, за что погибли близкие мне? Что оставляем мы будущим обитателям Земли? Я понимаю - мы стоим на *изломе Культуры*. Но что об этом можно рассказать? Кто услышит сказанное?

Может быть, когда-нибудь я напишу и подробные воспоминания. Но это потом, а время не ждет. Все сказанное здесь является дальнейшим развитием моей последней книги «Спонтанность сознания» [*Налимов, 1989*].

1. Введение
Суперматериализированный мир

Негативный эксперимент был поставлен. Он длился более 70 лет. Он был направлен на то, чтобы жизнь приземлить, оторвать ее от Вселенского начала, подчинить ее новой идеологии, научной, как было сказано, а потому и истинной. Эксперимент проводился Административно-Партийной Системой по воле ее основателя. Не надо описывать, как проходил эксперимент, – мы все это хорошо знаем. Не надо описывать в деталях, чем окончился эксперимент, – мы это тоже хорошо знаем. Хочется только подчеркнуть, что именно непонимание природы человека разрушило социальную и экономическую структуру страны. Дискредитированной оказалась и сама идея *коммунизма* – великой утопии, созревшей еще в недрах христианской культуры. Пропал интерес к труду. Труд стал подчас

[1] Опубликовано в журнале Полис, 1991, № 6, с. 5-18.

просто невозможен или хотя бы непривлекателен, формы его проявления стали зачастую оскорбительными – кто из нас не испытал это на самом себе? На смену труду пришли спекуляция, алкоголь, грубость и агрессивность. Наглость в повседневном поведении теперь уже проявляют не только власти предержащие, но и сам измученный народ. И это страшно.

А что Там?

Там тоже была трагическая вспышка безумия, подавленная общими усилиями высокоразвитых стран. Теперь раны, кажется, залечены. Техника там породила невиданную роскошь жизни – не для избранных, а для многих. Социальная справедливость там представлена несравненно выше, чем у нас. Не только привилегированное лицо, но и каждый человек среднего уровня может купить себе нужное лекарство, любую бытовую машину, может поехать в другую страну за свои деньги и без специального разрешения.

Но не все так отрадно.

Нельзя сказать, что там нет духовности. Ей никто не препятствует. Она сама ушла на задний план, оттесненная материальным успехом в жизни. Во всяком случае, там нет той духовности, которую ищем мы, изголодавшиеся по ней люди из России. Хочется напомнить, что Европейская культура началась с философов Древней Греции. Теперь философия вдруг прекратилась – произошло это на наших глазах. Философия как Здесь, так и Там превратилась в комментирование сказанного ранее. Почему? Нет новых, вдохновляющих идей? Говорят, Там нет для них маркетинга, но почему нет? Пока ответить можно только риторически: раз нет, значит, никому не надо.

Творчество там, конечно, никто не контролирует. Но творящий все время должен помнить о маркетинге – удастся ли ему продать то, что он сотворил? А маркетинг суров – он подчиняется существующей парадигме и охраняет ее. *Деньги* – организующая сила общества. Это, конечно, хорошо, это прекрасно. Это разрушает феодальную структуру с ее системой привилегий и дискриминаций. Перед деньгами все равны, а неравным (больным) можно помочь – именно в этом прежде всего должна проявляться социальная справедливость. Но устремленность к деньгам материализует жизнь, лишает ее глубокого духовного поис-

ка. Не возрождается ли в новом варианте Древний Рим?

Правда, и с социальной справедливостью все-таки не все так просто, как кажется с первого взгляда. В США социальная несправедливость с наибольшей остротой выражается в том, что медицинское обслуживание (очень дорогое) доступно далеко не всем[2]. Здесь остается нерешенной проблема: как далеко может простираться устремленность к социальной справедливости – не поведет ли расширение ее к созданию ватного состояния общества, характеризующегося потерей трудовой активности? Во всяком случае, богатство страны само по себе еще недостаточно для успешного разрешения социальных противоречий.

Там, естественно, есть и протест. Это отнюдь не устремленность к революции – ее не может быть в сверхвооруженных странах. Это и не коллективное неповиновение в стиле Ганди. Это – горестный личностный протест, индивидуальный бунт, чаще всего бескровный и безнадежный. В США, по-видимому, около миллиона бездомных (или, может быть, больше); по нашим меркам, они живут не так уж плохо. Но они – вне системы, они бунтуют. Протестующими – не принимающими систему – оказываются и алкоголики, и наркоманы, и добровольно уходящие из жизни, и те, кто сам не может справиться со своими неврозами. И наконец, бандитизм и терроризм. Не только в Америке, но и в тихой Европе. Вас предупреждают: при входе в Собор Парижской Богоматери висит плакат, показывающий технику срывания сумочек с плеча в толпе; в Стокгольмском аэропорту вас просят не спускать глаз с ваших вещей... Вот во что выродились протестующие герои прошлого.

Человек бросил вызов сам себе. И никто не знает, как отвечать на этот вызов. Как лечить алкоголиков и наркоманов? С бандитами, казалось бы, проще – можно всех выловить. Но что делать с ними потом? Государство, обремененное избытком тюрем, будет выглядеть как один из вариантов рабовладельческого

---

[2] Несмотря на большие ассигнования.

В статье [Попов, 1991] приводились такие данные, касающиеся психиатрии:

> В США ежегодно на нужды психиатрии расходуется около 30 миллиардов долларов, а в СССР 4–5 миллиардов рублей.

общества. Как сгладить напряженность жизни высокообеспеченного общества? Как сформулировать новые смыслы, способные увлечь молодежь?

В последующих параграфах мы приведем подборку высказываний о современном состоянии Мира, заимствованных в основном из официальной государственной газеты. Теперь «Известиям» можно верить. Здесь мы в какой-то степени следуем за Ф. Достоевским, пытавшимся откликаться на текущую повседневность происходящего. Отметим, что официальные газетные данные иногда оказываются разноречивы-мы – тогда приходится приводить не единственный вариант[3].

Наша подборка – это не более чем попытка сконцентрировать то, что читателю ранее уже было в той или иной степени знакомо. В таком соединенном и плотно упакованном виде ранее знакомое обретает новое, набатное звучание.

В последующих главах мы перейдем к философскому рассмотрению проблемы, которую можно было бы назвать *вселенской экологией человека*. Здесь мы будем иметь в виду не только физическую, но и духовную среду его обитания. Человек – единственное существо на Земле, которое обитает еще и в Мире смыслов и стремится заглянуть в запредельность Бытия. Закончим работу анализом причин глобального кризиса человечества, выделив особенно то, что произошло в нашей стране.

2. Статистика социального нездоровья высокоразвитых стран

Несмотря на все многообразие стран, охваченных современной научно-индустриальной культурой, они все оказываются пораженными одной общей болезнью – злокачественной социальной опухолью.

Одним из симптомов этого заболевания являются алкоголизм и наркомания. Приведем здесь несколько высказываний, заимствованных из статьи психиатра

---

[3] В газетном материале часто цитируются анонимные заметки. Материалы такого рода не вносятся в рубрику Литература. Вместо этого непосредственно в тексте указывается название газеты и дата ее выхода.

А. В. Немцова [Немцов, 1990], профессионально занимающегося проблемой алкоголизма[4]:

> Рост потребления алкоголя в мире начался в середине 50-х годов и захватил в первую очередь промышленно развитые страны (с. 70).
>
> .. Самым наглядным проявлением роста алкоголизации в мире явилось увеличение числа больных алкоголизмом. В нашей стране они составили 4,7 млн. (1984 г.). Но большая часть алкогольных проблем остается скрытой. В результате число учтенных алкоголиков составляет у нас около трети от общего числа больных алкоголизмом. Приблизительно столько же их в США – от 10 до 15 млн., по разным оценкам. У нас к подводной части «алкогольного айсберга» относится и самогоноварение, неконтролируемо увеличивающее потребление алкоголя.
>
> Но дело не только в росте количества; происходили качественные изменения алкогольного потребления, тенденции которого в мире становились все универсальнее. ...В начале века в европейских странах одна женщина-алкоголичка приходилась примерно на десять больных мужчин, а в последние годы это соотношение – 1:5 и даже 1:3,4 (ФРГ, 1985). Серьезной проблемой стал ранний (до 18 лет) алкоголизм (с. 71).

Грустные данные опубликованы и по наркомании [Иллеш, 1990]:

> В СССР сегодня, по нашему убеждению, подкрепленному последними исследованиями, около полутора миллиона человек, которые пробовали или потребляют наркотики.

Особенно остро проблема наркомании проявилась в США. В статье Майклза [Michaelis, 1990] мы находим такие высказывания:

> По сделанной оценке, в 1988 г. общее количество доступной марихуаны в США находилось в пределах 15 000–21 000 тонн, из них 651 тонна была конфискована в том же году... Хорошо известно, что пристрастие к наркотикам порождает (для своего поддержания) преступность, в результате чего четверть раскрытых преступлений оказывается связанной с оборотом наркотиков, и в сентябре 1989 г. в США популяция тюремных заключенных превысила вместимость на 53%. По существующей оценке, в США годовой расход на наркотики составляет около 200 миллиардов долларов; для сравнения: в 1988 г. американцы потратили 37 миллиардов на табак, 62 миллиарда – на алкоголь, 101 миллиард – на новые автомобили и 497 миллиардов – на питание (по данным Министерства торговли США). Отсюда следует, что нельзя сомневаться в серьезности проблемы наркотиков (с. 7).

Столь же тревожно состояние с психическими аномалиями [Мончурова, 1989]:

---

[4] Подробный анализ алкогольной ситуации в Москве в 1983–1990 гг. дан в публикации [Немцов, Нечаев, 1991].

Проблемы психических заболеваний становятся все более актуальными. Число людей, страдающих клиническими формами душевных заболеваний, продолжает возрастать. На планете у 40 миллионов жителей зафиксированы клинические формы расстройства, у 300 миллионов – пограничные состояния. В нашей стране таких больных не менее 15 миллионов; 5,5 миллиона состоят на активном учете[5].

...17 процентов учащихся высших учебных заведений лечатся от тяжелых неврозов.

В США, по данным Национального института душевных заболеваний, ситуация характеризуется следующими показателями [NIMH Study, 1988]:

Более 15 процентов населения испытало симптомы душевного заболевания за последний (изучаемый) месяц, по данным исчерпывающего обследования, поддержанного федеральными средствами. Многие больные, может быть большая их часть, остались невыявленными, поскольку они не обращались за медицинской помощью.

...по меньшей мере треть всех американцев за время их жизни будут страдать серьезной душевной болезнью (с. 1–3).

Теперь несколько слов о самоубийствах. Здесь мы можем привести следующие данные [Волынова, 1990]:

Самый высокий уровень самоубийств – в экономически развитых странах с усложненными межличностными отношениями. «Рекорд» принадлежит Венгрии – 47,3 случая в год на 100 тысяч населения. За лидером следует ГДР – 36,2; далее Финляндия – 25,0; Дания и Австрия – 24,3; Япония – 24,0; Швейцария – 23,9; ФРГ – 22,7 и ЧССР – 21,9.

Теперь о положении в нашей стране. В целом по СССР – 22–24. В частности, в РСФСР и республиках Прибалтики – 23–29.

Существенна динамика самоубийств. Так, скажем, по США имеются такие сведения [«Известия», 1984, 31/X]:

По данным находящегося в Атланте Национального центра по контролю над заболеваниями, за последние 30 лет число самоубийств среди молодых людей в возрасте от 15 до 24 лет увеличилось на 300 проц. Если в 1950 году на каждые 100 тыс. человек приходилось 4,5 случая самоубийств среди молодежи, то в 1980 году – уже 12,3.

То же самое наблюдается во Франции [«Известия, 1987, 26/VII]:

---

[5] В более поздней статье [Попов, 1991] говорится уже, что официально зарегистрировано 4,5 миллиона психиатрических больных. Может быть, здесь расхождение связано с неоднозначностью понимания того, что́ есть «психиатрический больной».

Бывший министр здравоохранения и социального обеспечения Франции Ж. Барро заявил, что самоубийство – основная причина смерти молодых людей страны в возрасте до 35 лет. Только в 1985 году во Франции было зарегистрировано 12 тысяч случаев самоубийства и 120 тысяч попыток покончить с собой.

Несколько слов о преступности. Данные по нашей стране здесь противоречивы.

В одной публикации утверждается, что за последнее время она стабилизировалась [Феофанов, 1990]. Пиковое значение – 2 миллиона с лишним – было достигнуто в 1985 году. Это само по себе крайне тревожно, при этом существенно и то, что преступность

...стала и более изощренной, и лучше технически вооруженной.

В то же время в последующей публикации говорится иное [Лунеев, 1991]:

Если сопоставить, например, преступность 1989 года с 1983-м, то среднегодовой прирост будет около 4 процентов, с 1987-м – 18 процентов. Первый показатель терпим, от второго страшновато. А уж сравнить данные 88-го и 89-го годов – оторопь берет. Прирост 32 процента! Сопоставив же показатели 1990-го и прошлых годов, можно делать любые выводы. По сравнению с предыдущим преступность выросла на 13,2 процента. Темпы роста в два с лишним раза ниже, чем в 1989 году. Эта тенденция сохраняется и в текущем году. Значит, положение лучше? Но ведь преступность-то росла, и прирост был выше среднестатистического Значит, положение ухудшилось?

Последние данные звучат так [За годы перестройки, «Известия», 1992, 29/I]:

В 1991 году на территории России было зарегистрировано 2 млн. 173 тыс. преступлений.

Это на 18 проц. больше, чем в прошлом году, и в два раза больше, чем в начале перестройки. Об этом было заявлено на состоявшемся 28 января брифинге в пресс-центре МВД России.

На работников милиции в течение прошлого года было совершено 1166 нападений, в результате чего 566 сотрудников ранено, 300 – убито.

Тревожным показателем является рост детской преступности [Кожемяко, 1992]:

Возьмем Россию. За последние пять лет число преступлений, совершенных подростками, увеличилось здесь в полтора раза. Самый большой рост - буквально скачок! - дает нынешний год: в некоторых районах – вдвое и даже втрое. Есть области, где каждое третье-четвертое преступление падает на долю несовершеннолетних.

Преступность становится все моложе. Число правонарушителей в возрасте 14–15 лет поднялось за пять лет с 36 до 52 тысяч, а многие попадают в милицию и еще раньше. Не остаются в стороне девушки и даже девочки: среди них преступность за те же пять лет возросла в два раза. Более 60 процентов уже в школе начинают употреблять спиртные напитки и вступать в беспорядочные половые связи.

Есть сведения о том, что в масштабах всего мира преступность, несомненно, растет. В сообщении, освещающем работу VIII Конгресса Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, мы читаем [Камарин, 1990]:

Анализ данных показывает, что положение складывается весьма серьезное. За последние пять лет индекс преступности в мире вырос на 25 процентов, то есть в среднем по планете преступность растет быстрее, нежели численность населения, валовой национальный продукт и иные показатели, к которым прежде было принято «привязывать» число совершаемых правонарушений. Если не удастся затормозить этот процесс, то к 2000 году эта проблема станет в ряд глобальных.

Существенно важным является и следующее высказывание [Лунеев, 1991]:

Прогноз на 1975–2000 годы, рассчитанный в ООН, показывает, что среднестатистическое число зарегистрированных преступлений в расчете на 100 тысяч душ населения достигнет в развитых странах в нынешнем году 8 тысяч. Восемь преступлений в год на сто граждан. Это очень много. Развивающиеся страны к этой отметке могут подойти в 2000 году.

Нашу страну все чаще называют развивающейся. Так вот в этом году наш уровень преступности – 1 преступление на 100 жителей. Исходя из мировых тенденций, это число в ближайшее десятилетие может вырасти в несколько раз.

Однако прогноз не закон, он всегда многовариантен, зависит от обстоятельств. Даже внутри страны разница коэффициентов преступности среди республик достигает 6-кратного, а среди отдельных регионов 12-кратного размера. Одно остается бесспорным: намечаемая стратегия политического и экономического приближения СССР к развитым странам автоматически к сокращению преступности не приведет.

Высокий уровень преступности и ее устойчивый рост в Северной Америке и Западной Европе есть вынужденная плата общества за демократию и свободу, политическую, экономическую, психологическую.

Приведем здесь еще данные о числе заключенных в нашей стране [Решетников, 1991]:

Всего осуждённых 765 тысяч... 61 тысяча особенно опасные рецидивисты, 4 тысячи из них воры в законе.

Но на первое место все же вышли США [«Известия», 1991, 8/I]:

> На конец 1990 года в федеральных тюрьмах, тюрьмах штатов и округов содержалось более 1 миллиона человек – либо ожидающих суда и приговора, либо уже отбывающих срок заключения. Об этом сообщила американская общественная организация «Сентенсинг проджект».

Но самым страшным для нашей страны, конечно, является уже вторичное явление – рождение умственно неполноценных детей [Чугаев, 1989]:

> Увеличивается угроза и будущему поколению. Количество детей с умственной недостаточностью возросло с 900 тысяч в 1984 году до 1,1 миллиона в 1988-м. Сегодня только в специальных школах РСФСР обучаются 260 тысяч детей-олигофренов.

Похожие данные о наследственных заболеваниях в целом опубликованы для УССР [Цикора, 1988]:

> Только на Украине в специнтернатах на полном государственном довольствии находятся почти сто тысяч практически неизлечимых людей. Ежегодный прирост больных, страдающих наследственными недугами, составляет в УССР 10–12 тысяч.
>
> ...Хронические больные наследственными болезнями занимают 20 процентов коек в детских стационарах и третью часть мест в больницах для взрослых.

Вот одна из последних публикаций по общему состоянию здоровья у детей [Туровская, 1992а]:

> Сейчас в Российской Федерации 13 зон с опасной экологической ситуацией. К ним относятся такие районы, как зона аварии Чернобыльской АЭС, Южный Урал – окрестности Челябинска, где появилось новое для врачей понятие «хроническая лучевая болезнь», и другие.
>
> ...Во многих регионах Федерации больше стало мертворожденных младенцев и детей, погибающих в первые дни после рождения. И неудивительно: у 75 процентов беременных женщин серьезные проблемы со здоровьем. Кривая заболеваемости тех, кто уцелел, немного успокаивается после года, а потом опять идет вверх.
>
> ...Следующий этап большого пути – школа. Значительно чаще и тяжелее болеют дети, начавшие учиться с шести лет. К концу обучения доля совершенно здоровых учащихся составляет не более 20–25 процентов от общего количества. По региону Санкт-Петербурга и того меньше – 3–4 процента. Авторы доклада заключают, что эта тревожная тенденция уже в близком будущем негативно скажется на качестве трудовых ресурсов и здоровье будущих поколений.

Отметим здесь и еще одно печальное обстоятельство [Охрименко, 1991]:

СССР занимает позорное первое место в мире по абортам. У нас самый высокий уровень распространенности абортов примерно в 10 раз выше, чем в цивилизованных странах. Каждый четвертый аборт в мире - советский, хотя доля населения СССР составляет пять процентов мировой.

В последней публикации приводятся следующие данные [Туровская, 1992б]:

В США ежегодно производится 1,6 миллиона абортов. В нашей стране, по официальным данным, - от 4 до 5 миллионов.

На фоне трагического обнаруживается подчас и то, что кажется прямо-таки забавным [Зверев, 1990]:

В прошлом году Институт Гэллапа провел сравнительное обследование уровня знаний выпускников школ СССР и США в области географии. Открылся факт поистине сенсационный: 14 процентов американцев и 13 процентов наших соотечественников не нашли на карте территорию родной (!) страны.

А еще раньше в этой же статье читаем:

...11 процентов выпускников средней школы США не могут разобраться в расписании автобуса, надписать конверт, понять содержание страхового полиса. Всего же официальная статистика насчитывает около 23 миллионов функционально неграмотных среди американцев, около шести миллионов - в Великобритании, трех - в Канаде, в ФРГ, во Франции.

И неудивительно, что в передовой газеты «Известия» [«Известия», 1988, 15/VIII] мы читаем, что

...две трети детей уже в пятом классе испытывают отвращение к учению.

И еще одно грустное замечание, относящееся к будущему нашей страны [Попова, 1991]:

Мнение учащихся 8–9-х классов единодушно: большинство учителей, с которыми им приходилось сталкиваться, авторитарны. Но интересен другой факт: 73 процента подростков не испытывают особых неудобств от этой авторитарности. Она им не враждебна, наоборот, вполне приемлема. А вот неавторитарных педагогов подростки оценивают, как правило, отрицательно.

...Опрос школьников, которым сейчас 15, наводит на мысль: авторитарный стиль воспитания ведет к усредненности, формализации мышления, сглаживает «непохожесть», «ершистость», своеобразие личности. Этих пятнадцатилетних мы уже проморгали! Школа, которую мы считаем чутким инструментом общественной жизни, продолжает тянуть старые модели. Наше посттоталитарное общество, как и прежде, печатает «тоталитарят».

Эти высказывания основаны на результатах социального и психологического исследования, проведенного в школах Москвы.

И последнее – влияние разводов на детскую психику. Вот что сообщает американский источник [Cherlin, 1991]:

> В настоящее время 40 процентов американских детей увидят своих родителей разведенными, прежде чем достигнут совершеннолетия. Сколько травм будет порождено этой волной разводов? Современные исследования показывают, что это может быть во многих случаях последним актом деструктивной драмы (с. 1).

В нашей стране беда усугубляется еще низкой рождаемостью [Кожемяко, 1992]:

> Уровень рождаемости за пять лет снизился на 30 процентов.
>
> ...И еще серьезная беда: болезнь семьи. Вследствие разводов ежегодно около полумиллиона детей остаются с одним родителем. Каждый третий подросток, совершающий правонарушения, живет в семье, где родители пьянствуют и абсолютно не занимаются воспитанием детей. Обострена проблема так называемого социального сиротства. Более 160 тысяч детей воспитываются в государственных учреждениях, хотя 90 процентов из них имеют родителей.

3. Угроза от нарастающей перенаселенности Планеты

> Популяция нашей планеты растет, как раковая опухоль, растет бесконтрольно.
>
> *А. Минделл* [Mindell, 1989, p. 16]

Планета Земля – это космическая гостиница с ограниченным числом мест для проживания людей. Никто не может точно оценить число этих мест. Но грубо приближенные оценки возможны, и они выглядят устрашающе. Два года тому назад А. Минделл [Mindell, 1989] писал:

> Человечеству потребовалось более миллиона лет, чтобы достигнуть в 1800 г. популяции в один миллиард. Теперь, 189 лет спустя, насчитывается 5 миллиардов. Десять миллиардов – это «максимум того, что может выдержать мир, интенсивно хозяйствующий с некоторой степенью комфорта». При современной скорости роста эта граница будет достигнута в 2030 году. Более 90 процентов популяционного роста приходится на малоразвитые страны. В 2000 году 80% мировой популяции будет находиться в этих странах (с. 14).

Из этих кратких слов с очевидностью следует, что уже к концу текущего века мир, идущий к катастрофе, будет находиться к тому же и в удивительно неравномерном демографическом состоянии, из чего в свою очередь будет следовать и экономическая неравновесность.

С биологической точки зрения не вызывает удивления возможность такого доминирующего расселения популяции одного вида. Подобное в биосфере происходит всегда, когда развивающийся вид не встречает какого-либо противостояния (вспомним о расселении кроликов в Австралии). Человек теперь настолько технически вооружился, что ему уже, кажется, ничто не может противостоять извне. Человека может погубить только само человечество.

Контроль за рождаемостью – это трудно решаемая задача. Некоторый опыт имеется в Китае, где проблема перенаселенности стоит особенно остро (вспомним, что каждый пятый житель на Земле – китаец).

Вот как оценивается ситуация в самом Китае [Савенкова, 1991]:

> Как считает Пэн Пэйюнь, председатель Государственного комитета по делам планового деторождения, за последние двадцать лет благодаря политике регулирования рождаемости в Китае появилось на свет на 200 (!) миллионов младенцев меньше В то же время перепись населения показала: «вне плана» родились двадцать миллионов детей. На взгляд Пэн Пэйюнь, прирост населения в 90-е годы все еще останется на критической отметке. Ведь вступило и вступает в детородный возраст многолюдное поколение, рожденное в годы «культурной революции», когда никаких ограничений не было. Уже очевидно, что стратегической цели (не более 1,2 миллиарда жителей в 2000 году) достичь не удастся. Более вероятная цифра – 1,3 миллиарда. А между тем группа авторитетных китайских ученых сделала вывод: природные ресурсы и экономические возможности страны способны «выдержать» лишь полтора миллиарда.
>
> ... Наказание и поощрение – вот, пожалуй, главные методы регулирования рождаемости в Китае, хотя огромное значение уделяют воспитанию и убеждению. Стратегия едина, но на местах есть свои нюансы.

Выявились и первые негативные последствия регулирования рождаемости [«Известия», 1991, 4/IV]:

> В начале третьего тысячелетия нашей эры Китай может оказаться страной с наибольшим количеством стариков в мире. Уже сейчас в КНР насчитывается сто миллионов человек старше шестидесяти лет, что составляет 8,8 процента всего населения

республики. Как предполагает официальная китайская статистика, это число может увеличиться в 2025 году до 19,3%.

Можно обратить внимание на трудности, которые проявляются уже сейчас в некоторых высокоразвитых странах с ограниченной рождаемостью.

(1) В природе женщины, видимо, заложен некоторый потенциал ласки и нежности, который теперь часто выплескивается на одного ребенка; эта ноша для ребенка оказывается тяжелой, ведущей к вызреванию пассивности, ватности в характере; запоздалая попытка преодоления этого тяжелого бремени ведет к росту агрессии. Такое, во всяком случае, наблюдается в нашей стране.

(2) Число разводов в развитых странах (в том числе и в нашей стране) катастрофически растет, и это опять-таки легко объяснимо: женщине естественно стремиться к тому, чтобы иметь нескольких детей, и если это каким-то способом пресекается, то подсознательное (стимулируемое телом) начинает протестовать: вспыхивает восстание против того, кого женщина любила и, может, продолжает любить.

Из кратко сказанного здесь следует одно очень важное заключение: борьба с многодетностью – это не просто изменение нашей веками сложившейся культуры, но еще и борьба с самой природой человека. Оказалось, что техника, создающая комфорт жизни, потребовала и здесь серьезной расплаты. Этой проблемы нет в нашей стране, где отсутствие какого-либо комфорта может поставить страну на грань вымирания. Во всяком случае, национальный баланс в мире сейчас нарушается, и это также серьезная проблема.

4. Угроза биосфере

Здесь мы прежде всего приведем данные, касающиеся нашей страны. Автор примечательной публикации [Жбанов, 1990] сначала говорит от своего имени:

> ...загрязнение природной среды достигло глобальной фазы. Это уже 290 ареалов, покрывающих территорию семи (!) Франций, и уже 60 миллионов человек под губительным воздействием химической атаки. И все это помимо Чернобыля

Далее в публикации приводятся высказывания В. И. Андреева, заместителя Генерального прокурора СССР:

> Осознание кризиса, увы, идет медленнее, чем его приближение... Случайно ли, что именно в те годы, когда общественность стала бить в набат о спасении матушки-Волги, неочищенные стоки в нее возросли в четыре (!) раза. В Азовское море – в три и даже в священный Байкал – в полтора раза! Суммарный сброс достиг в прошлом году небывалых объемов – 34 миллиарда кубометров! Выбросы вредных веществ в атмосферу просто чудовищные – 60 миллионов тонн! Сейчас уже 68 городов, по сути, в зоне экологического бедствия. А добавить ко всему этому еще и недоброкачественную пищу... На какое рассчитывать оздоровление, если применение пестицидов увеличилось в четыре раза, а содержание свинца, ртути, меди в почве сейчас по отдельным регионам уже превышает в десятки и даже сотни раз ПДК (предельно допустимые концентрации).

Вот некоторые данные из Государственного доклада о состоянии природы России [Смирнов, 1992]:

> Загрязнением атмосферы обусловлено до 30 процентов общих заболеваний населения промышленных центров. Только 15 процентов горожан России проживает на территории с допустимым уровнем загрязнения воздуха.

Да, это результат необузданной индустриализации, направленной, как уверяли нас, на благо человека. И нам, наверное, надо было бы давно понять, что состояние биосферы в той или иной стране – первый, и весьма чувствительный, показатель ее социального здоровья или нездоровья.

Если мы теперь перейдем к рассмотрению состояния нашей планеты в целом, то перед нами откроется еще более мрачная картина [Васильев, 1990]:

> Редко когда в истории на нашей планете было столько голодных (порядка 150 миллионов человек), никогда не было столько неграмотных (примерно 1 миллиард), столько лишенных доступа к чистой питьевой воде (около 1 миллиарда) и, значит, столько больных.
>
> ...Площадь пустынь увеличивается на 6 миллионов гектаров в год.
>
> ...На каждые 11 вырубленных деревьев в мире сажают только одно. Ежегодно площадь лесов на планете уменьшается на 11 миллионов гектаров.

И еще одна проблема – кислотные, порождаемые промышленными и транспортными выбросами, дожди [«Известия», 20/V, 1992]:

Из-за загрязнения атмосферы, согласно докладу ООН, на всей планете поражено около 35 процентов лесов – на 50 миллионов гектаров. Только в Польше, где в атмосферу ежегодно выбрасывается 3,9 миллиона тонн двуокиси серы, ею изуродовано больше 75 процентов всех деревьев.

И все же это еще не катастрофа, а только преддверие к ней. Преддверие – потому что только одна пятая населения планеты живет в индустриальном мире [Васильев, 1990]. Катастрофа наступит тогда, когда остальные четыре пятых населения окажутся также живущими в индустриальном мире. В мировом сообществе наша страна занимает особое и достаточно странное положение – являясь индустриальной державой, она ведет себя агрессивно, и, может быть, даже особенно агрессивно по отношению к природе, и в то же время остается нищей страной. Сейчас идет ожесточенная борьба, направленная на то, чтобы радикально изменить ситуацию. Это значит, что мы хотим подойти к катастрофе на равных правах – получив за участие в индустриализации Мира такие же дивиденды, как и другие участники этого пула. Ведь не зря же старались, отрабатывая с кровью пятилетку за пятилеткой.

5. Угроза обществу от бюрократизации

Сейчас мы хорошо понимаем, что высокотехнизированное и достаточно интеллектуализированное общество может продолжать развиваться только в том случае, если будет сохраняться некий, необходимый для развития уровень свободы. Правда, мы не знаем, как оценить этот уровень. Но зато мы легко ощущаем не только интеллектом, но и всем своим организмом недостаточность свободы. Одни из нас начинают это ощущать раньше и острее других и тогда становятся диссидентами и изгоями, другие – несколько позднее просто теряют интерес к активной жизни.

Степень свободы, конечно, должна увеличиваться с развитием общества. Она, наверное, даже должна опережать его развитие. Но всегда ли это возможно? Ведь жизнь по самой своей природе алогична, парадоксальна, или – иными словами – диалектична. Если для развития технизированного и высокоинтеллектуализированного общества нужна свобода, то само развитие такого невиданно усложненного общества неизбежно ведет к его нарастающему огосударствлению

и бюрократизации. И именно это диалектическое противостояние делает жизнь напряженной, динамичной и готовой к новым революциям.

Поучительной является трагедия нашей страны. Революция была вызовом – страна, готовая вступить на путь интенсивного развития, жаждала свободы. Свободы ждала душа народа, а сам народ в своей массе еще не сумел оценить обретенную свободу – над ним тяготело обветшалое прошлое, и новая квазинаучная идеология легко взнуздала свободу, желая форсировать процесс развития общества. После смерти Отца народов – опять проблеск свободы, и казалось, что во второй половине 50-х и в начале 60-х годов страна начала оживать, это коснулось даже науки. Новый окрик все остановил. И страна быстро подошла к национальной катастрофе. Несвобода, заданная идеологией, обернулась невиданной тиранией, и семидесяти лет оказалось достаточно, чтобы сломить народ и разорить самую богатую страну Мира. Здесь надо подчеркнуть, что упадок стал особенно интенсивно нарастать за последние два десятилетия, когда обществу надо было перейти в ту новую, глубоко технизированную и интеллектуализированную фазу жизни, которая оказалась совершенно несовместимой с несвободой. Действовал особый и еще не изученный механизм двойной тяги: несвобода вела к нелепым формам развития технизации, а технизация в свою очередь усиливала развитие несвободы – росло количество министерств, комитетов и соответственно директив, планов, инструкций и указаний.

Теперь мы начинаем понимать, что несвободу может порождать не только государство – как раньше полагали теоретики анархизма, – но и само общество в таких его проявлениях, как коммерческие монополии, рынок, могущий отторгать новаторскую деятельность, или групповая агрессивность, особенно организованная и технически хорошо вооруженная. Сознание человека, по Мерло-Понти[6], – это открытость Миру. Добавим от себя, что открытость Миру – это проявление свободы человека. Но человек может быть открытым обществу только тогда, когда его

---

[6] См. подробнее нашу книгу [Налимов, 1989].

могут услышать. Иначе – отчуждение. Иногда – добровольное изгнание в самого себя. Так мы жили десятилетиями в нашей стране.

А что же Там?

За последние три года мне многократно приходилось бывать на Западе – в Европе и США, – участвовать во многих конференциях гуманистической направленности, беседовать с серьезными, думающими людьми. Я почувствовал их озабоченность.

Озабоченность будущим культуры, нарастающей потерей свободы, бюрократизацией общества.

Бюрократизация общества – это естественный процесс для культуры наших дней. Усложнение техники с необходимостью ведет к созданию крупных фирм, похожих на наши министерства прошлых лет. А свободный рынок на самом деле не свободен: он подчинен определенной настроенности общества – моде, всегда негибкой, часто крайне консервативной. Это я мог наблюдать в США, вглядываясь в книжный рынок. Там есть как очень крупные, так и совсем мелкие издательства. Деятельность издательств протекает, как правило, в строго заданных рамках, ориентированных на определенные группы покупателей. Они боятся быть скомпрометированными перед лицом этих покупателей и не хотят рисковать прокладыванием новых путей. И вот на моих глазах крупному предпринимателю было продано одно малое книгоиздательство, созданное энтузиастом, действующим во имя своих идей. Так оказался перекрытым один из фарватеров, свободных от требований рынка. Недавно в письме одного свободно мыслящего американского профессора я прочитал такие слова:

> Рыночная экономика, как увидят русские, оставляет мало места для ценностей и культуры!

Недавно я получил от одного крупного книгоиздательства международного масштаба сообщение о том, что оно не может переиздать на английском языке мою книгу [Налимов, 1989], недавно опубликованную у нас, так как она выходит за границы дозволенного. В качестве образца дозволенного была приложена изданная у них книга, близкая по своей теме к моей. И это в стране, где нет официально признанной идеологии!

Надо отдавать себе отчет в том, что приватизация, на путь которой сейчас становится наша страна, еще не обеспечивает автоматически освобождения от бюрократизации. И в приватизированном обществе большие преимущества сохраняются за крупными – гигантскими – фирмами. Они всегда имеют нужные финансы, всегда способны идти на риск, могущий обернуться разорением для малой фирмы, легко расходуют деньги на навязчивую рекламу, и рынок легко привыкает к ним. Но в таких фирмах-гигантах утрачивается личностное начало. Не находит отклика индивидуальная инициатива. Творческое начало замирает – все как в наших министерствах и ведомствах.

Но вот что существенно: в приватизированной структуре малые фирмы могут все же как-то бороться за свое выживание. И в США эта борьба явно ощущается. Если говорить о книжных издательствах, то они существуют подчас не ради наживы, а ради своего вклада в развитие новых идей в культуре. И здесь, видимо, поддержка нередко приходит со стороны спонсоров.

На международном конгрессе «Сознание и Природа» (Ганновер, ФРГ, 1988 г.)[7] я обратил внимание на доклад американского социолога, посвященный демонополизации экономики. Мне вспомнились забытые у нас теперь высказывания П. Кропоткина. На заданный в связи с этим вопрос я получил примерно такой ответ: «Мы знаем и ценим этого мыслителя».

Технизация общества неотвратимо ведет к бюрократизации науки. Обретя общегосударственное значение, наука теряет былую свободу. Естественно, что особенно сурово это проявилось в нашей стране.

У нас интеллектуальную жизнь возглавляют около пятисот академиков – кардиналов от науки. Они пользуются особыми привилегиями и особым доверием. Они вхожи в верхние слои власти и в верхние идеологические сферы. Они не несут непосредственной ответственности ни перед научной общественностью, ни тем более перед обществом в целом. Они сами выбирают свое пополнение. Только из их среды может выдвигаться Президиум Академии. Система полностью замкнута сама на себя. По своей замкнутости и

---

[7] На этом конгрессе присутствовало около 2 тыс. чел.

обособленности Академия напоминает средневековые корпорации Западной Европы. Но корпорации имели на это моральное право – они решали только свои внутренние проблемы, лишь немногие из них вмешивались в жизнь в более широком плане. Академия же управляет всем развитием науки, а в значительной степени даже и техники в нашей стране, не неся ни за что ответственности (вспомним, как это было в трагическом случае с Чернобылем).

Посмертно академики (или часть из них) запечатлевались некрологами, подписанными высшими лицами страны. Наукометрия (количественная оценка развития науки и вклада в нее отдельных ученых или научных коллективов) оказалась невозможной в нашей стране, и тем более в Академии, как, скажем, невозможна богометрия (количественная оценка благочестивости) в Церкви.

Второй академический эшелон – это члены-корреспонденты, епископы от науки. Третий эшелон – это иерархически упорядоченные научные сотрудники, их около 60 тысяч. Но не только ими управляет Академия. Так, например, ректором МГУ ранее мог быть только академик. А дальше к академикам ведут и какие-то иные, невидимые нити.

Такой суровый, орденский облик Академия обрела после войны. Сначала централизация давала положительные результаты – в Академию влились те, кто вырос в иных условиях. И не мне бы сетовать на Академию: моя научная карьера (после возвращения из ссылки) была поддержана многими академиками. Но потом все стало затягиваться паутиной бюрократизма и безразличия.

Но не только в нашей стране, но и там, на Западе, наука утратила облик вольной общины интеллектуалов. И кажется, никем не был услышан призыв анархиствующего американского философа П. Фейерабенда [Фейерабенд, 1986]:

> Наука есть одна из форм идеологии, и она должна быть отделена от государства, как это уже сделано в отношении религии (с. 517).

Как это может быть сделано в системе тех социальных структур, которыми зажата сейчас наша культура?

Одновременно с бюрократизацией экономической

и связанной с ней научной жизни идет и усиление традиционных проявлений государственности. И это опять-таки естественно: нужно обороняться от хорошо вооруженных бандитов и террористов. Терроризм теперь начинает приобретать национально-государственный характер. А тут еще и угроза распространения по всему Миру атомного, лазерного, химического и биологического оружия. Как же тут не приветствовать ощетинившееся государство? Кажется (особенно после кризиса в Персидском заливе), что для сохранения спокойствия в Мире необходимо единое, всемирное правительство с единой могущественной полицией. Но кто может оценить возникающий здесь риск? Не будет ли он больше риска существования полигосударственного многообразия?

Но и это еще не все. Богатый Запад боится не только террористов, но и просто голодных людей из других стран. Они, как саранча, могут истребить все его благополучие.

Посмотрите на посольства многих стран в Москве. Люди долгими часами, а иногда и ночами стоят в очереди на улице, невзирая на погоду. А когда подходят к желанному окошечку, их нередко встречают отнюдь не приветливо. А предъявляемые требования: количество справок и печатей к ним, анкетных вопросов, фотографий – и часто недели ожидания ответа – разве это не свидетельствует о бездушном и бездумном бюрократизме? Да все это напоминает островки ГУЛАГа, но теперь уже с другой стороны. А если кто-то оказался там и по каким-то соображениям, пусть даже нелепым, хочет остаться, разве он не имеет на это права? Разве человек не имеет права жить там, где у него больше надежд на удачу?

Да, мы теперь не за железным занавесом, но свободный и богатый мир по-прежнему отгорожен от нас многими барьерами. Ситуация тем не менее, конечно, существенно улучшилась.

Но если у них человек имеет право проживать только в той стране, где он родился (что, правда, кое-где смягчается квотами на иммиграцию), то у нас он, как правило, имел возможность жить только там, где он появился на свет[8] или где очень уж нужен. Так

---

[8] Сейчас обстановка несколько смягчилась – прописка из «раз-

в современном государстве, будь то буржуазное или социалистическое, реализуется все то же феодальное право. Где же социально-политический прогресс?

Говорят, что все это нужно. И если уж очень нужно – так нужно. Но зачем тогда говорить о правовом государстве, о гуманности, о демократии, о едином Мире, о единой Европе? Давайте признаем, что в современном цивилизованном Мире от феодализма никак не уйти, хотя бы и из лучших побуждений.

Здесь хочется обратить внимание на анархически звучащие слова великого гуманиста нашей эпохи А. Швейцера об опасности огосударствления жизни, сказанные еще в первой четверти нашего века [Швейцер, 1992]:

> Какие еще кризисы и катастрофы предстоит пережить современному государству, трудно сказать. Его положение особенно опасно еще и потому, что оно далеко перешагнуло границы своей естественной власти. Оно стало чрезвычайно сложным организмом, вмешивающимся во все дела, стремящимся все регулировать и ставшим вследствие этого уже нецелесообразно функционирующим учреждением. Оно стремится подчинить себе как экономическую, так и духовную жизнь. Для деятельности в таких широких масштабах оно содержит аппарат, который сам по себе уже представляет опасность.
>
> ... Трагичным является, следовательно, то, что мы должны жить в этом несимпатичном и нездоровом современном государстве и надеяться преобразовать его в культурное государство. От нас требуется почти невозможная способность к вере в силу духа. Но миро- и жизнеутверждение дает нам эту силу (с. 236).

Заканчивая этот раздел, хочется сказать, что более чем семидесятилетний путь нашей страны в конечном счете оказался не очень оригинальным. Она просто обогнала процесс огосударствления, идущий и на Западе. Обогнала и споткнулась. Теперь делается попытка сравняться с ним.

В нашей стране идут острые дискуссии, формулируемые чаще всего в дихотомическом противостоянии: капитализм против коммунизма, или иначе: *частная собственность* на средства производства против ничейной, т. е. практически *государственной*, собственности, или еще так: *самоорганизация*, присущая част-

---

решительной» стала «регистрационной», но кто может воспользоваться этим послаблением при безумных ценах на квартиры?

ной собственности, против абсолютного и к тому же идеологизированного *бюрократизма*. Но переход к частной собственности – это только выход на большую дорогу, на путь борьбы с гнетущей сложностью жизни, тяготеющей к несвободе. Свобода никогда не может быть абсолютной[9]. Жизнь – всегда компромисс, и часто очень хрупкий. Но впереди всегда должна быть манящая звезда.

У слова *Свобода* много синонимов:

Спонтанность – непредрешенность действия, творчество, порыв души.

Достоинство – органическое неприятие рабства, насилия, обмана, идеологии, какой бы она ни была.

Терпимость – многомерность личности, способность увидеть себя в другом.

Отзывчивость – открытость смыслам, любовь к природе, любовь к друзьям и даже врагам своим – основная заповедь христианства (правда, не ясно, не выходит ли столь высокий уровень внутренней свободы за границы природы современного человека, ведь в широком, историческом плане этот уровень ни разу не был реализован за две тысячи лет христианской культуры).

Трансличностность – несвязанность с самим собой, своим Эго, выход за его границы.

Космичность – сопричастность вселенскому началу жизни.

Радость – полет фантазии и беспредельность бытия в измененных состояниях сознания.

Свобода обретается не только и не столько внешней (политической) борьбой, сколько состоянием духа, многогранностью культуры, но обретается, конечно, там, где жизнь не ломает человека вконец.

Демонологический лозунг *свобода есть познанная необходимость* за 70 лет своего звучания не мог истребить в нас осознания свободы как величайшей радости. Это показали наши эксперименты по медитации на три ключевых слова: «Свобода», «Рабство», «Достоинство»[10].

---

[9] Эту тему мы уже освещали в нашей книге [Налимов, 1989].

[10] Коротко эти эксперименты описаны в статьях [Налимов, Кузнецов, Дрогалина, 1978], [Дрогалина, 1987]. Подробное изложение всего относящегося сюда материала оказалось возможным только в США [Nalimov, 1982].

6. Как было встарь

Заканчивая первую, критическую часть этой работы, мне хочется обратить внимание на то, что было встарь, когда вольно существовали еще малые народности, непричастные или почти непричастные к серьезной технике. Я хочу напомнить об этом отнюдь не для того, чтобы призвать современное общество идти вспять. Дорога вспять нам всегда закрыта. Накопленный опыт, пусть даже тяжелый, никогда не перечеркнуть. Он – в нас, мы стали им. Идти всегда приходится в новое, неведомое. Но идти в новое легче, зная прошлое, оценивая его и пройденный от него путь.

Мне хочется прежде всего обратить внимание на то, какой малый отрезок времени отделяет нас от совсем иного бытия.

Приведу отрывок из работы моего отца – этнографа, профессора, вышедшего в буквальном смысле слова из глубин северных лесов. В этом отрывке он описывает близость к природе одной родственной ему малой угро-финской народности, жившей еще в политеистическом миропонимании, несмотря на формальное признание христианства [Налимов, 1912]:

> Ссоры, дрязги влияют, по мнению пермяков, на вырождение всей природы, и в частности человека. Распри из-за земельных наделов влияют на качество урожая, хлебные злаки чахнут. Сильные же распри, сопровождающиеся неоднократным проклятием и иного рода руганью, влияют и на саму природу: красота ее меркнет. Нарушение прав живого существа не проходит безнаказанно. Виновник так или иначе должен пострадать. Собака, обиженная своим хозяином, может вызвать на него своим воем ряд бедствий. Лошадь, у которой после смерти сняли шкуру, преследует хозяина на том свете, требуя одеть себя. Вор, нарушитель прав других, делается более восприимчивым к заболеваниям. Зараза вырабатывается при совершении преступления и затем усиливается воплями и жалобами обиженного. Вор, преступник, иногда долгое время может оставаться ненаказанным, особенно когда потерпевшим является человек, не желающий преследовать своего обидчика. Пермяк же часто отказывается от преследований. Хлебные злаки, пушной зверь, дичь, рыба не могут, по его воззрению, быть предметами спора и раздора, от этого они чахнут, вырождаются. Затем пермяк, терпеливо переносящий обиды, приобретает лучшие способности, счастье, здоровье, делается менее восприимчивым к заразе, заболеваниям (с. 180).

Второй, может быть, даже более выразительный текст мы получили из США. Это письмо вождя Сиэтла

из племени дуанов на территории штата Вашингтон президенту США Франклину Пирсу в 1854 г. по поводу передачи земли предков правительству США [Where is the Eagle? 1990].

Где орел?

Президент в Вашингтоне посылает нам весть, что он хочет купить нашу землю. Но разве можно купить или продать небо? Тепло земли? Эта мысль нам чужда. Если мы не владеем свежим воздухом и искрящейся водой, как же можно их купить?

Каждая частица Земли священна для моего народа Каждая блестящая сосновая иголка, каждый песчаный берег, каждый туман в темном лесу, каждая лужайка, каждое жужжащее насекомое. Все они святы в памяти и опыте моего народа Мы знаем сок деревьев как кровь, текущую в наших жилах. Мы – часть Земли, а она – часть нас. Пахучие цветы - наши сестры. Медведь, олень, великий орел – все они наши братья. Каменистые перевалы, нектар лужаек, тепло тела пони и человек – все принадлежат к одной семье.

Искрящаяся вода, текущая в ручьях и реках, не просто вода, но кровь наших предков. Если мы продадим вам землю, помните, что она священна. Каждое призрачное отражение в чистых водах озер рассказывает о событиях и воспоминаниях в жизни моего народа. Журчание воды это голос отца моего отца.

Реки – наши братья. Они утоляют нашу жажду. Они несут наши каноэ и кормят наших детей. Поэтому вы должны относиться к рекам с такой же добротой, как к брату.

Мы знаем, что белый человек не понимает наших обычаев. Один участок земли похож для него на другой. ибо он чужак, приходящий ночью и забирающий у земли, что ему надо. Земля не брат ему, а враг, и, покорив ее, он идет дальше. Он оставляет могилы своих отцов и забывает место, где родились его дети.

В городах белого человека нет тихих уголков. Нет места, где можно услышать весенние листья или шуршание крыльев насекомых. Может быть, я не понимаю, потому что дикарь, но грохот лишь оскорбляет слух. И что остается в жизни, если человек не может слышать восхитительный вскрик водоворота или рассуждения лягушки ночью около пруда?

Если мы продадим вам землю, помните, что воздух для нас драгоценен, что воздух дает свой дух всей жизни, держащейся на нем. Ветер, давший нашему деду первое дыхание, принимает и его последний вздох. Ветер также дает нашим детям дух жизни. Поэтому, если мы продадим вам нашу землю, держите ее отдельно и неприкосновенно, и пусть она остается священной, как место, где человек может попробовать вкус ветра, напоенного луговыми цветами.

Вот что мы знаем: Земля не принадлежит человеку; это человек принадлежит Земле. Вот что мы знаем: все вещи взаимосвязаны, как кровь, объединяющая нас всех в одну семью. Будете ли вы учить ваших детей тому, чему мы учим своих? Что Земля – наша мать. Что ни выпадает на долю Земли, то выпадет и на долю человека. Не человек плетет паутину

жизни, он лишь ниточка в ней. Что он сделает паутине, то сделает и себе.

Когда последний краснокожий исчезнет вместе со своей дикой природной жизнью и его память будет лишь тенью облака, несущейся над прерией, будут ли еще существовать прибрежья и леса? Останется ли хоть что-нибудь от духа моего народа?

Даже белого человека не минует общая судьба. Мы знаем одно, и белый человек тоже поймет это однажды: наш Бог – один и тот же. Вы можете думать, что владеете им, как владеете этой землей; но это не в ваших силах. Это Бог людей, и его сострадание одинаково и для белых, и для краснокожих. Эта Земля дорога ему, и приносить ей вред – значит громоздить презрение к ее Создателю.

Исчезнут и белые люди, может быть раньше, чем наши племена. Если будете и дальше гадить в свою постель, то захлебнетесь в собственных нечистотах. Ваша судьба для нас тайна. Что будет, когда перебьют всех бизонов? Приручат всех диких лошадей? Что будет, когда все тайные уголки леса пропитаются запахом многих людей, а вид на округлые холмы испортят говорящие провода? Куда уйдет чаща? Она исчезнет! Где будет орел? Исчезнет! А каково распрощаться с быстрыми пони и с охотой? Это будет конец жизни и начало выживания.

Мы любим эту Землю, как новорожденный любит биение сердца матери. Поэтому, если мы продадим вам нашу землю, любите ее, как мы ее любили. Заботьтесь о ней, как мы заботились. Сохраните память о том, какая она была, когда вы ее получили. И изо всех сил, со всем разумом и сердцем сохраните ее для своих детей и любите ее, как Бог любит всех нас.

Мы – часть земли, и вы тоже – часть земли. Эта Земля дорога нам. Но она дорога и вам. Мы знаем одно: есть только один Бог. Ни один человек, ни краснокожий, ни белый, не может существовать сам по себе. В конце концов, все мы братья.

Два приведенных выше текста свидетельствуют о существовании в прошлом представлений о трансличностном сознании, связывающем духовно человека с Землей и всем обитающим на ней. Множество относящихся сюда мифов приведено в примечательной книге Минделла [Mindell, 1989]. Об этом мы уже говорили в гл. VI, § 5.

Да, можно думать, что именно так человек прошлого видел окружающий его мир. И этим определялось его поведение, благосклонное по отношению к Земле и всему обитающему на ней. Это то, что мы утратили в результате научно-технического прогресса. Теперь мы вдруг почувствовали, что отчуждение от Земли привело человека и к отчуждению от самого себя.

Глава X

КРИТИКА ОСНОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ [1]

> Таким образом, социальный оптимизм опирается на *механико-рационалистическую теорию счастья.* Проблема человеческого счастья есть с этой точки зрения проблема внешнего устроения общества; а так так счастье обеспечивается материальными благами, то это есть проблема *распределения*...
>
> В основе революционизма лежит тот же мотив, который образует и движущую силу социалистической веры: социальный *оптимизм* и опирающаяся на него *механико-рационалистическая теория счастья.* Согласно этой теории, как мы только что заметили, внутренние условия для человеческого счастья всегда налицо, а причины, препятствующие устроению земного рая, лежат не внутри, а вне человека – в его социальной обстановке, в несовершенствах общественного механизма. И так как причины эти внешние, то они и могут быть устранены внешним, механическим приемом. Таким образом, работа над устроением человеческого счастья с этой точки зрения есть по самому своему существу не творческое или созидательное, в собственном смысле, дело, а сводится к расчистке, устранению помех, т. е. к разрушению.
>
> *С. Франк* [1909/1967, с. 191–192, 194]

Предисловие

Приведенные выше слова С. Франка оказались пророческими. Еще в начале нашего века он очертил доминирующую мысль русской революции. Эту мысль активно поддержали и многие выдающиеся деятели Запада. Ныне мы попытаемся показать те причины, в силу которых наша культура, казалось бы достаточно богатая и многогранная, оказалась беспомощной в борьбе с безумной идеей радикального насильственного переустройства общества.

---

[1] Ранее опубликовано в журнале Полис, 1992, № 1/2, с. 150–166.

1. Восхождение мировоззренческого примитивизма

Просматривая литературные источники конца XIX и начала XX века, мы отчетливо видим, как у образованной части общества назревало ощущение духовной скудости, унылости и одновременно ответственности за социальную несправедливость жизни. Сейчас – в ретроспективе – кажется, что уже тогда предчувствовалась возможность всеохватывающего конфликта: социального, мировоззренческого, религиозного или даже военного.

Ницше в своей посмертно опубликованной книге [Ницше, 1910] объявил о «переоценке всех ценностей»[2]. Несколько позднее возникает существенно новое для западной культуры философское движение – экзистенциализм, – противостоящее господствовавшей тогда вере в миф научно-технического прогресса. Позднее близкими к экзистенциализму оказались и такие свежие направления мысли, как диалектическая теология протестантизма, французский персонализм, философская герменевтика. В западную культуру широким потоком вливаются духовные учения Востока. На их почве возникает теософия Е. Блаватской. Из недр теософии выделяется антропософия Р. Штейнера, ориентированная уже на неортодоксальную христианскую мистику. Приоткрывается немного и эзотеризм[3]. Возникли и новые философски окрашенные направления в психологии: фрейдизм со множеством его ответвлений, юнгианство, а значительно позднее – во второй половине XX века – в США, стране, прагматически ориентированной, появилась гуманистическая, а затем и трансперсональная психология, исследующая

---

[2] Многие относящиеся сюда высказывания Ницше можно найти в моей книге [Налимов, 1989]. Отметим здесь только, что уже тогда – в конце прошлого века – он понимал, чем обернется власть, направленная на насильственное внедрение добродетели [Ницше, 1910]:

> 3.11. *Какими средствами добродетель достигает власти?* Точь-в-точь такими же средствами, что и политическая партия: клеветой, заподозреванием, подкапыванием под противоборствующие добродетели, уже добившиеся власти, окрещиванием их новыми именами, систематическим преследованием и насмешкой. Следовательно: *исключительно при помощи «безнравственностей»*.

[3] Упомянем здесь хотя бы только прекрасную книгу [Шюре, 1914/1990].

нетрадиционные методы поддержания психики человека.

В нашей стране в начале века напряженность проявлялась особенно остро. Ощущение тоски и подавленности мы находим у А. Чехова, А. Куприна, Л. Андреева, А. Блока. У философа Л. Шестова – высказывания о трагической обреченности человеческого существования, которым противостоит романтический бунт М. Горького. В стране было множество легальных, полулегальных и нелегальных партий, союзов и федераций (у анархистов), политический террор и тюремно-каторжное противостояние поискам свободы. Среди страждущей интеллигенции – обращение к оккультизму и мистике, к утонченному символизму, акмеизму, абстракционизму. В философии – богоискательство, частично расширяющее Православный догматизм (имяславство, создание образа софийности, признание права на противоречие в богословии), где-то слегка бунтующее (В. Розанов, В. Соловьев, С. Булгаков), а в лице Л. Толстого – бросающее вызов Православию. Зарождение в России экзистенциализма (уходящего своими корнями еще к Ф. Достоевскому) – в работах Л. Шестова и Н. Бердяева.

Россия шла тогда тем же путем, что и европейский Запад. Это был путь, направленный на поиск вселенского начала жизни. Казалось, на этом пути разрешатся все зловещие проблемы, уже тогда начавшие терзать западную цивилизацию.

Но путь оказался несостоятельным. Он не смог противостоять ни бессмысленности Первой мировой войны, ни ее последствиям: большевизму – у нас, нацизму – в Германии, казалось бы уже давным-давно впитавшей в себя христианство и внесшей громадный вклад в гуманное по своей природе западное миропонимание. Направленность на поиск вселенского начала жизни не прозвучала достаточно убедительно и в современном, «постиндустриальном обществе» (называемом также иногда «технотронным», «сверхиндустриальным» или «информационным»). В плане мировоззренческом на смену позитивизму (и неопозитивизму) пришел постпозитивизм, который в более утонченной, чем ранее, форме сохранил все то же механистическое ви́дение мира.

Почему же все движения, направленные на при-

общение человека к вселенскому началу жизни, оказались маргинальными, находящимися на полях текста, задающего культуру сегодняшнего дня?

Ответ на этот вопрос оказывается достаточно простым.

(1) С одной стороны, мы должны признать (следуя Хайдеггеру), что техника, становясь доминирующим началом культуры, стала все более и более отчетливо предопределять все проявления культуры, внося всюду механицизм. Наука, сама долгое время находившаяся в плену наивных механистических представлений, поддержала ограничение, задаваемое техникой. Теперь, правда, в самой науке происходят серьезные изменения: она теряет статус объективности, а теоретическая физика и особенно космогония обретают метафизическую окрашенность (см. гл. I).

(2) С другой стороны, оказалось крайне противоестественным то, что все противостоящие позитивизму движения в большинстве своих проявлений потеряли всякую связь с наукой[4]. Наука стала серьезной составляющей современной культуры. С ней нельзя не считаться. Наука разрушила многие наши предрассудки, идущие из далекого прошлого, и соответственно существенно изменила состояние нашего сознания (см. гл. VI). Отсюда огнюдь не следует, что надо погружаться в сциентизм. Следует другое: нужен синтез. Он теперь может стать плодотворным – когда меняется сама наука, когда мы оказываемся готовыми признать, что иррациональное отнюдь не противо-

---

[4] Перебросить мост от оккультного учения (антропософии) к науке попытался, правда, Р. Штейнер. Но сам он не знал науки, и все получилось карикатурно Еще одну попытку сделал русский философ С Франк, но она не получила отклика. Позднее – В. И. Вернадский, рассматривавший Вселенную и человека как единую систему, но эта тема у него осталась также недостаточно разработанной. А вот Бердяев (см. также гл. II) прямо писал [Бердяев, 1989]:

> В истории философии никогда не было и быть не может элементов научного прогресса. При самом пристрастном желании трудно было бы открыть в истории духа человеческого рост научности философского познания. В истории философского сознания есть своя, не научная логика (с 270).

Эти слова были впервые опубликованы в 1916 г. И такое мнение в те годы было доминирующим. Сама наука того времени не была готова пойти навстречу свободной философской мысли, и это, видимо, отчетливо понял Н. Бердяев.

стоит рациональному (см. гл. V), когда в теоретической физике и космогонии стала проявляться метафизическая настроенность.

(3) Позитивистское мышление в любой его стадии развития легко поддается популяризации и, таким образом, оказывается готовым к тому, чтобы войти в «массовую культуру». Путь серьезного внепозитивистского (и соответственно внемарксистского) мышления в нашей цивилизации оказался элитарным – доступным только немногим.

(4) И последнее – серьезное непозитивистское мышление в силу своей утонченности не смогло найти достаточно простой социальной программы. В начале века социальные проблемы были столь остры, как в наши дни проблемы социальной экологии.

2. Несостоятельность философского противостояния

Дополним сказанное выше кратким описанием противоборства, происходившего в русской философской мысли.

Уже в середине XIX века философски настроенные русские мыслители восторженно восприняли Гегеля. В 90-е годы возник так называемый «легальный марксизм», которому оказываются сопричастными (на некоторое время) такие яркие личности, как П. Струве, М. Туган-Барановский, С. Булгаков, Н. Бердяев, С. Франк.

Привлекательность марксизма понятна: в нем соединились западная, выпестованная веками философская мысль и научные представления того времени. Казалось, наконец осуществилась мечта мыслителей эпохи Просвещения. Все было объяснено – и ход истории, и природа осознающего мир человека. И будущее было предсказано. Все ясно, просто, легко понимаемо. Все жестко детерминировано, вплоть до социальных и личностных проявлений. Все механистично, так же как механистична Вселенная в описании Ньютона, Коперника, Кеплера и Дарвина. Представление о Тайне мироздания исчезло.

Все социальные проблемы решаются просто – достаточно применить силу и передать всю полноту власти рабочему классу, которому всем ходом истории предопределена роль гегемона. Учение – гениальное по

своей всеохватывающей силе, простоте, вседоступности. Маркс посмертно становится демиургом – творцом новой культуры, в которой все новое – философия, этика, эстетика; новое понимание того, что научно в науке; новая социально-экономическая структура, новая юриспруденция и новые формы подавления инакомыслия.

Отрезвление у некоторых философов началось задолго до постановки величайшего социального эксперимента. Вот что писал в конце первого десятилетия нашего века тот же Бердяев [Бердяев, 1909/1967]:

> С русской интеллигенцией в силу исторического ее положения случилось вот какого рода несчастье: *любовь к уравнительной справедливости, к общественному добру, к народному благу парализовала любовь к истине, почти что уничтожила интерес к истине.*
>
> А философия есть школа любви к истине, прежде всего к истине. Интеллигенция не могла бескорыстно отнестись к философии, потому что корыстно относилась к самой истине, требовала от истины, чтобы она стала орудием общественного переворота, народного благополучия, людского счастья. Она шла на соблазн великого инквизитора, который требовал отказа от истины во имя счастья людей (с. 8).

Далее приведем высказывание С. Франка из уже цитированной ранее его работы, напечатанной в том же сборнике [Франк, 1909/1967]:

> Быть может, самая замечательная особенность новейшего русского общественного движения, определившая в значительной мере и его судьбу, есть его *философская непродуманность и недоговоренность*... Отсутствие самостоятельного идейного творчества в нашем общественном движении, его глубоко консервативный в философском смысле характер есть факт настолько всеобщий и несомненный, что он даже почти не обращает на себя ничьего внимания и считается естественным и нормальным. Социалистическая идея, владеющая умами интеллигенции, целиком, без критики и проверки, заимствована ею в том виде, в каком она выкристаллизовалась на Западе в результате столетнего брожения идей. Корни ее восходят, с одной стороны, к индивидуалистическому рационализму XVIII в. и, с другой – к философии реакционной романтики, возникшей в результате идейного разочарования исходом Великой французской революции. Веруя в Лассаля и Маркса, мы, в сущности, веруем в ценности и идеи, выработанные Руссо и де-Местром, Гольбахом и Гегелем, Бёрком и Бентамом, питаемся объедками с философского стола XVIII и начала XIX в. И, воспринимая эти почтенные идеи, из которых большинство уже перешагнуло за столетний возраст, мы совсем не останавливаемся сознательно на этих корнях нашего миросозерцания, а пользуемся их плодами, не задаваясь даже вопросом,

с какого дерева сорваны последние и на чем основана их слепо исповедуемая нами ценность. Для этого философского бессмыслия весьма характерно, что из всех формулировок социализма подавляющее господство над умами приобрело учение Маркса – система, которая, несмотря на всю широту своего научного построения, не только лишена какого бы то ни было философского и этического обоснования, но даже принципиально от него отрекается (что не мешает ей, конечно, фактически опираться на грубые и непроверенные предпосылки материалистической и сенсуалистической веры) (с. 208–209).

Отметим здесь, что Франк, не будучи ученым, признает за марксизмом широту научного построения. Вот так и утверждался возникший ранее миф о научности марксизма.

Позднее, уже в разгар великого эксперимента, В. И. Вернадский – не только крупный ученый, но и выдающийся философски ориентированный мыслитель[5] – дает также высокую оценку научности учения Маркса [Вернадский, 1991]:

---

[5] Личность В. И. Вернадского загадочна. Он один из основателей партии кадетов, член Временного правительства и, кажется, масон [Берберова, 1986]. Один из создателей философского направления – *антропокосмизма*. Уже в те годы Вернадский в трудных ситуациях умел обращаться к медитации [Микиша, 1990]:

> Во время беседы, после заданного вопроса или поставленной проблемы, Владимир Иванович мог неожиданно погрузиться в размышление, как бы уснуть (на самом деле это было особое состояние, напоминающее медитацию индийских йогов), а потом так же неожиданно высказать яркую конструктивную мысль, а то и решение поставленной задачи (с. 354).

В первые годы революции он занимал крайне негативную позицию, а затем достиг высокого положения. Биография Вернадского такова, что он по канонам того времени должен был бы быть арестован. И вокруг него действительно идут аресты. Он остается в неприкосновенности, хотя далеко не все написанное им тогда печаталось. Архив его и сейчас открыт не для всех.

Вот что мы читаем в предисловии А. Л. Яншина к цитированной выше книге [Вернадский, 1991]:

> Работа «Научная мысль как планетное явление», судя по дневникам В. И. Вернадского и его письмам, в основном была написана в 1937–1938 гг., т. е. в самые трагические годы нашей истории. События тех дней были далеко не безразличны для В. И. Вернадского. Были репрессированы его друзья и ученики. Пытаясь доказать их невиновность, ошибочность их ареста, он писал письма И. В. Сталину, Н. И. Ежову, Л. П. Берии. Тяжелыми думами заполнены его дневники этих лет. Но книга, писавшаяся им для будущих поколений, проникнута оптимизмом, верой в торжество человеческого разума (с. 8).

К. Маркс, крупный научный исследователь и самостоятельно мыслящий гегельянец... (с. 88).

Или в другом месте:

Маркс был крупнейшим ученым, который в «Капитале» получил свои результаты точным научным путем, но изложил их на языке гегельянской философии... (с. 247).

...Форма изложения у Маркса вводит читателя в заблуждение, будто оно получено им философским путем. В действительности оно только так изложено, а в действительности добыто точным научным методом историка и экономиста-мыслителя, каким был в своей научной работе Маркс (с. 247).

Правда, дальше он говорит о вере в не подлежащую сомнению философскую истину, которая

...создалась на русской почве, в среде эмиграции, и совершенно (несознательно) исторически выросла в государственное идейное явление, последствия которого были неожиданные и для ряда более крупных свободно мыслящих коммунистов (с. 245).

Заканчивая разговор о Вернадском, хочется привести отрывки из его высказываний, запечатленных в дневниках трагического 1941 года [Вернадский, 1988]:

...исторически Ленин и Сталин стояли на правильном пути.

Речь [Сталина], несомненно очень умного человека...

Государство в государстве: власть – реальная – ГПУ и его долголетних превращений. Это – нарост, гангрена, разъедающая партию, но без нее не может она в реальной жизни обойтись. В результате – мильоны заключенных-рабов, в том числе, наряду с преступным элементом,– и цвет нации и цвет партии, которые создали ее победу в междуусобной войне. Два крупных явления: 1) убийство Кирова, резко выделяющегося среди бездарных и бюрократических властителей; 2) случайная неудача овладения властью людьми ГПУ – Ягоды.

.. Истребление ГПУ и партией своей интеллигенции – людей, которые делали революцию, превратив ее в своеобразное *восстановление государственной мощи русского народа*,– с огромным положительным результатом. Партия «обезлюделась», и многое в ее составе – загадка для будущего. Сталин, Молотов, и только. Остальное для наблюдателя – серое.

Вот так крупнейший русский мыслитель и, безусловно, честный человек воспринимал и принимал трагичность происходящего во имя великой идеи, не понимая того, что трагичность следует из самой поддержанной им идеи. Я часто всматриваюсь в портреты Вернадского последних лет и неизменно вижу

в них неизжитость глубокого трагизма. Мне представляется, что ответственность он принимал и на себя.

И в то же время Вернадский очень серьезно относился к проблемам морали [Вернадский, 1991]:

> Вопрос о моральной стороне науки – независимо от религиозного, государственного или философского проявления морали – для ученого становится на очередь дня (с. 90).

И дальше:

> Нельзя не отметить, что начинают искаться и вырисовываться новые формы научного братства – *внегосударственные* организационные формы мировой научной среды (с. 92).

Те, кто в то время сидел в тюрьмах и лагерях, были бы потрясены оправдывающими террор высказываниями левых иноземных интеллигентов, в прошлом почитавшихся нами за их пристрастие к свободе. Может быть, все это направлялось этим неведомым нам братством?

Приведем здесь высказывание М. Злобиной [Злобина, 1989]:

> ... иные всерьез поговаривают о всемирном заговоре левой интеллигенции против России, в котором участвовали А. Барбюс, Р. Роллан, Л. Арагон, Т. Драйзер, Б. Шоу, Л. Фейхтвангер, Ф. Жолио-Кюри, настоятель Кентерберийского собора Хьюлетт Джонсон и другие (а из наших – В. Маяковский, М. Горький, И. Эренбург и, конечно же, М. Кольцов, сказавший Арагону перед отъездом в Москву в предчувствии ареста: «Запомните, что Сталин всегда прав»). Не буду обсуждать сей детективный сюжет, подозрительно смахивающий на те антисоветские заговоры, которые сочинялись на Лубянке. Но отношение интеллектуальной элиты Запада к этим грубо сфабрикованным фальшивкам, к массовым арестам и ко всему, что происходило в те страшные годы в нашей стране, упорство, с которым именитые, уважаемые писатели игнорировали преступления сталинского режима и тем самым покрывали их (а кое-кто даже славил советские «лагеря по перевоспитанию граждан» как «замечательное достижение социализма»), ошеломляет и требует объяснения. Что это было? Какая «слепящая тьма» застила им глаза? (с. 263–264).

Нет, конечно, это не был заговор со зловещим умыслом. Это была беспредельная, чисто иррациональная вера в научность марксизма, его безальтернативность. Вот еще примеры такой же веры – Ж. П. Сартр обращался к созданию «неомарксизма»;

психиатр В. Райх пытается создать «фрейдомарксизм», латиноамериканский теолог Ф. Андре-Венсан (один из основателей теологии освобождения) исходил из того, что «доктрина веры должна быть обоснована марксистской философией истории» [Дудкин, 1990].

Нет, все это было не заговором, а безумием интеллигентов, не понимавших науки, но пытавшихся опираться на нее.

Заканчивая этот параграф, мы обратились к наукометрическим данным. Они позволят нам увидеть имена тех мыслителей, которые оказываются статистически доминирующими в нашей культуре. Данные взяты из публикации Ю. Гарфилда [Garfield, 1986], составленной по его знаменитому индексу Arts and Humanities Citation Index 1976–1983. Выборка сделана за 8 лет – с 1976 по 1983 г.

В таблице 1 приведены данные для мыслителей разных эпох – от истоков нашей культуры до сегодняшних дней. В таблице 2 данные даются для авторов XX века.

Таблица 1

Цитируемость за 8 лет (1976–1983 гг.) [6]

(Обозначения: A – год рождения, B – число цитируемых источников, C – общая цитируемость данного автора)

Автор	A	B	C
Маркс	1818	4635	10 788
Ленин	1870	3450	8 902
Шекспир	1564	3807	8 060
Аристотель	384 до н. э.	4033	7 745
Библия	разные годы	1018	7 035
Платон	427 до н. э.	3255	6 904
Фрейд	1856	2950	6 111
Хомский	1928	2216	4 444
Гегель	1770	2210	4 439
Цицерон	106 до н. э.	2200	4 386

[6] В работе Гарфилда приведен список, включающий 250 наиболее цитируемых авторов нашей культуры. Последний в этом списке имеет 454 цитируемых работы, на которые имеется 523 ссылки.

Таблица 2

Цитируемость за 8 лет (1976–1983 гг.) [7]

(Обозначения: А – число цитируемых источников, В – общая цитируемость данного автора)

Авторы	А	В
Ленин В. (1870–1924)	3450	8902
Фрейд З. (1856–1939)	2950	6111
Хомский А. (р. 1928)	2216	4444
Барт Р. (1915–1980)	2647	4146
Хайдеггер М. (1889–1976)	1655	4015
Элиот Т. (1888–1965)	1903	3585
Сартр Ж. П. (1905–1980)	1787	2984
Иейтс У. (1865–1939)	927	2898
Деррида Ж. (р. 1930)	1645	2891
Джойс Дж. (1882–1941)	1569	2787

Приведенные здесь таблицы представляются весьма поучительными. Из их рассмотрения следует, что ведущими фигурами оказываются представители различных направлений знания. Здесь нельзя не заметить, что на первое место в одной (более общей) таблице попадает Маркс, в другой (относящейся к XX веку) – Ленин. Отсюда следует, что мы жили (по крайней мере до последних лет) под доминантой марксизма. Можно рискнуть сказать даже так: наш мир (или по крайней мере весьма существенная его часть) жил не только и не столько в полиморфной культуре, идущей из древнего Средиземноморья, сколько в иной, отошедшей от нее парадигме, порожденной Гегелем и Марксом. Удивительно и то, что в полных таблицах Гарфилда на высоком месте оказывается «величественная» фигура Л. Брежнева (как следует из данных, 663 его высказывания цитировались 1099 раз). Все это остается на совести представителей гуманитарных наук и очень серьезно обличает философскую мысль недавнего прошлого.

Посмотрим, что же произошло потом – после революции, совершенной М. Горбачевым. Соответству-

[7] Всего по этому разделу в работе Гарфилда приведено 100 наиболее цитируемых авторов.

ющие данные, характеризующие годовую суммарную цитируемость, приведены в таблице 3. Мы видим, как происходит падение цитируемости: если за прежние 8 лет среднегодовая цитируемость составляла: для Маркса – 1348, для Ленина – 1113 и для Брежнева – 137 раз, то в 1990 г. она соответственно упала до 496, 212 и 2. Эти данные свидетельствуют о том, насколько несвободна от политики была мысль в гуманитарной области знания. В чем же тогда ее ценность?

Таблица 3

Суммарная годовая цитируемость

	1986 г	1987 г	1988 г	1989 г	1990 г
Маркс К.	691	658	610	581	496
Ленин В.	377	294	290	250	212
Брежнев Л.	21	12	9	–	2

3. Мировоззренческая несостоятельность науки

> И Он сказал им: идите. И они, выйдя, пошли в стадо свиное. И вот, все стадо свиней бросилось с крутизны в море и погибло в воде.
>
> Мф 8,32

Готовясь к завершению XX столетия, мы должны будем ответить на вопрос о том, какие уроки мы должны извлечь из всего происшедшего в этом веке. Одним из самых серьезных уроков является мировоззренческая несостоятельность науки. Наука, на развитие которой Европа потратила много столетий, оказалась неспособной оградить человека от коллективного безумия. Притча о бесах реализовалась почти сразу в нескольких странах, хотя и в существенно разной окрашенности.

Ничто – ни религиозный опыт, ни философская мысль, о которой мы говорили выше, ни наука – не смогло противостоять безумным устремлениям века. Бессильной оказалась культура в целом.

Теперь мы сделаем попытку оценить беспомощность науки перед лицом безумия. Ограничимся, естественно, только тем, что произошло в нашей стране,

и остановимся в основном на описании того, что делалось в физике – науке точной и потому, казалось бы, не допускающей своеволия. О том, что делалось в других, более мягких областях знания, читатель и так достаточно информирован.

Большевизм, круто замешенный на гегелианском марксизме, вызвал невиданный раскол среди ученых. Одни сумели вовремя покинуть нашу страну (как, впрочем, сделали и многие представители гуманитарной сферы деятельности). Другие надеялись на компромисс, полагая, что можно будет честно и продуктивно работать, сохраняя где-то в глубине свои убеждения (был даже термин такой: «попутчики»). Третьи бросились в объятия тех, кто прокладывал новый путь.

Из этой третьей группы одни вступили в партию и заняли административные места в науке. Другие обрели статус беспартийных большевиков. Они были, как правило, талантливы, честны, бескорыстны и остро переживали свою ответственность за происходящее. Они в основном и делали советскую науку тех лет. Они всегда говорили «как надо» и выступали «как надо», но ненавязчиво. Для них была открыта научная карьера, у них была возможность бывать за границей, их не касалась карающая рука. Если в отношении этих лиц совершались ошибки, то они быстро исправлялись. Некоторые из них (но далеко не все) занимали крупные административно-командные должности в науке. Здесь многое не понятно, тайна тяготеет над теми, кто был «беспартийными большевиками».

Сделать выбор в те годы было непросто. Революция закончилась победой. Первая в мировой истории победа восставших во имя социального преобразования. Этим гордились российские люди, относясь с презрением к «растленному Западу». Ветер свободы пронесся по просторам страны. Новое ожидалось многими с накалом внутренней романтики.

Но, победив, нужно было что-то делать. Делать в одной стране – все надежды и прогнозы на мировую революцию рухнули. Делать что-то в стране по преимуществу феодальной и к тому же разноукладной, разнонациональной.

Программ было много. Но только одна из них была готова к действию, суровому и диктаторскому. Чтобы оправдать это действие, надо было признать

марксистское мировоззрение научным. Признать было не просто, но не просто было и опровергнуть – четких критериев научности науки не было тогда, нет и сегодня (см. гл. 1). Но где-то подспудно сохранялся еще и практический аргумент: признать – значит начать активно действовать, не признавать – значит оказаться на «свалке истории». Можно было признать и как бы условно: мол, пусть (из-за безвыходности положения) все пойдет так, как требует безумная теория, а потом все выравняется в соответствии с естественными потребностями цивилизованного общества[8].

Я помню эти годы. Я жил в это время в Москве, впитывая происходящее с юношеской непосредственностью. Бывал в разных кругах и знакомился с различными людьми. Много читал (ведь с 16 лет тогда открыт был вход в Румянцевскую – теперь им. В. И. Ленина – библиотеку). Уже тогда я понимал, что надо выбирать свой путь в жизни. Понимал, что каждый шаг отдается в душе эхом совести. Мне тогда приходилось встречаться с представителями разных течений, включая анархистов, толстовцев, меньшевиков, троцкистов. С последними, правда, беседа не получалась. С меньшевиками яростно спорил. Но скоро надоело. Я уже тогда не мог признать состоятельность марксистского гегелианства, в какой бы модификации оно ни представлялось. Не мог потому, что рос в семье свободомыслящего ученого-этнографа, пришедшего в российскую культуру из северных лесов, где жил малый народ, не знавший насилия и не умевший подчиняться имперским требованиям России, так как его традиционные верования и образ жизни были основаны на пантеизме, проповедовавшем уважение ко всему сущему и отвергавшем насилие.

Но обратимся к исходным идеям Маркса. С позиции сегодняшнего дня совершенно очевидно, что марксистская теория была ненаучной, так как все, что

---

[8] Вот как эту мысль в свое время формулировал В И Вернадский (о позициях которого мы уже много говорили выше) [Вернадский, 1991]

> Но с поднятием значения науки в государственной жизни неизбежно в конце концов и другое изменение в конструкции государства - усиление его демократической основы Ибо наука по сути дела *глубоко демократична* В ней несть ни эллина, ни иудея (с 89)

она пыталась предсказать, оказалось несостоятельным. Где абсолютное обнищание пролетариата? Где неизбежное крушение капитализма, который вопреки всем предсказаниям обрел новые черты, укрепившие его выживаемость в плане как социальном, так и экономическом? Как можно объяснить феномен суровой эксплуатации в обществе, лишенном частной собственности на средства производства? Почему с развитием социализма огосударствление жизни не изживалось, а наоборот – только усиливалось? Почему предписанный отказ от религиозности и замена ее «научным мировоззрением» не только не оздоровили общество, но, наоборот, расшатали вконец его моральные устои?

Многое из сказанного здесь предвиделось уже и в те годы. Но предвиделось далеко не всеми. Научная мысль в своем критицизме не смогла выступить достаточно единодушно. Произошел суровый раскол.

Ярким примером раскола оказалась трагедия, разыгравшаяся в семье двух академиков – братьев Н. И. и С. И. Вавиловых. Вот что говорит об этом в своих воспоминаниях А. Д. Сахаров, давая прежде всего характеристику С. И. Вавилову [Сахаров, 1990]:

> К личным делам сотрудников Сергей Иванович относился всегда с большой заботливостью, он глубоко и искренне любил науку и был прекрасным ученым-оптиком, а также хорошим популяризатором. В качестве Президента ему приходилось много выступать с официальными речами. В одной из них он назвал Сталина «корифеем науки», этот пущенный им в ход эпитет стал почти частью официального титула (видимо, понравился).
>
> Судьба двух братьев – умирающего от голода при чистке нечистот в Саратовской тюрьме и осыпанного всеми почестями Президента – была парадоксом, крайностью даже в то время, но и было в этом что-то очень характерное (с. 109).

Несколько раньше в этой же книге читаем:

> ... Сергей Иванович был родным братом другого академика, еще более известного, – Николая Ивановича Вавилова, биолога, арестованного и погибшего в заключении... Эта история была одной из самых ужасных страниц в многолетней трагедии советской биологии. Сергей Иванович вскоре (или уже тогда) стал Президентом Академии наук. При этом он регулярно – минимум раз в неделю встречался с Т. Д. Лысенко, членом Президиума АН, который был одним из главных виновников гибели его брата. Представить, как это происходило, мне трудно (с. 108)

Я думаю, что в этом взаимоотношении братьев на самом деле никакого парадокса не было. Каждый из них сделал выбор, и каждый действовал в соответствии с установками, задаваемыми тем или иным образом. Уместно здесь напомнить пророческие слова из Нового Завета:

> Лк 12[51] Думаете ли вы, что Я пришел дать мир земле? Нет, говорю вам, но разделение;
> [52] ибо отныне пятеро в одном доме станут разделяться, трое против двух, и двое против трех:
> [53] отец будет против сына, и сын против отца; мать против дочери, и дочь против матери; свекровь против невестки своей, и невестка против свекрови своей.

Так в точности и получилось, ибо здесь речь шла об очень серьезном выборе.

Я был лично немного знаком с Сергеем Ивановичем. Я знаю, что ближайшие его сотрудники относились к нему с большим уважением, некоторые прямо боготворили его. Но вот что существенно – он шел навстречу до определенной черты, никогда не дальше[9].

С. И. Вавилов войдет в историю науки не только своими весьма изящными работами в области оптики и не только созданной им школой учеников, но еще и тем, что он как Президент Академии должен был поддерживать (или даже возглавлять?) процесс идеологизации. Обратим внимание на его статью [Вавилов, 1952], открывающую позорно знаменитый сборник «Философские вопросы современной физики». Правда, эта статья написана сравнительно мягко и включена в сборник посмертно. Но тем не менее она выглядит как документ, говорящий о готовности передовой советской физики признать все, что сказано

---

[9] Это коснулось и меня. Во вторую половину 40-х годов меня (после возвращения из ГУЛАГа) пригласил на работу в Симеизскую обсерваторию академик Г. А. Шайн. Но возникли трудности категорически возражал секретарь партийной организации А. Б. Северный (позднее ставший академиком). Шайн обратился к С. И. Вавилову и попросил его дать по Академии приказ о моем зачислении. Вавилов ответил: «Могу дать только характеристику». Шайн возразил нужна не характеристика (он и так знает, кого приглашает), а именно приказ. Приказа не последовало Нечто подобное произошло и с ближайшим учеником Вавилова – Виктором Львовичем Гинзбургом.

в сборнике [10], и даже то, что сказано там не физиками-профессионалами.

В те бурные годы (30–50-е) идеологизация науки шла вовсю. Этот процесс коснулся не только гуманитарных областей знания и биологии, но также точных наук – химии, физики, астрономии, космогонии и отчасти даже математики.

В наши прояснившиеся дни стали появляться первые публикации, отражающие идеологическую агрессию, ранее часто завершавшуюся тюрьмой. Здесь мы не будем останавливаться на этой теме, требующей детального изучения [11]. Отметим только, что сообщество ученых в какой-то своей части легко перешагнуло через тех, кто встал на жертвенный путь, сохраняя свою честь и достоинство. В этом сыграли свою роль не только партийные представители науки, но и те, кто были беспартийными большевиками. Истории предстоит разобраться, кто внес какой вклад. Беспартийные большевики легко распознаются, если обратиться

---

[10] Вот одно из высказываний, характерных для сборника. Оно выглядит как поругание знаменитого «принципа дополнительности», сформулированного Бором. Автор высказывания – известный физик Д. И. Блохинцев [Блохинцев, 1952]:

> Итак, мы видим, что вся проблема квантовой теории рассматривается Н. Бором *как проблема взаимоотношения прибора и микрообъекта,* а когда он покидает более определенную почву физики – *как проблема взаимоотношения субъекта и объекта.*
>
> В этом и заключается основной методологический порок концепции дополнительности: *в свете этой концепции квантово-механические закономерности теряют свой объективный характер, становясь закономерностями, вытекающими из способа восприятия человеком явлений микромира.* А это и есть идеализм (с. 366).
>
> *...Принцип дополнительности есть прямое порождение идеалистической позитивистской теории познания* (с. 369).

Через четверть века, однако, принцип дополнительности был реабилитирован [Баженов, 1976].

[11] Сейчас стали появляться первые работы, в которых раскрывается трагизм российской науки. Укажем здесь хотя бы на публикации [Ахундов и Баженов, 1989], [Казютинский, 1990], [Бронштэн, 1990]. Особенно хочется отметить книгу американского ученого Л. Грэхэма [Грэхэм, 1991], в которой в сравнительно мягких тонах описывается история драматического взаимодействия диалектического материализма с наукой в нашей стране. Когда же наконец появится книга на эту тему, написанная участниками этого процесса, могущими понять его глубже, чем иностранные наблюдатели? Но, видимо, до сих пор эта тема больше интересует иностранцев, чем соотечественников.

к орденометрии. Посчитайте, каким числом орденов Ленина награжден тот или иной ученый – и все станет ясным.

Из сказанного здесь следует, что ученые, несмотря на все понесенные жертвы, не смогли противостоять идеологизации научного мировоззрения. На них лежит суровая ответственность за содеянное. Наука, не выдержавшая борьбы и ставшая неспособной более отстаивать свою независимость, оказалась пригодной для того, чтобы прикрывать своим авторитетом любые диктуемые сверху социально-политические установки, которые, подчас радикально меняясь, всегда провозглашались как научно обоснованные.

Отметим, что идеологизация науки имела место также и в нацистской Германии. Если говорить о физиках, то упомянем здесь хотя бы имена двух всемирно известных ученых – Ф. Э. А. Ленарда и И. Штарка (лауреатов Нобелевской премии), проявивших себя как ярые нацисты. Идеологизированные физики Германии активно выступали против такой «еврейской науки», как теория относительности Эйнштейна. Отметим также, как непросто решался вопрос о работе с ураном в нацистские времена для крупнейшего физика В. Гейзенберга [Гейзенберг, 1983].

4. Социальная и философская несостоятельность русской конфессиональной религиозности

> Христиане должны сознать свою вину, а не только обвинять противников христианства и посылать их в ад. Враждебна христианству и всякой религии не социальная система коммунизма, которая более соответствует христианству, чем капитализм, а лже-религия коммунизма, которой хотят заменить христианство. Но лже-религия коммунизма образовалась потому, что христианство не исполняло своего долга и было искажено. Официальная церковь заняла консервативную позицию в отношении к государству и социальной жизни и была рабски подчинена старому режиму.
>
> *Н. Бердяев* [1990б, с. 150]

Да, конечно, было большой, светлой радостью увидеть на экранах рождественскую службу, услышать дозволенный свыше призыв к реставрации храмов, еще

недавно яростно разрушавшихся и осквернявшихся ради, казалось бы, великой идеи – создания нового человека

Но все же...

Все же хочется понять: что же произошло с народом нашей страны? Святая Русь – так высокопарно принято было величать ее в некоторых кругах интеллигенции – где же она? Откуда пришло богоотступничество народа? Или, может быть, представление о русской святости было только мифом?

Сейчас мы, кажется, начинаем понимать, что всякая социальная система, имеющая интеллигибельную [12] окрашенность, может развиваться, не заходя в тупики, только если есть серьезная и в то же время достаточно гибкая оппозиция, способная также изменяться в процессе борьбы.

Духовность не изобретается. Мы черпаем ее из глубин своего сознания. Она запечатлена опытом всего исторического прошлого. Но вот что важно: духовность никогда не дается нам в виде некоторой окончательной формулы. Она должна непрестанно реинтерпретироваться в контексте проблем настоящего. В этом суть и смысл культуры. Культура развивается, если интерпретация удается, и гибнет, если догматизируется.

Трагедия России в том, что в ней не появился свой достаточно сильный религиозный реформатор. Может быть, Л. Толстой и готов был стать им, но это не получилось. Русский Лютер не состоялся [13]. Со времен Иосифа Волоцкого (после победы над Нестяжателями) русская православная церковь стала огосударствленной. Серьезное духовное противостояние оказалось невозможным [14].

---

[12] Интеллигибельный философский термин, обозначающий объект, постигаемый только умом.

[13] Нужно здесь отметить неудавшуюся попытку известного русского религиозного философа С. Булгакова создать русский христианский социализм в противостоянии марксизму [Putnam, 1977]. Он был одним из идейных руководителей русского студенческого христианского движения.

[14] Раскол – одно из крупнейших событий русской религиозной жизни не обрел достаточной духовной силы, не встал на путь обновления, хотя имя великого бунтаря протопопа Аввакума мы помним. Не оказало существенно значимого влияния на русскую

Естественно, что в нашей стране не могло возникнуть что-либо похожее на теологию освобождения, движение, выкристаллизовавшееся за последние два десятилетия в русле католической конфессии [15]. Истоки этого движения идут из Латинской Америки.

Не появились в наши дни в Православии и такие социально ориентированные теологи, как, скажем, французский клерикал-реформатор и философ Ж. Эллюль [Ellul, 1987] – участник движения Сопротивления, или его соотечественник религиозный философ Ж. Маритен, критиковавший современную культуру с позиций христианской демократии [Гальцева, 1990].

Война 14-го года оказалась крупнейшим событием начала XX века. Именно она направила в новое, безмерно трагическое русло все то, что было накоплено за века Западной культурой.

Почему христианская Европа не остановила эту бессмысленную войну? Во имя чего она была развязана? На что мог рассчитывать возможный победитель? Разве заранее нельзя было понять, что при существовавшей уже тогда технике эта война будет длительной и невиданно кровавой? Гибель и увечье людей принесли воюющим две иллюзорные победы: одну – над Россией, другую – над Германией. Мы знаем, чем обернулись эти победы для победителей.

В плане астральном – какие темные силы из далекого прошлого оказались поднятыми на поверхность сознания человека за годы кровопролития, в которое вовлечены были миллионы людей?

Почему не прозвучал предостерегающий голос Святой Руси? Л. Толстой пришел как вестник забытого в христианстве. Он был одарен необычайной силой

духовную жизнь и широко разветвленное многоликое сектантство, сурово притеснявшееся государством.

[15] Вот одно из высказываний, достаточно хорошо характеризующее это движение [Дудкин, 1990]:

> Теология освобождения сводится к реинтерпретации конфликтов социальной жизни (с. 74).

В одном из документов говорится о том, что «грех» интерпретируется как «коллективная категория», и назначением церкви оказывается тогда обнаружение этого «греха» (с 76). Некоторые авторы готовы считать, что так начался поиск гуманистического социализма

слова – голос его, прозвучавший еще до начала войны, должен был бы быть услышанным. Но нет – имеющих уши оказалось немного. Он был отлучен от церкви [16].

Часто задают такой вопрос: могло ли не быть русской Революции? Ответ здесь простой: то, что было, не могло не быть. Такова была обстановка: феодальная, сословно упорядоченная структура сурово противостояла ходу истории. Но все могло быть и иначе, если бы церковь вовремя все поняла и предложила свой христианский, т. е. по преимуществу ненасильственный, путь. Напомню, что А. Блок увидел Христа впереди двенадцати. Но ветром насилия все замело:

Черный вечер.
Белый снег.
Ветер, ветер!
На ногах не стоит человек.
Ветер, ветер –
На всем белом свете!

А позже, много позже, в перерыве между двумя арестами, с волчьим паспортом в кармане, я как-то зашел в церковь и услышал там слова молитвы за здравие Сталина. Я был поражен – хотя мне говорили об этом и раньше. Понимаю, что для этого есть формальное, книжно зафиксированное основание [17]. Но каково было знать о такой молитве тем, кто сидел в тюрьмах, умирал в лагерях или ожидал расстрела? О них-то никто не молился открыто. Если русским нужно было молиться за Сталина, то немцам – за Гитлера [18].

В чем же тогда суть христианства?

Э. Фромм обсуждает эту тему в несколько иной ее формулировке [Фромм, 1990]:

---

[16] Знаю по рассказам людей старшего поколения, как многих, особенно из среды интеллигенции, отбросило от Православия это отлучение. И удивительно, что сейчас, вспоминая о мыслителях русского прошлого, никто не говорит о Толстом как о страстном проповеднике христианского ненасилия.

[17] Св. апостол Павел в Первом Послании к Тимофею говорит:

[1] Итак прежде всего прошу совершать молитвы, прошения, моления, благодарения за всех человеков,
[2] за царей и за всех начальствующих, дабы проводить нам жизнь тихую и безмятежную во всяком благочестии и чистоте,
[3] ибо это хорошо и угодно Спасителю нашему Богу.

[18] Эту тему обсуждает Ж. Эллюль [Ellul, 1987].

Но была ли Европа когда-либо действительно христианизирована?

Хотя на этот вопрос обычно дается утвердительный ответ, более глубокий анализ показывает, что христианизация Европы была в значительной мере мистификацией, что в лучшем случае можно говорить лишь об ограниченной христианизации между XII и XVI веками и что в течение нескольких столетий до и после этого в большинстве случаев происходила идеологизация и более или менее серьезное подчинение церкви; это не означало каких-либо изменений в сердце, то есть в структуре характера, исключение составляют лишь подлинно христианские движения (с. 144 - 145).

Я позволю себе не согласиться с этим крайним утверждением. Европа, в моем представлении, была глубоко христианизирована, но европейский человек всегда оставался семантически многомерным [19], и христианизированность сердца в наши дни проявляется не столько в повседневности жизни, сколько в пиковых ситуациях. Иллюстрирую сказанное одним примером. Мой друг – немецкий пастор и протестантский теолог – как-то рассказал мне о своем самом сильном религиозном переживании. Вот эта история в вольной передаче:

Шла война. Он был солдатом в нацистской армии. Их часть стояла под Москвой. Вдруг его вызывает командир. Перед ними – русская девочка в рваной одежде с заплаканными глазами. Она искала священнослужителя: убита ее мать, нужно совершить отпевание. И пастор пошел.

Так перед лицом смерти по-христиански отступили все распри и кровавые противостояния.

И все же в нашей, казалось бы, глубоко христианизированной в прошлом стране не возникло достаточно сильной социальной оппозиции христианской ориентации. Объяснить сложившуюся ситуацию нетрудно.

Если мы готовы признать семантическую многомерность личности, то нам придется согласиться и с тем, что природа нашего Эго определяется корреляционной связанностью отдельных его семантических составляющих. В прошлом церковь, задававшая преимущественно духовную жизнь нашего общества, особенно простонародья, не давала современной интерпретации учения Христа. Евангельская весть интерпретировалась только в контексте иудео-римской реальности далекого прошлого. В результате христианская

---

[19] Многомерность личности подробно рассмотрена в нашей книге [Налимов, 1989].

система ценностных представлений оказывалась отчужденной (на математическом языке – ортогональной) от системы ценностных представлений сегодняшнего дня. Иное положение возникало в пиковых ситуациях. Скажем, перед лицом смерти – события транскультурного, в котором семантическая структура личности и ее корреляционные связи радикально перестраивались.

Трагизм Первой мировой войны состоял в том, что смерть перестала быть сакральным явлением. Убивать оказалось возможным просто так, из-за ничего, безнаказанно, с одобрения и благословения церкви. Убийство стало технизированным. В этом особое, аморализирующее значение техники. Убивающий больше не видит своей жертвы, не переживает сакральность свершаемого и перестает соответственно ощущать и сакральность жизни. Именно после этого мирового безумия появились концлагеря, представление о справедливой войне, которой может оказаться война против собственного народа.

Иллюстрирую сказанное вольным изложением одного из эпизодов Второй мировой войны, рассказанного подполковником танковых войск:

> Я профессионал, военный. Много смертей произошло под моей командой. Но вот один эпизод я не могу забыть – он всегда со мной, всегда перед глазами.
>
> Мы окружены. Я даю команду: покинуть танки, разобраться на пары, вооружиться чем можно и пробиваться к своим. Вместе с напарником мы подползаем к немецкому окопу. У меня – финский нож, у него – танковый гаечный ключ. В окопе два немца солдаты. Они едят, нас не видят. Напарнику глазами указываю на одного из них, над другим заношу нож. Он успел поднять руку с двумя вытянутыми пальцами и крикнуть: «Zwei Kinder» (двое детей). Я нанес свой удар.

Оказалось, что на всей войне было только одно личное, сакрально воспринятое убийство. Остальное – безличное – дело техники. Удивительно, что Хайдеггер, столь страстно описывающий разлагающее влияние техники на культуру, не обратил внимания на то, что техника десакрализировала смерть, а вместе с ней и саму жизнь. Эти слова я начал писать в те дни, когда в Персидском заливе бушевала смерть, а в Прибалтике пролилась кровь наших соотечественников – просто так, по ходу дела; позднее это случилось и в Москве. Солдат в танке уже не просто человек, а техническая

система. Он развоплощается. И поэтому техника, а военная особенно, аморальна.

За последние годы я не раз просил православно ориентированных мыслителей дать объяснение тому, что произошло с нашей христианской страной и ее народом – Богоносным, как его принято было называть. Ответ неизменно звучал так:

«Попустительство Божье».

Но это не ответ, а отказ от обсуждения поставленной проблемы. Оказывается, что обсуждение этой темы нам не дано. И что же тогда можно сказать о будущем страны, о роли в ней духовного начала? Религия сама отчуждает себя от проблем сегодняшнего дня – теряет свое бытийное начало. Исчезает некогда бывшая неразрывной связь духовного начала с бытием человека в мире. Религия, говоря словами Хайдеггера, перестает быть экзистенциалом.

Почему?

Ответ, пожалуй, ясен.

Библия многогранна. И одна из ее граней, порожденная миропониманием далекого прошлого, проникнута идеей сурового детерминизма и соответственно преклонением перед властью – любой властью. Гражданская покорность. Покорность любому насилию, вершащемуся от имени власти.

Вот несколько относящихся сюда высказываний:

Мф 10 [29] Не две ли малые птицы продаются за ассарий? И ни одна из них не упадет на землю без *воли* Отца вашего;
[30] у вас же и волосы на голове все сочтены;
[31] не бойтесь же: вы лучше многих малых птиц.
(Почти такой же текст Лк 12, 6–7.)

Рим. 13 [1] Всякая душа да будет покорна высшим властям; ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены.
[2] Посему противящийся власти противится Божию установлению. А противящиеся сами навлекут на себя осуждение.
[3] Ибо начальствующие страшны не для добрых дел, но для злых. Хочешь ли не бояться власти? Делай добро, и получишь похвалу от нее,
[4] ибо *начальник* есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое.
[5] И потому надобно повиноваться не только из *страха* наказания, но и по совести.

Чис. 15 [32] Когда сыны Израилевы были в пустыне, нашли человека, собиравшего дрова в день субботы;
[33] и привели его нашедшие его собирающим дрова к Моисею и Аарону и ко всему обществу;
[34] и посадили его под стражу, потому что не было еще определено, что должно с ним сделать.
[35] И сказал Господь Моисею: должен умереть человек сей; пусть побьет его камнями все общество вне стана.
[36] И вывело его все общество вон из стана, и побили его камнями, и он умер, как повелел Господь Моисею.

Мы отдаем себе отчет в том, что эти небольшие фрагменты, вырванные из широкого контекста, никак не определяют сущность христианства. Более того – они противостоят великой проповеди Христа о любви и милосердии. Но они вкраплены в великое учение – слова из строки, как говорится, не выкинешь. И это слово позволило православному христианству слиться с феодальным, по своей сути, государством. Революция, обращенная против одряхлевшего имперского государства, обернулась и восстанием против церкви. В этом – трагедия русского народа. И кажется, настало время понять истоки трагедии [20].

Посмотрим теперь на приведенные выше фрагменты с философских позиций. В них Бог антропоморфен. Ему предписано быть величайшим властителем мира. Не человек воспринял облик Бога, а сам Бог оказался созданным по образу человека, устремленного к высшей власти. И это естественно. Это – архаика нашего

---

[20] Отметим здесь, что атеизм русской интеллигенции, по-видимому, возрос из нежелания рассматривать Бога как всемогущего властителя, не оставляющего ни грамма свободы личности. Вот относящееся сюда высказывание М. Бакунина [Бакунин, 1989б]:

> Не в обиду будь сказано всем полуфилософам, всем так называемым религиозным мыслителям: *существование Бога обязательно предполагает отречение от человеческого разума и человеческой справедливости, оно является отрицанием человеческой свободы и неизбежно приводит не только к теоретическому, но и к практическому рабству* (с. 44).
> ...Бог существует, значит, человек – раб.
> Человек разумен, справедлив, свободен,– значит, Бога нет (с. 44).

Но эти вызывающие слова направлены в действительности не против Бога (Бакунин, как известно, был масон и, следовательно, не мог быть вульгарным атеистом), а против религиозного раболепия. Не знаю, были ли в то время достаточно широко известны слова апофатического богослова Дионисия Ареопагита, снимающие с Бога унизительные функции безграничного повелителя.

сознания. Так строились и прославлялись великие деспотии прошлого. В нашей стране была сделана попытка оживить этот архетип деспотии прошлого для всеобщего счастья, скрепленного мавзолеем как символом величия высшей власти на земле. Пользуясь новыми средствами, делалась попытка управлять всем. Но учесть каждый волос на голове все же не удалось, и теперь мы понимаем, что такая попытка и принципиально невозможна. После теоремы Гёделя это высказывание мы не можем принять даже и в качестве метафоры.

Фантом прошлого оказался все же нежизнеспособным в настоящем. Мы, люди, носители заветов далекого прошлого, в глубинах своего сознания изменились. Мы поняли, что во Вселенной есть неопределяемое, неповелеваемое – Запредельное. То, что можно назвать Случаем, Свободой, Спонтанностью [Налимов, 1989]. И только осознание свободы позволяет человеку обрести чувство собственного достоинства и личной ответственности за все и перед всеми. Это есть последняя, «страшная» свобода, как ее называет поэт Н. Гумилев, но она-то и определяет верховный час каждого человека.

Еще в ранние годы христианства были услышаны слова Дионисия Ареопагита, осмелившегося поэтически звучащими текстами дать апофатическую зарисовку образа Бога, открывающегося нам в запредельности нашего сознания [21]. Тогда они не были достаточно осознаны. Может быть, прозвучат они в наши дни? В дни ожидаемого обновления.

Написав эти слова, я не хотел никого обидеть. Да, я знаю, что сопротивление было. Был и героизм трагического противостояния, я пережил его вместе со многими другими. Но все же произошло то, что произошло, что надлежит понять и оценить, чтобы идти дальше. И здесь критическая мысль должна быть беспощадной.

---

[21] Перевод заключительной главы из трактата Дионисия Ареопагита Мистическая теология приведен в нашей книге [Налимов, 1989]

5. Покорение человека техникой

Рассмотрим еще одну базовую составляющую нашей культуры. Это нарастающая ее технизация, стимулирующая развитие культуры и в то же время подчиняющая ее своему механистическому настрою.

Человек – единственное существо на Земле, нуждающееся во внешней, физиологически неосваиваемой энергии. Он выделился из окружающего его Мира в тот роковой для Земли день, когда приручил *огонь* – первую техническую систему, которой нужно было управлять [22]. С тех пор и вплоть до наших дней идет непрестанное расширение энергетической базы жизни человека. Кажется, что Земля была приуготовлена для того, чтобы быть гостеприимной для всепобеждающего человека. Запасы и возможности Земли казались неограниченными, их надо было только уметь брать. Прозвучал призывный лозунг: *«Научно-технический прогресс* – путь в счастливое будущее». Но победу никогда нельзя отличить от поражения. Вдруг выяснилось, что прогресс в овладении Природой обернулся ограблением и загрязнением Земли, ставящим под угрозу существование жизни на ней. Космическая гостиница стала превращаться в земную помойку. Все это с очевидностью открылось на наших глазах в течение одного-двух последних поколений.

Более того, выяснилось, что технизация жизни разрушает ту самую *культуру*, во имя которой и от имени которой шло развитие западной технической экспансии.

Здесь уместно обратить внимание на предостережения, высказанные М. Хайдеггером в адрес модернизма [Ferry, Renaut, 1990] и техницизма [Seubold, 1986]. В первой из этих книг находим такую подборку высказываний Хайдеггера из различных его публикаций:

> В «атомный век», как в век цивилизации «потребления», современность характеризуется *стойким* желанием человека владеть полнотой бытия в границах досягаемости, обретая предельно возможную власть над этой полнотой посредством контроля над всеми видами природной энергии, включая также и энергию разрушения; это стремление «получить все возмож-

---

[22] Эту тему мы уже обсуждали в главе I, опираясь на доклад J. Goudsblom на Международном конгрессе "Geist und Natur", Hannover, 1988.

ное, что есть и может быть», и это сведение реального к «выдуманному», доступному «для употребления», определяют технологическое отношение к миру, «неограниченную и полную технологизацию человека и мира», которая делает современного человека «функционером технологии» (с. 57).

Во второй из упомянутых книг хочется обратить внимание на следующие высказывания о позиции Хайдеггера:

Новая техника не является просто средством к достижению цели, она сама оказывается участником процесса конструирования природы, действительности и мира (с. 39).

...Таким образом, техника нового времени становится *единственной* силой, определяющей отношение человека к природе и миру (с. 43).

...Современная техника, будучи онтологически фундаментальной, обнаруживает вещи, человека и мир особым, ранее невиданным образом (с. 104).

Техника нового времени, показывая существенно новый подход людей к вещам и миру, имеет все же свои истоки как в рациональности греческой метафизики, так и в христиански запечатленном Средневековье (с. 191).

Интересно, что добавил бы к этим словам Хайдеггер, увидев компьютерный империализм наших дней, направленный на технизацию мышления человека в невиданных ранее масштабах. В его словах, правда, уже прозвучало предупреждение об опасности «разрушения также сущности человека» и его «деградации под влиянием техники» ([Seubold, 1986], p. 324).

В наше время последователем (и критиком) Хайдеггера является немецкий философ Х. Ромбах. Его творчество направлено на структурно-феноменологическое осмысление современного мира. Он настаивает на историко-культурном подходе к философии [23]. В заглавие одной из его работ вынесены такие слова: «Философская критика эпохи (Zeitkritik) сегодня» [Rombach, 1985], [Маяцкий, 1988].

Словосочетание «критика эпохи» становится новым философским термином. Существенный вклад в эту

---

[23] Вот как об этом пишет М. Маяцкий – исследователь Ромбаха [Маяцкий, 1988]:

Идти по хайдеггеровскому пути последовательно и дальше его самого означает искать в бытии историю, т. е. превратить фундаментальную онтологию в фундаментальную историю. Фундаментальная история ищет базисную структуру (Grundstruktur), лежащую в основе всех совокупных событий и дел эпохи, некий исторически локальный способ организации жизненного Мира (с. 59).

критику вносит и Ж. Эллюль[24]. Вот несколько его высказываний [Эллюль, 1986]:

> Техника сама становится средой в самом полном смысле слова. *Техника окружает нас как сплошной кокон без просветов*, делающий природу (по нашей первой непосредственной оценке) совершенно бесполезной, покорной, вторичной, малозначительной (с. 147).
>
> Техника – фактор порабощения человека (с. 148).

Но он все же надеется на новую революцию, направленную на преображение современных технизированных структур общества. Вот наиболее интересный абзац, относящийся к этой теме:

> Вторым элементом политико-технической революции должна быть добровольная решимость не применять власть и силу в какой бы то ни было форме, отказ от военных арсеналов, подавляющих нашу экономику, но, помимо всего этого, полная ликвидация централизованного бюрократического государства... *Решительная и полная ликвидация современного государства* не приводит ни к падению организованности, ни к неразберихе. В настоящее время приходится констатировать, что именно бюрократическое государство создает максимум путаницы, беспорядка, замешательства, что, однако, старательно камуфлируется властями (с. 149).

И это пишет западный автор, не переживший удручающего давления нашей всеобъемлющей государственности. Отметим здесь, что наш подход к пониманию происходящего в современном Мире оказался близким к позиции Ромбаха. Мы уже давно направили свои усилия на то, чтобы понимать настоящее через прошлое. Одна (неопубликованная) наша работа прошлых лет называлась «Прошлое в настоящем».

6. Власть и противостояние ей

> *Свобода в религиозной жизни есть обязанность, долг.* Человек обязан нести бремя свободы, не имеет права сбросить с себя это бремя. Бог принимает только свободных, только свободные нужны ему.
>
> *Н Бердяев* [1989а, с. 193]

О природе *Власти* очень много написано, и вряд ли уместно останавливаться на критическом анализе.

---

[24] Жак Эллюль – широко известный французский философ и социолог, тесно связанный с экуменическим советом церквей.

Ограничимся изложением своей позиции. Будем исходить из того, что устремленность к власти — так же, как и готовность беспрекословно служить ей, – задана нашей предысторией, может быть, еще даже и филогенетическим прошлым. Это один из ветхих архетипов нашего сознания. Хотя формы проявления власти по мере развития нашей культуры непрестанно изощряются.

Власть – это прежде всего простейшая и древнейшая форма организации общества или – в далеком прошлом – стада. В то же время это средство возвышения себя над другими, над обществом. Это одновременно и путь обретения славы, возможность стать героем. Это – способ утверждения своего миропонимания, обращение его в идеологию или в догмат веры, возможность стать не просто героем, но еще и духовным вождем.

Идея власти естественна. Она вытекает из архетипически заданного нам представления о жесткой детерминированности всего Мироздания. Если Бог (как мы об этом уже говорили выше) есть Вседержитель Космоса, то здесь, на Земле, должен быть Его наместник. И праведной жизнью тогда становится всеохватывающее послушание.

Но, по-видимому, столь же древне и противостояние власти – свобода, бунт, непрестанный поиск новых решений, вера в праведность самого человека, дающая право ему самому принимать решения.

Внутренний голос говорит: в Мире обязательна свобода, спонтанность, непредрешенность, и только она и ответственность перед собой создают у человека чувство собственного достоинства. Не рабское подчинение, а свобода сближает человека с Богом и раскрывает Его Промысел.

Так проявляются в сердце человека два противостоящих друг другу архетипа. Природа человека диалектична, а потому и трагична. Христианский путь изначально трагичен. А как иначе можно понять Новый Завет?

И если путь власти/послушания порождает торжествующего тирана, то путь свободы/бунта создает трагического героя, жертвенно идущего на крест, на костер или в политизолятор.

На костер может пойти не один герой, а весь народ.

Так бывало не раз – вспомним хотя бы Альбигойцев [Осокин, 1869/1872]. Может быть, в сказанном здесь содержится уже ответ на поставленный ранее вопрос.

Но все же нужны еще и некоторые детали для дальнейшего разъяснения нашей позиции.

Западная культура зародилась когда-то в Афинах и Иерусалиме, продолжилась в Риме, а для нас еще и в Византии. Из Древней Греции на века и тысячелетия прозвучал голос Платона о Совершенном государстве, которое состоит из трех сословий: *правителей, воинов* и *ремесленников*. Правителями могут быть только философы. Для правителей и воинов существенно владение *идеей блага* [Платон, 1971]:

> Ты часто уже слышал: идея блага – вот это самое важное знание; ею обусловлена пригодность и полезность справедливости и всего остального (505a).

Совершенное государство справедливо:

> ...Закон ставит своей целью не благоденствие одного какого-нибудь слоя населения, но благо всего государства. То убеждением, то силой обеспечивает он сплоченность всех граждан, делая так, чтобы они были друг другу взаимно полезны в той мере, в какой они вообще могут быть полезны для всего общества. Выдающихся людей он включает в государство не для того, чтобы предоставлять им возможность уклоняться куда кто хочет, но чтобы самому пользоваться ими для укрепления государства (519e-520a).

Но ложь в нем не исключается:

> А вот: чего доброго, этим правителям потребуется у нас нередко прибегать ко лжи и обману – ради пользы тех, кто им подвластен. Ведь мы уже говорили, что подобные вещи полезны в виде лечебного средства (459 c-d).

Теперь несколько слов о целостности государства, актуальных и в наше время:

> Может ли быть, по-нашему, большее зло для государства, чем то, что ведет к потере его единства и распадению на множество частей? И может ли быть большее благо, чем то, что связует государство и способствует его единству?
>
> По-нашему, не может быть (462 a-b).

У Платона все освещается наивным коммунистическим идеалом: отсутствие у воинов какой-либо собственности (416d), общность жен и детей:

> Все жены этих мужей должны быть общими, а отдельно пусть ни одна ни с кем не сожительствует. И дети тоже должны

быть общими, и пусть отец не знает, какой ребенок его, а ребенок – кто его отец (457d).

Еще суровее абсолютизм проявляется в последнем диалоге Платона Законы [Платон, 1972а]:

...Всегда – и на войне и в мирное время – надо жить с постоянной оглядкой на начальника и следовать его указаниям (942b).

В этом же диалоге имеются пространные рассуждения о наказаниях за любой поступок:

Вообще никто никогда не должен оставаться безнаказанным за какой бы то ни было поступок, даже если совершивший его бежал за пределы государства (855c).

И нам представляется вполне естественным, что в Законах появляются высказывания о жесткой детерминации поведения человека:

...представим себе, что мы, живые существа,– это чудесные куклы богов, сделанные ими либо для забавы, либо с какой-то серьезной целью: ведь это нам неизвестно; но мы знаем, что внутренние наши состояния, о которых мы говорили, точно шнурки или нити, тянут и влекут нас каждое в свою сторону и, так как они противоположны, увлекают нас к противоположным действиям, что и служит разграничением добродетели и порока. Согласно нашему рассуждению, каждый должен постоянно следовать только одному из влечений, ни в чем от него не отклоняясь и оказывая противодействие остальным нитям, а это и есть златое и священное руководство разума, называемое общим законом государства (644e).

Для меня осталось непонятным, как вера Платона в благость власти совмещалась у него со всей глубиной его метафизического прозрения. Да, с именем Платона оказались связанными как возникновение и развитие возвышенной европейской метафизической философии, так и развитие европейского, отнюдь не гуманного утопизма.

Мы всегда в настоящем ищем следы прошлого. И сейчас хочется спросить: то, что произошло в нашей стране, своими корнями не уходит ли к платоновскому утопизму? Наша система – это, пожалуй, первая удавшаяся, т. е. растянувшаяся на десятилетия, реализация платоновской идеализации. Правда, при этом возникли не предвиденные Платоном трудности: (1) Как безукоризненно производить отбор правящих философов? (2) Как задать единую идею блага для всего государства? (3) Как далеко может заходить ложь? (4) Непрестанная оглядка на начальника не может ли напрочь погубить всякую инициативу? (5) Наказание

за любой неугодный поступок не превращается ли в репрессии? (6) Сколь много крови можно проливать за сохранение цельности того, что стремится к разделению? (7) Учение о человеке как о кукле в наши дни звучало бы слишком наивно – его пришлось заменить на представление о свободе как осознанной необходимости, да и вместо слова «кукла», в соответствии с терминологией научно-технического прогресса, пришлось воспользоваться словом «винтики».

Противостояние власти также возникло у истоков нашей культуры – в Древней Греции. Первым исторически зафиксированным анархистом-космополитом был философ-схоласт Антифонт (родившийся в середине V века до н. э.). Сохранились фрагменты его сочинений. Один из них – трактат О б и с т и н е – может быть назван анархическим манифестом [Лурье, 1925]. Вот отрывок из этого сочинения:

> ...Большая часть того, что справедливо с точки зрения закона, враждебна человеческой природе. ...То, что полезно в силу природы, ведет к свободе (с. 65–66).

Оценивая влияние Антифонта, С. Я. Лурье пишет:

> Еще долгое время спустя после появления в свет трактата «Об истине» учение Антифонта пользовалось среди части афинской молодежи шумным успехом (с. 143).
>
> Подлинное учение Антифонта «людьми порядка» в древности всегда считалось вредным парадоксом... (с. 149)

Особенно ярко проявилось противостояние власти в первоисточниках христианства [25].

Отметим здесь прежде всего искушение властью Иисуса в пустыне:

> Мф 4 [8] Опять берет Его диавол на весьма высокую гору и показывает Ему все царства мира и славу их,
> [9] и говорит Ему: всё это дам Тебе, если, пав, поклонишься мне.
> [10] Тогда Иисус говорит ему: отойди от Меня, сатана, ибо написано: Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи.
> [11] Тогда оставляет Его диавол, и се, Ангелы приступили и служили Ему.

Отметим здесь прежде всего то, что прерогатива власти оказывается принадлежащей дьяволу. С еще

---

[25] Анархическая устремленность изначального христианского учения освещена в книге Жака Эллюля [Ellul, 1987].

большей отчетливостью эта мысль формулируется в другом Евангелии:

Лк 4 [6] И сказал Ему диавол Тебе дам власть над всеми сими *царствами* и славу их, ибо она предана мне, и я, кому хочу, даю ее.

Это, несомненно, одно из сильнейших пророческих утверждений христианской мысли.

В другом месте Христос предупреждает против устремленности к власти и в среде своих учеников:

Мф 20 [25] Иисус же, подозвав их, сказал: вы знаете, что князья народов господствуют над ними, и вельможи властвуют ими;
[26] но между вами да не будет так: а кто хочет между вами быть бóльшим, да будет вам слугою;
[27] и кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом;
[28] так как Сын Человеческий не *для того* пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих.

Христос отказывается от того, чтобы выступить в роли судьи в текущих житейских делах:

Лк 12 [13] Некто из народа сказал Ему: Учитель! скажи брату моему, чтобы он разделил со мною наследство.
[14] Он же сказал человеку тому: кто поставил Меня судить или делить вас?

И наконец, приведем слова из Нагорной проповеди:

Лк 6 [27] Но вам, слушающим, говорю: любите врагов ваших, благотворите ненавидящим вас,
[28] благословляйте проклинающих вас и молитесь за обижающих вас.
[29] Ударившему тебя по щеке подставь и другую, и отнимающему у тебя верхнюю одежду не препятствуй взять и рубашку.
. . . . . .
[36] Итак, будьте милосерды, как и Отец ваш милосерд.
[37] Не судите, и не будете судимы; не осуждайте, и не будете осуждены; прощайте, и прощены будете.

Эти вдохновенные слова в большей степени, чем какие-либо другие, отображают сущность христианской вести. И как можно их сочетать с идеалом государственности, покоящимся на принуждении и наказании?!

Здесь мне хочется привести еще приятно поразившие меня слова С. Аверинцева, попадающие в резонанс с тем, что было только что сказано выше [Аверинцев, 1970]:

Новозаветное христианство явилось трансформацией и снятием принципа теократии. Христос описывается как носитель всей абсолютной полноты теократических полномочий, как тот, кому «дана... всякая власть на небе и на земле» (Евангелие от Матфея [28.18]) [26], царь, первосвященник и пророк в одном лице. Но он въезжает в Иерусалим не на боевом коне, но на мирном осле, и вместо устроения мессианского владычества над народами передает себя на крайнее унижение и казнь: его теократический сан остается тайным и духовным, реализуясь на плоскости политического факта в обращенном, негативном виде (с. 200).

Хочется здесь обратить внимание и на то, что у Ф. Достоевского – христианствующего русского философа – основной темой была проблема: *насилие* (ради кажущегося блага) против человеколюбивого нравственного идеала новозаветного христианства [27]. Как бы ни были различны Достоевский и Толстой как мыслители, они в конце концов должны были рассмотреть одну и ту же проблему. Именно теперь, после более чем 70-летнего эксперимента, мы начали понимать, почему эта тема предчувствовалась как основная в трагической судьбе России, стоящей на водоразделе Европы и Азии.

Здесь мы не можем удержаться от того, чтобы привести замечательные слова Н. Бердяева о понимании Достоевским «свободы духа» как темы религиозной [Бердяев, 1990а]:

В профетической «Легенде о Великом Инквизиторе» есть гениальное прозрение не только об авторитарном католичестве, но и об авторитарном коммунизме и фашизме, о всех тоталитарных режимах. И это верно относительно исторических теократий прошлого. «Легенда о Великом Инквизиторе» и многие места в «Бесах» могут быть истолкованы главным образом как направленные против католичества и революционного социализма. Но в действительности тема шире и глубже. Это есть тема о царстве кесаря, об отвержении искушения царством мира сего. Все царства мира сего, все царства кесаря, старые монархические царства и новые социалистические и фашистские царства основаны на принуждении и на отрицании свободы духа. Достоевский, в сущности, религиозный анархист, и в этом он очень русский. Вопрос о социализме, русский вопрос об устройстве человечества по новому штату есть религиозный вопрос, вопрос о Боге и бессмертии. Социальная тема оставалась в России религиозной темой и при атеистическом сознании (с. 141).

---

[26] Ссылка уточнена.

[27] Относящиеся сюда материалы можно найти в книге Ю. Г. Кудрявцева [Кудрявцев, 1991].

Опираясь на развиваемые нами представления о многомерности семантики текстов [Налимов, 1989], мы можем предложить модель поведения христианина. Желая осознать свое отношение к проблемам *власти*, личность, воспитанная в традициях христианской культуры, создает в глубинах своего сознания двухмерную семантическую структуру, отражающую противостояние: насилие – ненасилие. Корреляционная связанность двух моральных начал позволяет принимать компромиссные решения. На компромиссах такого рода и строилось развитие Западной культуры в течение двух тысячелетий. Лишь в отдельные, сурово напряженные кризисные ситуации вероятностная структура морально-этических оценок радикально изменялась. Происходила ортогонализация двух составляющих [28]. Появлялись противостоящие общественно-политические деятели, ориентированные, с одной стороны, на беспрекословную диктатуру, с другой – на идеалы анархизма.

Россия – страна издревле мессиански ориентированная – задолго предчувствовала беду насильственных попыток нового мироустройства. Отсюда и страстный протест против власти у раннего русского революционера М. Бакунина, дворянина по происхождению, у анархиста-революционера князя П. Кропоткина, у графа Л. Толстого, у Ф. Достоевского, у философа-экзистенциалиста Н. Бердяева, у поэта М. Волошина, остро воспринимавшего судьбу России. Сегодня мы можем сказать, что пророческими оказались слова Бакунина, прозвучавшие почти 120 лет тому назад [Бакунин, 1989а]:

> Они (марксисты. – *Авт.*) говорят, что такое государственное ярмо, диктатура есть необходимое переходное средство для достижения полнейшего народного освобождения: анархия, или свобода, – цель, государство, или диктатура, – средство. Итак, для освобождения народных масс надо их сперва поработить.
>
> На этом противоречии пока остановилась наша полемика. Они утверждают, что только диктатура, конечно их, может создать народную волю, мы отвечаем, что никакая диктатура не

---

[28] На математическом языке ортогонализация двух корреляционно связанных величин описывается как соответствующим образом выбираемый поворот координатных осей и перенос их центра. Если опираться на математическую модель сознания, то естественно включить в нее и эту возможность.

может иметь другой цели, кроме увековечения себя, и что она способна породить и воспитать в народе, сносящем ее, только рабство; свобода может быть создана только свободою, т.е. всенародным бунтом и вольною организациею рабочих масс снизу вверх (с. 484).

По нашему мнению, раз овладев им (государством. – *Авт.*), он (народ. – *Авт.*) должен немедленно его разрушить, как вечную тюрьму народных масс; по теории же г. Маркса, народ не только не должен его разрушать, напротив, должен укрепить и усилить и в этом виде передать в полное распоряжение своих благодетелей, опекунов и учителей – начальников коммунистической партии, словом, г. Марксу и его друзьям, которые начнут освобождать по-своему. Они сосредоточат бразды правления в сильной руке, потому что невежественный народ требует весьма сильного попечения; создадут единый государственный банк, сосредоточивающий в своих руках все торгово-промышленное, земледельческое и даже научное производство, а массу народа разделят на две армии: промышленную и землепашественную – под непосредственною командою государственных инженеров, которые составят новое, привилегированное науко-политическое сословие (с. 485–486).

Но эксперимент – кровавый и тяжкий – все же был поставлен. Он длился более семидесяти лет. И все произошло именно так, как было предсказано. Это поразительно. Не много оправдавшихся прогнозов знает история.

Произошло невиданное доселе срастание государства с правящей партией. Государственность, опиравшаяся на 18 млн. членов партии, проникла во все поры жизни. Одной паутиной оказались охвачены все проявления общества: промышленность, сельское хозяйство, наука, медицина, искусство, церковь.

И тем не менее в какой-то момент неожиданно возникли неподконтрольные метастазы власти. Первой жертвой метастазирующего разрастания власти стало село. И страна начала импортировать зерно. Но и город стремился не отстать во всех своих проявлениях, начиная от охранительнх органов и кончая наукой. В Академии ее верхний эшелон в своем большинстве начал уклоняться от творческой деятельности, обратив свои усилия на подавление неугодных, конкурирующих инициатив. В армии кроме традиционно существующей власти офицерско-генеральского состава возникла разрушающая власть дедовщины. В системе исправительно-трудовых лагерей кроме официально установленной власти возникла власть блатного мира, опирающаяся на собственную квазиидео-

логию, и эта идеология выплеснулась из лагерей в мир общегражданской жизни. Не отсюда ли в том числе потеря уважения к труду? Все общебытовые учреждения ощутили власть в своих руках. Заходя в магазин, мастерскую, билетную кассу, поликлинику или библиотеку, вы начинаете ощущать себя не клиентом, а жалким вассалом, обращающимся к феодалам разных уровней значимости.

Ощутив себя союзниками, властители начали перестраивать экономику страны в соответствии со своими локальными интересами, никак не совпадающими с интересами страны в целом. Такой процесс саморазрушения власти не мог предвидеть даже и Бакунин.

Метастазирование власти привело наконец к тому, что руководству партии пришлось заговорить о *перестройке*. Но сюзерены всех рангов, естественно, бешено сопротивляются ей. Возникла острая борьба между демократическими силами страны и *номенклатурой* – новой, невиданной ранее коагуляцией власти в высших ее эшелонах. Это совершенно новое явление в истории человеческого общества. Кажется наконец началось его изучение [Восленский, 1990].

Теперь вернемся к первому десятилетию существования нашей страны. Уже с середины этого десятилетия (или чуть позже) я начал активно интересоваться мировоззренческими вопросами, включающими в себя философские аспекты науки, морально-этическую проблематику, темы религиозного и мистического звучания.

Особенно остро в те годы стоял вопрос о власти. Опасность обращения к ней как средству построения нового, идеального общества была очевидна для многих. Шли острые дискуссии – тогда еще оставались на свободе анархисты, толстовцы, теософы и многие сектанты разных толков.

Помню семинары, проходившие у толстовцев в годовщину столетия со дня рождения Л. Толстого. Помню музей П. Кропоткина – кажется, единственное тогда негосударственное учреждение в Москве. В достаточно просторном подвальном помещении этого музея отмечался первомайский праздник, традиционно считавшийся праздником, введенным анархистами. Там среди ветеранов революций я видел М. Т. Сажина, сподвижника Бакунина, участника Парижской комму-

ны (мне однажды даже пришлось навестить его дома – связь поколений сохранялась). В другие дни читались лекции на философские темы, свободные от идеологического давления. Музей Кропоткина во второй половине 20-х годов был чуть ли не единственным в Москве незаконспирированным островком свободной мысли. Именно там я впервые почувствовал ее дыхание. Эта приверженность к свободной мысли сохранилась у меня на всю жизнь.

В плане историческом я вижу смысл русского анархизма в предотвращении попытки насильственного построения коммунизма, в поиске других, компромиссных решений. Основная идея анархизма состоит в том, что человеку изначально свойственна устремленность к свободе. Никакие цели – как бы заманчиво, а иногда и величественно они ни формулировались – не могут быть осуществляемы в ущерб свободе. Эта мысль не была воспринята – в противовес ей был поставлен эксперимент в масштабах всей страны. Во что он обернулся, теперь уже многие хорошо осознают. Но ведь можно было этот трагический эксперимент и не ставить, если бы природа человека была понята своевременно. Но это уже вопрос культуры и содержания сознания «вождей» человечества.

Анархическое движение было крайне неоднородно. Размах простирался от толстовских коммун до махновской деспотии. Где-то в этом спектре разномыслия нашло себе место направление, известное как движение анархистов-коммунистов. Из их среды выкристаллизовалась устремленность к созданию культуры, развитие которой должно было бы опираться на приобщение к вселенскому (духовному) началу жизни. Иногда это направление называлось мистическим анархизмом. Вместо зачумленного обруганного слова «анархия» предлагалось обращаться к более мягко звучащему слову *акратия*. Из политического течения анархизм стал превращаться в философское или даже в философско-религиозное движение мысли.

В начале революции идеи анархизма получили широкий отклик в народе [29]. Часть анархистов искала

---

[29] В книге С. Н. Канева [Канев, 1974] говорится:

В конце 1917 и первой четверти 1918 г. наблюдается дальнейшее расширение сети анархистских организаций: в 1918 г.

пути к сотрудничеству с Советами [30], надеясь на децентрализацию власти.

Из всех направлений политического инакомыслия анархисты (или – точнее – часть из них) продержались дольше всех других. Вот как оценивает Канев гибель русского анархизма [Канев, 1974]:

> Исчезновение анархизма не только как политического, но и идейного течения с арены жизни советского общества было, как мы видели, результатом не насильственных мер, а следствием последовательной идейной борьбы Коммунистической партии и коренных социальных преобразований, проведенных на основе ленинского плана построения социализма (с 401).

Извините, но это уже обычная, хорошо знакомая нам ложь. Могу засвидетельствовать: широкие аресты анархистов начались осенью 1930 г. и повторились затем в 1936–1937 гг. Их насильственно истребили, как и многих других.

В наши дни всеобщего огосударствления мы наблюдаем прямо-таки оскорбительное отношение к анархизму в целом. Вот, скажем, у академика Б. Раушенбаха находим такое высказывание [Гук, 1990]:

> Сегодня у нас понимают демократию как реализацию лозунга «Я имею право!» (или «Мы имеем право!»), но мало кто замечает, что это вовсе не призыв к демократии, а призыв к анархии. Это у анархистов каждый делает, что считает нужным, и плюет на всех других.

анархистские организации всех видов, как общие, так и отдельных течений, существовали в 130 городах и поселках.

[30] В упомянутой выше книге [Канев, 1974] читаем:

> За участие в работе Советов высказывался и один из видных теоретиков анархизма-коммунизма А. А. Карелин (с. 105).
>
> Несмотря на то, что на всероссийских съездах Советов анархисты были представлены небольшим числом депутатов, их представители избирались в состав ВЦИК. В третьем и четвертом созывах ВЦИК было по три анархиста, а в пятом и седьмом – по одному.
>
> Анархисты во ВЦИК имели свою партийную фракцию... Вся деятельность анархистов-коммунистов во ВЦИК была направлена на то, чтобы дискредитировать Советскую власть. С этой целью они и вошли в верховный орган власти (с. 108–109).

Это уже комментарии правоверного историка, видимо так и не понявшего, что и в те ранние годы речь шла прежде всего о предупреждении против веры во всесилие власти. В наши дни стала очевидной вся серьезность этого неуслышанного предупреждения.

Так, кстати и некстати, замарывается выстраданное болью российское движение к свободе. Любопытен парадокс: в нашей официальной идеологии говорилось об отмирании государства при «полном коммунизме». Таким образом, безвластие рассматривалось, с одной стороны, как разбой, с другой – как важная и конечная фаза развития общества. И что же показал эксперимент: за последние 70 лет намеченные социальные преобразования произошли, но при этом огосударствление жизни достигло чудовищных размеров. Не следует ли отсюда, что прогноз теоретиков анархизма оправдался?

Русский анархизм – это своеобразное и примечательное явление российской культуры. Теперь это направление социально-философской мысли забыто и поругано. Правда, надругательство над прошлым пронизывает всю нашу жизнь – я не знаю кладбищ ни своих ближайших предков, ни многих родных, друзей, учителей. «С глаз долой – из сердца вон». Нет, пепел не только остался, но и стучит в наших сердцах. Должен стучать, иначе рвется преемственность Жизни.

Может быть, анархическая мысль была слишком наивна, нетерпелива, утопична. Но в этой мысли прозвучала российская *боль*. Боль утраты гуманного, христианского в своей основе отношения к человеку, жаждущему милосердия и свободы. Боль, неявно идущая от Достоевского и уже совершенно отчетливо – от Толстого. Боль, прозвучавшая сначала в сердцах дворянства, а потом – интеллигенции, нашла свой отклик и в русском бесшабашном и часто жестоком бунте, уходящем своими корнями еще к временам Стеньки Разина и Емельяна Пугачева.

Уйдя от этой черты российского характера, задавив ее силой гегелианско-марксистской идеологии и властью тюрьмы и лагеря, мы подошли к катастрофе сегодняшнего дня. И никакая экономическая реформа сама по себе не выведет из кризиса. Российскому духу нужна русская вольность. Сломив ее, сломили и самого человека.

Отметим здесь, что именно анархизм оказался тем революционным движением, которое довольно скоро поняло, что проблема благоустройства общества, свободного от насилия, должна прежде всего замкнуться на философский вопрос, звучащий так: что есть Этика,

какова ее природа, какова роль морально-этического начала в сознании человека? Вот что об этом писал Бердяев [Бердяев, 1990б]:

> Бакунин... русский барин, объявивший бунт... Анархисты хотят революции через народ, якобинцы – через государство... Бунту придается почти мистическое значение... Бакунин был интересной, почти фантастической русской фигурой... Главная слабость его мировоззрения – в отсутствии сколько-нибудь продуманной идеи личности... Анархизм Кропоткина был несколько иного типа. Он менее крайний, более идиллический, он обосновывается натуралистически и предполагает очень оптимистический взгляд на природу и на человека. Кропоткин верит в естественную склонность к кооперации. Метафизическое чувство зла отсутствовало у анархистов. Анархический элемент был во всем русском народничестве (№ 2, с. 97–99).

Недавно я получил из Принстона книгу П. Аврича Портреты анархистов [Avrich, 1988]. В ней есть отдельная глава «Этический анархизм Кропоткина» (с. 53–78):

> Книга «Взаимопомощь» стала классикой [31]. После его воспоминаний это наиболее известная книга Кропоткина, которая оценивается как его шедевр. Она переведена на многие языки, азиатские и европейские, и переиздавалась многими издательствами. Это легко объяснить. Книга «Взаимопомощь» есть нечто большее, чем просто вклад в теорию эволюции. Она является краеугольным камнем кропоткинской философии анархизма. Прежде всего это наиболее удачная его попытка научно обосновать теорию анархизма (с. 59).

В 20-е годы, как уже говорилось выше, делались попытки развить представление о свободе (акратизме) с религиозно-философских позиций. Но для раскрытия этой темы материалы еще не готовы.

Может быть, настало время изучить и осветить забытое движение к вольности, воздав должное жертвенно павшим в неравной борьбе.

7. Устремленность к социальной справедливости

Философ В. М. Межуев [Межуев, 1990] называет наше общество «модернизированной азиатчиной». В пояснение к этому говорится:

---

[31] Книга П. А. Кропоткина Взаимопомощь как фактор эволюции впервые вышла в Англии в 1902 г. Первое русское издание состоялось в 1904 г. Автором был назван П. Кр-ин. Второе издание 1906 г. было конфисковано. Широко известно третье издание 1907 г. [Пирумова, 1972].

«Реальный социализм» оказался на практике чисто «азиатским» путем создания индустриального общества, использующего в этих целях методы государственного насилия и внеэкономического принуждения к труду (с. 29).

Позиция Межуева перекликается со столь популярной в 20-е годы евразийской теорией [32], созданной русскими учеными-эмигрантами. В годы Сталина, а позднее и Брежнева, мы, конечно, явно ощущали преобладание азиатского начала в реализации европейского замысла Марксовой теории. Но все же в странах Восточной Европы, чуждых азиатскому влиянию, совершилось все то же, что и у нас, хотя и в слегка смягченном варианте. Наша азиатская составляющая придала лишь особенную окрашенность происходящему.

Разочарование в идее социализма стало сейчас широко распространенным явлением. Особенно остро пройденный опыт переживают те, кто был его участниками. Вот одна из наиболее ярких оценок, данная И. Р. Шафаревичем [Шафаревич, 1977]:

Вряд ли есть необходимость доказывать, что одной из основных сил, под влиянием которой развивается современный кризис человечества, является СОЦИАЛИЗМ. Он и способствует углублению этого кризиса как сила, разрушающая «старый мир», и берется указать выход из кризиса. Поэтому стремление понять социализм: его происхождение, движущие его силы, цель, к которой он ведет, – диктуется просто инстинктом самосохранения, страхом оказаться с завязанными глазами на перепутье, когда выбор дороги может определить все будущее человечества (с. 7–8).

Мне хочется осветить, хотя бы коротко, ситуацию с других, не столь мрачных позиций.

(1) Человек, несомненно, нуждается в социальной защите, в социальной справедливости. Как и в какой степени это можно сделать – вопрос, на который каждая культура находила свой ответ. Часть из ответов – противоборствующие по своему характеру. В нашей культуре один из ответов прозвучал так: необходима «гегемония пролетариата». Эксперимент показал, что миллионов кровавых жертв оказалось недостаточно для решения поставленной задачи. Потерпела крах не

[32] Согласно этой теории, Россия связана более с Азией, нежели с Европой. Напомним: некогда Россия входила в империю, созданную Чингисханом.

сама идея социализма, а представление о возможности ее *насильственной* реализации.

(2) Идея социализма по своей природе архетипична, по крайней мере для Западного мира. Истоки ее, с одной стороны, уходят опять-таки в Древнюю Грецию. У упоминавшегося уже выше Антифонта мы находим такие слова [Лурье, 1925]:

> Что мудрого в том, что мы детей *знатных родителей чтим и уважаем; людей же низкого происхождения не чтим и не уважаем. Ведь мы ведем себя при этом, как настоящие варвары. В самом деле, от природы мы все и во всем устроены одинаково – и варвары и эллины. Стоит только обратить внимание на то, что от природы неизбежно присуще всем людям*... (с. 160).

С другой стороны, еще раньше, в Ветхом Завете, встречаемся с такими высказываниями:

> Ис. 3 [14] Господь вступает в суд со старейшинами народа Своего и с князьями его: вы опустошили виноградник; награбленное у бедного – в ваших домах.
>
> Ис. 5 [8] Горе вам, прибавляющие дом к дому, присоединяющие поле к полю, так что *другим* не остается места, как будто вы одни поселены на земле.

Резко отрицательное отношение к богатству мы находим в Новом Завете:

> Мф 19 [23] Иисус же сказал ученикам Своим: истинно говорю вам, что трудно богатому войти в Царство Небесное;
> [24] и еще говорю вам: удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие.

Эти слова повторяются в Евангелиях от Марка и Луки. Похожие слова говорятся и о сокровищах:

> Мф 6 [19] Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут;
> [20] но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут;
> [21] ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше.
>
> Лк 12 [15] При этом сказал им: смотрите, берегитесь любостяжания, ибо жизнь человека не зависит от изобилия его имения.

> Лк 18 [22] ...Иисус сказал ему: еще одного недостает тебе: все, что имеешь, продай и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах, и приходи, следуй за Мною.

Евангелия полны таинственности. Многое неясно, недосказано. Многое оказывается за горизонтом видимого. Многое может быть истолковано существенно иначе. Новый Завет – это не программа к действию. В нем нет логически очерченной догмы. Он – свободно

текущая проповедь; каждому дано воспринимать ее в меру подготовленности его сознания.

За два тысячелетия все ереси, все духовные учения, все революции оказались связанными с христианским учением, а самого христианского учения, строго говоря, не было. Не было систематического, логизированного учения, скажем логизированного хотя бы в такой степени, как буддизм. Христос в своей проповеди не учил, а пробуждал в человеке то, что может в нем проснуться... И Иуда тоже был Его учеником – так откликнулась Его проповедь в нем. А потом сколько раз это повторилось в европейской истории. Мы все можем свидетельствовать это.

Удивительна своей проницательностью книга Г. Кюнга [Küng, 1974] [33]. Он формулирует и критически рассматривает вопросы, выходящие за пределы традиционной теологии. Один из вопросов звучит так: был ли Иисус социально-политическим революционером? [34] На него дается отрицательный ответ (с. 179), хотя подчеркивается, что Иисус был «казнен римлянами по политическим мотивам способом, применявшимся только по отношению к рабам и политическим мятежникам». Среди Его учеников были революционеры (возможно, что им был и Иуда Искариот), а Галилея была наиболее чувствительна к революционному призыву (с. 175). Но, подчеркивает Кюнг,

> ...*То, что Он начал, оказалось ненасильственной революцией: революцией, проистекающей из неизведанных глубин человеческой природы, из центра человеческой личности, из сердца человека и направленной в общество* (с. 183).

Далее звучат достаточно революционные и опять-таки безнасильственные определения задач Церкви:

> ...Церковь сама должна быть *местом свободы и одновременно защитницей свободы в мире* (с. 473).

---

[33] Эта книга находится в Библиотеке ИНИОН РАН в спецхране. С большим трудом я получил возможность познакомиться с ней даже весной 1991 г., когда многое, казалось бы, изменилось.

[34] Кюнг отмечает, что эта тема возникла еще в XVIII веке, далее она была поддержана многими, в том числе и известным теоретиком социал-демократии К. Каутским. Особое внимание этой теме было уделено анархистами мистического направления. Помню, какой интерес вызвала работа А. А. Солоновича Христос и христианство, отпечатанная ротапринтно в 20-х годах. Это был тогдашний самиздат.

...Церковь сама должна быть *сосредоточением равноправия и одновременно защитницей равноправия в мире* (с. 474).

...Церковь сама должна быть *родиной братства и одновременно защитницей братства в мире* (с. 475).

Нельзя не согласиться с тем, что Христос не был социально-политическим революционером в том смысле, как мы теперь преимущественно понимаем этот термин. Но также несомненно и то, что Его проповедь стимулировала все последующие, не только реформаторские, но и социально-политические движения. Это утверждение нельзя строго доказать, но можно легко обосновать, всматриваясь в историю двух последних тысячелетий. Все это время шла непрестанная реинтерпретация исходной проповеди. Подчас это переосмысление оказывалось столь радикальным, что идея *ненасилия* трансформировалась в свою антитезу – идею безудержного насилия. И насилие начинало осуществляться во имя того самого идеала, который вмещал в себя ненасилие, осуществляемое через любовь (или хотя бы терпимость) по отношению к своим врагам. Два тысячелетия ушло на то, чтобы решить вопрос – кто все же оказался прав: сам Христос или Его политизированный ученик Иуда. В этом – трагедия европейской культуры. Завершающий эксперимент был поставлен у нас – на водоразделе цивилизованной Европы и кочевой Азии. Запад теперь из скромности (и парадигматического уюта) заменил евангельское наставление «любовь к врагам» на культурологический «гуманизм», который оказался противопоставленным суровости так называемой «классовой морали».

Напомним здесь два пророческих высказывания:

Мф 10 [34] Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч.

Мф 26 [52] Тогда говорит ему Иисус: возврати меч твой в его место, ибо все, взявшие меч, мечом погибнут.

С одной стороны – призыв к активному, по существу революционному действию, с другой — предупреждение против любого насилия, даже когда насилие выступает в защиту. Нам – так по крайней мере представляется мне – было оставлено право принимать решение. Ибо проповедь была не декларацией, а свободным учением, оставляющим выбор на совести слушающего. Каждому дано слышать так, как он может.

В наши дни, кажется, ситуация существенно изменилась. На смену одним проблемам пришли другие –

значительно более сложные, подход к решению которых опять-таки не ясен.

Во всяком случае, очевидно, что в высокоразвитых странах проблема социальной справедливости потеряла свою былую остроту[35]. Однако когда ездишь по США, то поражаешься множеству нищенствующих, особенно в южных городах. Но эта нищета носит уже иную окрашенность: американское общество было бы готово обустроить этих нищенствующих, но здесь есть серьезное опасение – не потеряет ли страна свой трудовой потенциал, если откроет возможность безбедной праздности? Как может быть решен этот вопрос?[36] Как может быть решен вопрос о соотношении развитых и развивающихся стран? Создается такое впечатление, что многие так называемые развивающиеся страны совсем не готовы к тому, чтобы развиваться. Сравните Японию и Индию – одна из них, несмотря на все превратности истории (включая и позорное поражение в последней войне), за короткое время вышла на передовые рубежи, а другая меняется крайне медленно.

---

[35] В упоминавшейся уже выше работе Межуева [Межуев, 1990], опубликованной во вполне официальном издании, дается следующая оценка:

> Уже сегодня многие развитые страны Запада демонстрируют способность к социальным реформам (без применения революционного насилия), которые раньше считались принадлежностью исключительно лишь социалистических программ. Сокращение рабочей недели и увеличение свободного времени, повышение жизненного уровня и социального обеспечения широких слоев населения, рост образования и массовой культуры, защита прав личности и многое другое осуществляется там не в результате социалистической революции, а в ходе эволюции самой экономической системы. Это, конечно, еще не социализм, но уже и не капитализм в традиционном смысле этого слова. Похоже на то, что сам капитализм становится сегодня совершенно иным, чем он представлялся в прошлом веке (с. 29–30).

[36] Обратим здесь внимание на то, что экономическая одряхлелость (или усталость) нашей страны во многом связана с тем, что для всех (желающих того) была открыта возможность уравнительного, полунищенского существования – вне трудовой напряженности. За десятилетия заведования лабораторией я не мог уволить ни одного сотрудника – разве что уговорить его уйти самому. А в Институте научной информации Гарфилда (США, Филадельфия) на моих глазах было уволено около сорока сотрудников. Сурово? Но как можно иначе? И увольнение прошло спокойно, без истерий. Люди считают такой исход ординарным явлением и готовятся к нему заранее морально и материально – человек там не живет от зарплаты до зарплаты, там иная социальная реальность.

Может быть, не всем народам доступна напряженность жизни, которая существует в развитых странах, да и сами высокоразвитые страны долго ли будут в состоянии переносить избранную ими напряженность? И главное, выдержит ли Земля напряженность, необходимую для всеобщего благополучия безгранично растущего человечества? Но ясен и другой аспект этой проблемы. Безусловно, что долго не сможет продолжаться ситуация, при которой одни страны будут беспредельно богатеть, а другие прозябать в бедности, и при этом их нищета будет сочетаться с высоким уровнем вооруженности, готовой не только к индивидуальному террору, но и к действиям более серьезным. Проблема межнационального распределения богатства теперь уже выходит далеко за границы только морально-этического рассмотрения.

Вот так – до полной неузнаваемости – изменилась проблема социально справедливого, безнищенского существования.

Будет ли эта проблема решаться как прежде, опираясь на Благую Весть прошлого, или человечество будет ждать нового Откровения, которое может прийти из глубин его духовного опыта?

Глава XI

В ПОИСКАХ ЦЕЛОСТНОГО ОБРАЗА ЧЕЛОВЕКА[1]

Предисловие

Ранее мы уже много говорили о природе человека [Налимов, 1989]. Но этого оказалось недостаточным для того, чтобы осветить тему, поставленную в этой работе. К сказанному ранее придется добавить новые слова, раскрывающие, с одной стороны, поведение человека в крупных социальных конфликтах, с другой – обитание человека во Вселенной.

1. Краткий экскурс в историю

Хочется хотя бы бегло взглянуть на то, как выглядит с высказанных позиций история двух крупнейших событий XX века – построения российского развитого социализма и немецкого национал-социализма.

Истоком обоих событий была война 1914 года. Чем она была вызвана? Кто несет ответственность за ее развязывание? В чем ее сакральный смысл? На что надеялись победители? На все эти и подобные вопросы вряд ли можно дать однозначный, убедительно звучащий ответ.

Скорее всего, эту тему можно осветить так.

Войны проходят красными нитями через всю историю человечества. Их частные, локальные причины, по-видимому, анализировать бесполезно. Здесь, вероятно, есть одно, если хотите, оккультно звучащее объяснение. Войны нужны были для того, чтобы разрушать обветшалое и порождать новое. Они, говоря словами Л. Н. Гумилева, нужны были для реализации пассионарности национального масштаба, без которой немыслима история. Может быть, к войнам нас готовила наша Праматерь – божество Земли – Гея? Но прошлое не сработало должным образом в XX веке.

[1] Ранее опубликовано в журнале Полис, 1992, № 3, с. 100–112.

Чрезмерная, невиданная ранее техничность выхлестнула события за привычные границы. Всякая война – трагедия. Здесь развернулась сверхтрагедия.

I. Загадка русской революции

Бунт – дни всенародного восстания – я видел ребенком. Красные флаги, красные повязки, красным заклеенные кокарды на фуражках – море красного. Ощущение всеобщего подъема, ожидание нового – невиданного, небывалого. Стихия рванувшихся в неведомое.

Я хотел бы это описать словами В. Б. Станкевича – прямого участника всех событий, – которые отчасти совпадают с моими детскими воспоминаниями: во время первой мировой войны я видел готовящихся к бунту солдат в госпитале, куда моя мать, врач-хирург, приводила меня во время вечерних обходов.

Итак, вот слова из воспоминаний Владимира Бенедиктовича Станкевича[2] [Станкевич, 1920]:

> ...Кто вел их, когда они завоевывали Петроград, когда жгли Окружной Суд? Не политическая мысль, не революционный лозунг, не заговор и не бунт. А стихийное движение, сразу испепелившее всю старую власть без остатка: и в городах, и в провинции, и полицейскую, и военную, и власть самоуправлений. Неизвестное, и таинственное, и иррациональное, хоронящееся в скованном виде в народных глубинах, вдруг засверкало штыками, загремело выстрелами, загудело, заволновалось серыми толпами на улицах (с 77).
>
> Поражающей чертой в личном составе Комитета является значительное количество инородческого элемента. Евреи, грузины, латыши, поляки, литовцы были представлены совершенно несоразмерно их численности в Петрограде и в стране. Было ли это нездоровой пеной русской общественности, поднятой гребнем народного движения затем, чтобы раз навсегда быть выброшенной из недр русской жизни? Или это следствие грехов старого режима, который насильственно отметал в левые партии инородческие элементы?.. Ведь латышские батальоны, впоследствии ставшие опорой советского режима, были до революции одними из наиболее доблестных и стойких частей русской армии вообще... Как-никак эти инородцы для того

[2] В. Б. Станкевич (1884–1969) – народный социалист, поручик царской армии, секретарь Трудовой фракции в III Государственной Думе, член исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, затем – комиссар ставки Главкомверха (Керенского), комиссар Северного фронта, начальник политотдела в Кабинете Военного и морского министра. Сопровождал на фронт Керенского в июне 1917 г. Масон ([Берберова, 1986], с. 156).

времени выражали и настроения русских солдатских и рабочих масс, которые не нашли представителей, более точно выражающих их правду. И во всяком случае, остается открытым вопрос, кто более виноват – те инородцы, которые там были, или те русские, которых там не было, хотя могли быть. Но факт этот сам по себе имел громадное влияние на склад общественных настроений и симпатий (с. 86–87).

... Свыше 10 миллионов было под ружьем .. (с. 92).

Несомненно, переворот был вызван народным ощущением тяжести войны (с. 96).

...Быть может, только один солдат на сотню тысяч мог формулировать причины войны. Один на десятки тысяч питал чувство враждебности к противнику (с. 103).

Я привел эти длинные, созвучные моей мысли цитаты для того, чтобы показать, что: 1) мир, в котором мы живем, несмотря на весь рационализм нашей культуры, готов к иррациональному бунту – это, наверное, не следует забывать; 2) тысячелетие после крещения Руси не сделало наш народ глубоко христианским – кровавая война могла вестись даже и без понимания ее необходимости; 3) проблема национального противостояния досталась нам в наследство еще из далекого, имперского прошлого, и это, наверное, одно из самых серьезных и опасных наследий.

Мы знаем, что произошло дальше, лишь в той мере, в какой нам дано это знать.

А теперь?

Страна больна – тяжело больна. Истощена сама земля нашей страны, загрязнены ее воды, ее воздух. Красота померкла.

Исчерпал свои силы и сам народ. Изменился генофонд – истреблены самые сильные и смелые, верные свободе[3]. Истреблены семьи непокорившихся интел-

[3] Выборочное истребление некоторой части генофонда, видимо, не раз осуществлялось в истории, как средство гомогенизирования расы в некотором желаемом направлении. Вспомним, как в христианском средневековье иезуиты организовали истребление ведьм – женщин, близко связанных с природой. Вот как это описывает Метцнер [Metzner, 1990]:

Возможно, что христианские церкви более всего должны принести извинение всем женщинам в целом. Враждебное и отчуждающее отношение христианства к женщинам, достигшее своей кульминации в уничтожении инквизицией почти девяти миллионов ведьм, большинство из которых были *язычницами* (т. е. сельскими женщинами), пытавшимися сохранить древнее женское знание о лечении травами, предохранении от зачатия и акушерстве, показывает санкционированное религией женоненавистничество, которое никогда официально христианством

лигентов, предпринимателей (купцов), умельцев (кустарей и крестьян). Прервалась связь поколений – нарушилась преемственность в передаче знаний, обычаев, традиций. Миллионы прошли через Гулаг, среди них и молодежь, наиболее сильно подверженная влиянию окружающего. Многие из них, выйдя на свободу, принесли с собой навыки *блатного* мира, его сознание и систему ценностей. И что же удивляться теперь начавшемуся разгулу преступности, потере уважения к труду (труд в лагере ассоциировался с деятельностью подневольной, он стал синонимом насилия). Труд стал восприниматься как деятельность, унижающая человека, насаждаемая враждебным государством.

Исправительно-трудовые лагеря создали субкультуру, блатную по форме, квазианархическую по смыслу, противостоящую государственному насилию, расшатавшую ценностные установки системы. Насилие само себя высекло. Но жертв было слишком много.

Стонет Земля – останки погибших в ней не захоронены по обычаям предков, а свалены в кучи неизвестно где. И сам я не знаю, куда надо идти, чтобы поклониться праху отца и матери, брата и деда с бабушкой, друзьям юности и учителям своим. Кто может слышать – слышит стоны замученных, оглашающие астральные веси Земли.

Сколько столетий должно пройти, чтобы залечились эти раны? Нам приходится жить в этой атмосфере неумолчного стона, заново воссоздавать дружелюбное отношение Земли к столь тяжко согрешившему человеку.

Сейчас часто задают вопрос: зачем нужно было пролить столько крови, принести столько жертв, вклю-

---

не признавалось, а еще менее искупалось. Это было грубое и длительное оскорбление и нападение на всех женщин и на древнюю богиню, «Мать Всего Сущего», которое следует рассматривать в историческом контексте пяти тысячелетий угнетения и подчинения женского принципа... Рассматривая связь между угнетением женщин и эксплуатацией природы, ныне установленную экофеминистическим движением, мы ясно видим, что существует прямая зависимость между господством над женщинами, преследованием ведьм и экологическим кризисом, свидетелями которого мы являемся И то, и другое суть выражения мужского насилия и презрения к Богине, женщинам и природе.

чая и тех людей, которые активно не сопротивлялись? Ответ звучит почти тривиально: для того чтобы за короткое время совершить столь радикальные и противоестественные преобразования, понадобилось массовое жертвоприношение, открывшее путь ничем не сдерживаемому демонизму. На фоне этих жертвоприношений народ принял демонизм почти безропотно. До времени. Невозможно не вспомнить здесь стихи Ф. Тютчева, написанные в августе 1863 г., которые начинаются такой строфой:

Ужасный сон отяготел над нами,
Ужасный безобразный сон:
В крови до пят мы бьемся с мертвецами,
Воскресшими для новых похорон...

В этом страшном стихотворении каждое слово применимо к нашей ситуации.

В наши дни их продолжение написала история. Чудо «новых похорон» совершилось. Процесс возрождения нации начался. «Мужайся, стой, крепись и одолей!» Одоление состоялось – безоружные люди поднялись и вышли против танков, и танки остановились. Жертвенная кровь молодых людей этой земли оказалась сильнее бронированной армады. Социально-исторический масштаб события, равно как и духовный, очевиден.

Но здесь нужно дать объяснение. Народ или, точнее, народы нашей страны образуют то, что можно назвать *гиперличностью*[4]. Следуя А. Минделлу [Mindell, 1989] (см. гл. II, § 5), можно говорить о том, что гиперличность обладает дремотным состоянием сознания. Иными словами – это наше коллективное *бессознательное,* которое не обладает разработанной формой языка, не владеет логикой – следовательно, не может самостоятельно мыслить, т. е. не создает свои тексты, не формулирует концепции. Но у него есть образы, и оно умеет оперировать ими, создавая новые образы из старых, не отрекаясь от них совсем; есть своя система предпочтений, не разработанная в деталях (если ее оценивать с позиции логики); есть свое представление о том, что хорошо и что плохо (или

---

[4] Представление о гиперличности, т. е. сверхличности, воплощенной сразу не в одном, а во многих физических телах, развито подробно в нашей книге [Налимов, 1989].

даже греховно) в поведении человека. Есть память, уходящая в далекое, еще дочеловеческое прошлое. Есть и способность развиваться под действием окружающей среды. Но в отличие от сознательного в бессознательном все процессы идут в ином временном масштабе – оно ведь опирается и на то далекое прошлое, которое уже забыто нашим дневным сознанием. Оно живет еще в мире архетипов.

Коллективное бессознательное не может действовать самостоятельно. Оно действует через людей. Общество может жить в гармоническом состоянии и быть послушным своим властям до тех пор, пока есть согласованность между деятельностью людей и их откликами в бессознательном. Могут быть периоды стагнации, когда общество дряхлеет, а бессознательное замирает. Это всегда предвестие бури, что мы неоднократно наблюдали в нашей истории [5].

Может возникать и состояние конфликта между деятельностью общества и состоянием его бессознательного. Тогда бессознательное начинает искать героя. Ошибившись, пытается сменить его, и тогда возникают серьезные социальные конфликты.

Согласие было нарушено в 1917–1918 годах. Это не поняли водители нашей страны тех дней – отсюда последовала трагедия. Согласие, как это ни странно, существовало в дни правления Отца народов. Бессознательное было обмануто силой идеи – ее лозунгами. Потом наступило долгое затишье перед бурей, а в наши дни обнажился конфликт – грозный и опасный. Опять водители страны не поняли того глубокого противостояния бессознательному, в которое вошла искусственно созданная общественная структура.

II. Загадка немецкого национал-социализма

Немецкий фашизм – одно из самых примечательных и загадочных событий нашей эпохи. Может быть, это событие, происходившее в центре Европы, в большей степени, чем какое-либо другое, характеризует

---

[5] Напомним здесь чарующие слова из Апокрифа от Фомы [Свенцицкая и Трофимова, 1989], [Robinson, 1981]:

> Иисус сказал: Я бросил огонь в мир, и вот я охраняю его, пока он не запылает (№ 10).

скрытую от внешнего взора опасность, затаившуюся в недрах нашей культуры. Об этом событии нужно сказать хотя бы несколько слов – но это сделать не просто. Мои личные контакты с людьми этой страны ограниченны, и почти все они относятся к послевоенному времени. Литература, доступная мне, не дает достаточно четкого освещения случившегося. Создается такое впечатление, что общие культурологические и философские аспекты этой темы остаются еще недостаточно раскрытыми. Почему?

Начну я с того, что приведу большую выдержку из книги знаменитого немецкого физика В. Гейзенберга, в которой описываются впечатления о фашизме, относящиеся еще к 1937 г. [Гейзенберг, 1983]:

> Однажды от Эйлера (друга Гейзенберга. – *Авт.*) потребовали участия в лагерных сборах национал-социалистских доцентов и ассистентов в небольшом пригородном поселке. Я советовал ему посетить лагерные сборы, чтобы не рисковать своим местом ассистента, и рассказал ему о руководителе группы гитлерюгенда, который однажды разоткровенничался передо мной и которого Эйлер, по-видимому, должен был встретить в лагере. Возможно, с ним удастся осмысленно поговорить.
>
> Эйлер вернулся взволнованный и встревоженный и подробно рассказал нам о своих переживаниях.
>
> – Человеческий состав такого лагеря очень причудлив. Естественно, многие едут туда просто потому, что их заставляют, и людям не хочется, как, например, и мне, рисковать своим местом. С большинством из таких у меня почти нет общего языка. Кроме них там есть несколько молодых людей, к ним принадлежит и ваш знакомый, руководитель группы гитлерюгенда, которые действительно верят в национал-социализм и думают, что из него может получиться что-то хорошее. Я прекрасно знаю, сколько ужасного уже получилось из этого движения и какими бедами для Германии оно, наверное, еще грозит. Но я в то же время чувствую, что многие из этих молодых людей хотят все-таки чего-то примерно такого же, как и я. Они тоже находят невыносимым это окостенелое буржуазное общество, в котором материальный достаток и внешнее признание считаются высшими мерками человеческого достоинства. Они хотят заменить эту опустошенную форму чем-то более полновесным, жизненным; они хотят придать бóльшую человечность взаимоотношениям людей, и того же, по существу, хочу я. Я все никак не могу понять, почему из подобной попытки получилось столько бесчеловечного. Я вижу лишь, что все обстоит действительно так. И у меня возникают сомнения, сбивающие меня с толку. Я ведь долгое время надеялся, что победит наше движение. Если бы судьба решила так, счастье и несчастье среди людей были бы распределены иначе, и мы улучшили бы многое. Но теперь я уже не уверен, что уменьшилось бы общее количество бесчеловечности. Доброй воли молодежи для этого явно недостаточно. В действие

вступают более мощные силы, которые уже не удается контролировать. А с другой стороны, верный ответ не может сводиться к простому сохранению старого порядка, пусть даже он стал выхолощенной формой. Да это бы и не удалось. Чего же следует желать и что можно еще сделать? (с. 283–284).

Этот фрагмент из книги серьезного мыслителя поразил меня. И там все было, как у нас. Был поиск того романтизма, о котором я говорил в главе VIII. И у нас многие видели весь ужас происходящего, но верили, что эта дорога все же ведет к счастливому будущему. После чтения этих слов становится понятным трагическое выражение лица В. И. Вернадского, о чем я уже упоминал выше. Да, могу еще раз повторить, что не только у нас, но и в Германии, раньше нас овладевшей европейской культурой, не нашлось интеллектуальных и тем более духовных сил для противостояния безумной вере в силу насилия. Идея, какой бы она ни была, будучи наделенной безграничной властью, может привести только к трагедии.

Я понял это рано и в 1937 г. был уже в Бутырской тюрьме. Общая камера, переполненная донельзя заключенными. Из них, наверное, одну треть составляли немцы-коммунисты, бежавшие из Германии. Они никак не могли понять, почему Отец всех народов уготовил им такой прием. А я никак не мог понять, как они могли совмещать коммунистические идеалы с нескрываемыми националистическими устремлениями. Сегодня национализм разыгрался в нашей стране. Раньше я уже говорил о коллективном бессознательном народа – где-то там теплится и древняя идея национального превосходства. Это псевдопроблема, нерешаемая на логическом уровне – уж очень много противостоящих друг другу аргументов можно выдвинуть при попытке к размежеванию. Тем более неразрешима она методом насилия – в этом случае национальная боль лишь загоняется в подполье с тем, чтобы вспыхнуть с новой силой в моменты политических обострений [6]. Возможно только компромиссное решение, ос-

[6] Вспомним здесь и о том, что множество микробов в приглушенном состоянии ютится внутри человека и вокруг него. В дни общественных катаклизмов они выходят на поверхность. Перед моими глазами сейчас первые годы революции – вспыхнули эпидемии холеры, брюшного, а потом и сыпного тифов. Мы – дети – стояли у окон нашего дома и смотрели, как по улице возили трупы

нованное на поиске содружества. На такой ведь путь встает сейчас и центральная часть Западной Европы и Северная Америка.

Но вернемся к Германии. Когда-то я с большим вниманием прочитал толстенную книгу Ширера [Shirer, 1959/62], выступавшего в Центральной Европе в роли постороннего наблюдателя. Много интересных деталей я узнал, но мало что понял по существу. Сильное впечатление на меня произвела небольшая статья русского философа С. Булгакова [Булгаков, 1989] [7]. Вот несколько заимствованных отсюда цитат, характеризующих природу расизма:

> Все великие и творческие нации в истории имели и имеют и свое особое самосознание, в этом выражается их «национализм». Современный «расизм» есть одна из его разновидностей, имеющая свои особые характерные черты, которые в своем контексте слагаются в целое мировоззрение, действенную идеологию. Его главным идеологом является в настоящее время А. Розенберг, книга которого «Миф XX века» имеет распространение уже в 90 000 экз. и выражает собой, очевидно, господствующее в настоящее время мировоззрение и самочувствие немцев. Помимо своего литературного блеска и остроты, она заслуживает внимания именно как симптом духовного состояния, определяющего волю германства к гегемонии в мире. Именно в этом качестве она заслуживает самого серьезного внимания (с. 58).

Приведем здесь некоторые наиболее интересные, как нам представляется, высказывания Булгакова, характеризующие новый мифологизм Розенберга:

> Прежде всего в связи с крайним антисемитизмом, свойственным всему современному германизму, здесь утверждается полный разрыв Ветхого и Нового Завета, иудеохристианское происхождение нашей веры. Раз навсегда должен быть отменен Ветхий Завет «как религиозная книга». Через это отпадает неудавшаяся «попытка последнего полуторатысячелетия сделать нас евреями» (с. 58–59).
>
> «Идеал любви к ближнему должен быть, безусловно, подчинен идее национальной чести», и «никакое деяние немецкой церкви не может быть одобрено, если оно в первой линии не ведет к обеспечению народности». ...Отвергается вообще абсо-

---

умерших от тифа. Моя мать, врач-хирург, проработавшая всю Первую мировую войну в госпитале, добровольно ушла на эпидемию и не вернулась... Национальные распри вспыхивают, как эпидемия, и разрушают мир (см. в гл. IX, § 6, цитату из [Налимов, 1912]).

[7] Рукопись статьи была написана еще в разгар событий – в 1942 г.

лютный масштаб ценностей жизни, в частности отдельных человеческих личностей (с. 59).

Раса есть истинная реальность, помещающаяся между универсализмом и индивидуализмом, но их превосходящая собой. Оба они больны одной болезнью – интеллектуализмом. «Бог, которого мы чтим, не существовал бы, если бы не было нашей души и нашей крови» (с. 63).

«Каждая раса имеет свою душу» и осуществляет свой собственный идеал (с. 63).

Все проявления культуры расовой обусловлены как волевые ценности. Даже и «наука есть последствие крови», так же как и искусство (с. 64).

Исходным догматом историософии Гитлера является мысль о единственности значения арийцев в истории человечества, от которых мы имеем «человеческую цивилизацию, произведения искусства, науки и техники», и все это «почти исключительно есть плод творческой деятельности арийцев» (с. 71).

Это учение утверждается в общем контексте *натурализма*, каковым, несомненно, является философия расизма. Последний с одинаковой энергией протестует против универсализма не только христианского, но и гуманистического, как и против индивидуализма: между отдельной личностью и человечеством как их совокупностью стоит *раса*, она есть реальность, как определяющая душевно-телесная организация. В этом ее определении выключается начало духовности, для которой и вообще не находится места в расистской антропологии. Место духа здесь занимает *кровь*, во всей многосмысленности понятия: «миф крови». Эта черта заставляет отнести расизм к типу языческого натурализма, предоставляющего действовать инстинктам, и его фоном является своеобразный демонизм, который питается чувством гордости, или «чести», и в свою очередь питает их (с. 73).

Отметим здесь еще то любопытное обстоятельство, что нацизм пытался копировать многие древние традиции мистического оккультизма (в том числе и христианского) как в своих идеологических устремлениях, так и в некоторых организационных формах. В современных книгах, посвященных этой теме, мы находим такие слова: «оккультный рейх», «магический социализм», «будущая раса – сверхлюди», «высшая германская раса», «универсальная сила», «легенда о Граале», «копье судьбы» (копье, которым был пронзен Христос на кресте), «орденские структуры», «черный иезуит», «сатанизм Гитлера». Здесь все историческое прошлое спуталось, все смешалось. Ради безумной идеи была сделана попытка вызвать магические силы нации, притаившиеся где-то в глубинах коллективного бессознательного. История должна была изменить свой путь.

Мы не будем останавливаться здесь на рассмотрении этой еще не раскрытой до конца темы. Укажем только некоторые относящиеся сюда литературные источники [Pauwels and Bergier, 1964], [Ravenscroft, 1973], [Angebert, 1975], [Carr, 1985].

Закончился нацизм, как известно, Нюрнбергским процессом. В плане моральном примечательной оказалась и небольшая книга известного немецкого философа-экзистенциалиста Карла Ясперса, опубликованная после войны и посвященная анализу виновности немецкого народа [Jaspers, 1965]. Он рассматривает четыре аспекта этой темы: политический, правовой, моральный (жизнь в маске, искаженная совесть) и метафизический (метафизическая вина – это отсутствие безусловной солидарности среди людей). Ясперс анализирует многогранность понятия ответственности. Он заканчивает книгу следующими примечательными словами:

> Очищение это путь людей, если они остаются людьми. Упрощенное осознание вины - только мгновение на этом пути. Главным являются не внешние поступки или магические действия, а внутренние процессы, длящиеся во времени, сохраняющие состояние самобытия. Очищение есть дело свободного выбора. Каждый из нас постоянно находится на развилке дороги, ведущей к очищению или замутнению (с. 82).

А где же книга, посвященная виновности и очищению народов Российского государства?

К счастью, недолго просуществовал нацизм. Но после себя он оставил множество вопросов, с трудом поддающихся обсуждению:

1) Почему Германия, внесшая громадный вклад в развитие европейской культуры, сама – добровольно – встала на путь фашизма?

2) Почему она сравнительно легко и быстро сошла с этого пути после военного поражения?

3) Каким образом во время возникновения ГДР неизвестно откуда сразу появилось так много приверженцев марксистского коммунизма?

4) Почему зловещий воинствующий антисемитизм стал одной из доминирующих составляющих фашизма? Ведь именно это его проявление прежде всего привело к его дискредитации на мировой арене [8]. Эту

[8] Эту тему в деталях рассматривает Ширер [Shirer, 1959/62]. (Появился русский перевод.)

тему можно осветить несколько шире. Для бездумных преобразований культуры им, как и нам, нужна была поддержка кровавыми жертвоприношениями. В отличие от нас они послали на заклание не своих соотечественников, а инородцев. Почему именно евреев? Вся сложность, парадоксальность и трагичность этого подробно освещена в недавно вышедшей книге [Rose, 1990].

5) Как можно объяснить серьезную приверженность нацизму Хайдеггера – одного из самых ярких мыслителей нашего времени? Эта тема сейчас тщательно изучается и широко обсуждается на Западе [Ferry and Renaut, 1990], [Farias, 1989] [9]. В конце жизни Хайдеггер дал журнальное интервью. Вот как об этом говорит В. Фариас [Farias, 1989]:

> В этом интервью Хайдеггер продолжает настаивать на фундаментальном различии между «истинным национал-социализмом» и уклонизмом, извращающим его (с. 298).

Конечно, подобные высказывания мало что разъясняют. И тут возникает еще один вопрос: насколько философия Хайдеггера связана с идеями нацизма? Какая-то, на мой взгляд, весьма отдаленная связь, конечно, прослеживается в критике культуры, в противостоянии технизированности и логизированности мира. Но из этих положений, конечно, однозначно никак не следует, что идеология нацизма решает возникшие здесь проблемы. Это был уже глубоко личный выбор. Хочется здесь еще провести параллель с Платоном – великим мыслителем, стоявшим у истоков нашей культуры. Как это ни странно, но он также сумел совместить свою чарующую философию с суровой утопией – государством, выглядящим как вульгарный казарменный социализм.

6) Почему так много параллелей наблюдается между национал-социализмом и марксистским социализмом нашей страны? И у нас часто можно было услышать утверждение, что изначально все было задумано хорошо, но в процессе воплощения исказилось. Но искажение ведь в обоих случаях было естественным

---

[9] Обзорная работа появилась в отечественном журнале [Руткевич, 1988]. См. также только что вышедшую работу Н. В. Мотрошиловой [Мотрошилова, 1992].

следствием исходных идей. И еще – если мы заменим столь важную для нацизма веру в роль нордической крови на роль классового понимания хода истории, то получим в обоих случаях представление о незначимости индивидуальной личности, взятой в отдельности.

Трудно понять природу человека, когда он выступает как индивидуум [Налимов, 1989], но еще труднее понять его природу в массовых социальных устремлениях. Об этом свидетельствует все сказанное выше.

Еще более сложной представляется нам природа человека, если мы начинаем рассматривать его не только в социальном, но и Вселенском аспекте его обитания.

2. Вселенское обитание человека

Человек всегда больше, *чем то, что он знает о себе.*

К. Ясперс [1990, с. 153]

Прежде чем перейти к заключительной части нашей работы, посвященной критике культуры, посмотрим на то многообразие Миров, в котором существует человек.

Современное представление о потенциальном множестве физических Миров возникло в космогонии. Физический Мир, открытый нашему чувственному восприятию, задается некоторым жестким набором числовых значений безразмерных фундаментальных констант [10]. Если мы готовы допустить существование иных наборов этих констант, то это означает, что мы готовы признать существование иных физических Миров.

С иных, философских позиций проблему множественности Миров можно обсуждать (допуская, что есть некий наблюдатель – эту тему мы уже рассматривали в главах II и VI), наполнив ее иным содержанием. Допустим, что есть некий особый, активный наблюдатель – Демиург, способный не только воспринимать,

[10] Этой темы мы коротко касались в главе VI и в книге [Налимов, 1989].

но и порождать Миры, не физические по своей природе[11]. Какие они?

1. *Физический Мир.* Он открыт непосредственно нашим органам восприятия лишь в какой-то малой степени. Современные аппаратурные устройства существенно расширили взаимодействия с этим Миром. Мы овладели им в значительно большей степени, чем наши предки. Но овладение через технику неизбежно привело и к отчуждению от овладеваемого. Мы можем теперь признать, что человек далекого прошлого владел магией – умел непосредственно (без физических усилий) воздействовать на физический Мир[12].

2. *Мир биосферы.* В нем мы живем. Он живет в нас. Он существует и вне нас. Мы – жители современных городов – отчуждены от этого Мира в большей степени, чем наши предки, жившие в дохристианскую эру. Мы нещадно истребляем этот Мир и в то же время, обращаясь к генной инженерии, пытаемся выступать в роли Демиурга, творящего новое живое. Выше мы уже обращались к представлению о Земле как своеобразном живом существе, имеющем свое дремотное квазисознание. Миру Земли, звавшейся Гея, принадлежит вся сосуществующая с ней биосфера.

3. *Мир снов, фантазии, воображения.* Здесь человек уже в полной мере выступает в роли Демиурга. Он открывает этот Мир внутри себя в процессе своей творческой активности. И мы отчетливо сознаем, что люди современной культуры в меньшей степени сопряжены с этим Миром, чем люди прежних поколений. Нам некогда углубляться в себя. Мешает все: и телевизор, и радио, и массовая печать, и компьютер, и просто общая суета жизни и ее крайняя напряженность, и отсутствие навыка в себя как «в зеркало» смотреть. Кто-то, правда, как некогда раньше, научился обращаться к медитации. Но таких немного.

---

[11] Не физический – значит, не задающийся физическими константами и не ограниченный четырьмя основными физическими взаимодействиями.

[12] Что-то похожее сегодня пытаются продемонстрировать парапсихологи, но, кажется, не очень-то успешно. Есть, правда, многочисленные статистически контролируемые эксперименты, показывающие возможность прямого воздействия оператора на генератор случайных чисел [Jahn and Dunne, 1987].

4. *Мир коллективного сознания нации.* О нем мы уже говорили выше. Это дремотное квазисознание, наполненное образами, ощущениями, но лишенное способности самостоятельно создавать тексты. В своих кладовых оно хранит память о всем прошлом, о всем неизжитом. И это запечатленное в нем прошлое не безопасно. В соответствующих условиях оно может обернуться вулканом, извергающим все притаившееся до времени. Так, видимо, случилось в Германии в момент возникновения нацизма. Так, возможно, возникают национальные распри в нашей многоукладной стране, в, казалось бы, цивилизованной Европе, да и во все мире, когда все тайное становится явным.

5. *Мир смыслов.* Потенциально все смыслы изначально существуют во Вселенной [Налимов, 1989]. Человек своей демиургической силой создает из них тексты, и не только словесные, но и цветовые, и музыкальные. Так возникают культуры – различные варианты Мира смыслов. Интеллектуальная деятельность, включающая в себя и науку, – это вторичный процесс, порождаемый Миром смыслов. Культура – убежище человека. Психика человека всегда была уязвима, и духовная культура издревле несла на себе психотерапевтическую нагрузку. Культура как терапия необходима человеку. Вновь возникающая дисциплина – экология человека – это своеобразно ориентированная культурология.

6. *Мир трансперсонального Бытия.* Человек издревле ощущал связь с трансличностным – Вселенским началом. Пытаясь пояснить самому себе услышанное изнутри, человек сочинял легенды, мифы. Желая усилить услышанное, обращался к мистериям, музыке, поэзии, архитектуре. Закреплял узнанное архетипами, символами. Что-то он долго скрывал под покровом эзотеризма. Трансличностное для личности всегда было запредельным. Туда можно было только заглянуть. Желая запредельное приобщить к культуре, человек создал религию. Однажды человек рискнул обратиться и к умозрительной философии. Это случилось в Древней Греции. В западном христианстве умозрение и откровение в былые времена попытались объединиться (гностицизм, патристика, позднее – схоластика). Теперь над запредельным опускается непроницаемая

завеса. Обращение к технике медитации – попытка приподнять эту завесу.

7. *Мир социального Бытия.* Скорее всего, это эфемерная реальность. Это только арена, на которой разыгрываются скоротечные спектакли – чаще всего трагические, порождаемые человеком в результате его взаимосвязей с другими, более фундаментальными Мирами Бытия. Научно-технический прогресс – это, в конце концов, всего лишь один из таких спектаклей. Может быть, один из самых трагичных из когда-либо пережитых человечеством.

Культуры приходили и уходили. Каждая из них находила свои пути взаимодействия с каждым из Миров существования человека. Каждый человек в культуре находил свои собственные возможности вживаться в многообразие Миров. И кажется, что культура сохраняла свою жизнеспособность до тех пор, пока ее люди были способными сохранять целостность в многообразии Бытия.

Так было тогда, когда Мир был еще молод.

Глава XII

ОТКРЫТ ЛИ ПУТЬ ДЛЯ ВЫЖИВАНИЯ НАШЕЙ КУЛЬТУРЫ?[1]

1. Историческая справка

> Мы сошли со столбовой дороги развития культуры, так как нам не свойственно задумываться над судьбами того, что принято называть культурой.
>
> Но философия занималась всем, только не культурой.
>
> *А. Швейцер* [1992, с. 44, 48]

Из сказанного выше следует, что заглавие этой части оправданно. Мы действительно находимся на *изломе Культуры.*

Наша культура, с одной стороны, разработала многое доселе невиданное, а с другой – сузила рамки бытия человека, отключив его от того многообразия Миров, в котором он ранее существовал. За все приходится платить: за безоглядный успех в одной области и потери – в другой. Это плата за одностороннее развитие. Пренебрежение потенциально заложенным обернулось опасностью для дальнейшего существования. Культура, повторяю, оказалась на изломе – это означает, что она должна радикально изменить свой путь развития. Она должна стать другой.

Но, кажется, не многие готовы обсуждать проблему будущего культуры в широкой постановке. Обычно предлагаются для рассмотрения частные, иногда до крайности наивные аспекты этой темы.

Оценим критически некоторые из предложений:

1. Предлагаются более суровые меры для охраны природы. Это, конечно, необходимо, даже крайне необходимо. Но при этом следует отдавать себе отчет в том, что лучшее, что здесь может быть сделано, – это только сдвиг во времени дня окончательной катастрофы. Следует помнить, что народонаселение Земли будет продолжать расти, а научно-технический прогресс – развиваться и расширяться (географически).

[1] Ранее опубликовано в журнале Полис, 1992, № 4, с. 112–121.

2. В плане социальном в нашей стране многие все еще продолжают говорить о зловещем заговоре, об ужасном, демоническом образе вождей. Все это выглядит крайне наивно. В стране произошло то, что ей было уготовано всем предыдущим ходом ее развития – ее неспособностью принять Западную культуру в достаточной полноте, хотя бы так, как это сумели сделать Северная Америка и Австралия. А относительно отдельных вождей хочется привести слова Минделла [Mindell, 1989]:

> Социологическая теория объясняет процесс «отбора личности», полагая, что если кого-либо не хватает для выполнения роли, то общество создаст такого деятеля... неистовые воины появляются потому, что есть битвы, где надо сражаться [2] (с. 87).

3. Еще один, теперь уже чисто моральный рецепт – всеобщее покаяние. Если это действие понимать в обычном, примитивном толковании (покаяние для освобождения от греха), то это вряд ли будет достаточным средством для преодоления кризиса [3]. Если же его рассматривать в том расширенном толковании, как это предлагал делать уже цитированный ранее немецкий философ К. Ясперс, то следует понять, что здесь речь идет уже о создании системы новых ценностных представлений. Это равносильно порождению новой культуры, контуры которой должны бы быть как-то уже обрисованы.

---

[2] Здесь цитируемый автор дает ссылку на книгу: Michael and Anderson. Now That "Progress" No Longer Unites Us.

[3] Здесь возникает деликатный вопрос: а кому надо каяться – всем? Даже и тем, кто так или иначе пытался сопротивляться этому режиму и был за это репрессирован? Или, может быть, только *зачинателям, но их больше нет. А из оставшихся ведь многие были* на службе и исполняли, как им внушалось, свой гражданский долг. Самыми вредными для общества были не официальные исполнители ужасного дела, а их тайные пособники – тайные осведомители, двуликие янусы. *С одной стороны, они выступали как наши друзья* и единомышленники, с другой как провокаторы. Именно на них держался тоталитаризм. Вот что нужно было бы сделать как первый шаг: опубликовать список этих преступно аморальных персонажей нашей истории. *Это было бы поучительно, это было бы основанием* для глубокого раскаяния, материалом для изучения глубин тоталитаризма. Я думаю, что такая форма растления нации была серьезнее и трагичнее, чем даже непосредственно тюрьмы, лагеря и расстрелы.

4. Мечта о создании нового человека. Эта мечта уходит корнями к истокам Христианства, к Благой Вести – Новому Завету. Сколько раз эта мысль заново вспыхивала в истории Христианства. Особенно в его эзотерических проявлениях. Яркой звездой на этом небосклоне оказался известный утопический роман Бульвера-Литтона[4] Грядущая раса [Bulwer-Lytton, 1979]. В марксистской утопии речь идет, по существу, также о создании нового человека (нового «человеческого материала») путем радикального изменения всех общественных отношений. В свою очередь в национал-социализме речь шла о создании новой расы. В обоих случаях построение нового человека шло через санкционированное государством насилие.

Безнасильственный путь предлагается, например, Ж. Эллюлем [Эллюль, 1986]:

> Чтобы подойти к свободному социализму с человеческим лицом без технического регресса, чтобы освободить индивида, который спонтанно продолжал бы работать, трудиться в техническом мире, перестав, однако, подчиняться логике жесткой системы, для этого требуется подлинная мутация человека. Мутация психологическая, идеологическая, нравственная, перестройка всех целей жизни. И это должно произойти в *каждом* (с. 152).

Иными словами, здесь речь идет о создании новой, ненасильственной культуры[5]. Но остается вопрос: что же нам нужно делать сегодня?

5. Наиболее сильное впечатление произвела на меня книга норвежского эколога Арне Нейсса [Naess, 1991], основателя «глубинной экологии». Его основная мысль формулируется так:

> Весь поднятый здесь разговор нужен потому, что задача сторонников глубинного экологического движения не сводится к небольшим реформам, а требует *существенной переориентации* всей нашей цивилизации (с. 45).

Автор вводит два новых термина: *экофилософия* – область исследования, и *экософия* – персональный ко-

---

[4] Лорд Бульвер Литтон (1803–1873), политический деятель, писатель (еще не так давно широкой известностью пользовалась его книга Последние дни Помпеи), философски ориентированный оккультист.

[5] Термин *мутация* используется Эллюлем как метафора.

декс ценностей и взгляд на мир, определяющий личностное поведение[6].

6. Ответ на вопрос, что же делать сегодня, должна была бы дать конференция Организации Объединенных Наций по Окружающей среде и Развитию, проходившая в Рио-де-Жанейро летом 1992 г. Это было весьма представительное мероприятие – в нем принимали участие более ста глав государств и около 30 тысяч других участников. Центральным постулатом конференции было утверждение о том, что проблемы экологии не могут больше решаться на национальном уровне. Ситуация была обострена до предела, но ответа на поставленный выше вопрос не было найдено.

2. Наша позиция
(вместо заключения)

> О том, что случится, поведает нам не беспрекословный авторитет. Это скажет нам своим бытием человек, который живет. Задачей прогноза, направленного на пробуждение, может быть только одно: *напомнить* человеку о самом себе.
>
> *К. Ясперс* [1990, с. 214]

> История западной философии – это история борьбы за оптимистическое мировоззрение.
>
> *А. Швейцер* [1992, с. 98]

Находясь на изломе культуры, мы, естественно, должны думать о ее серьезной модификации. Культура должна стать иной. Радикально иной, но в то же время

[6] В плане философском, несомненно, представляет интерес концепция целостного развития. Ключевым понятием у Нейсса оказывается *самореализация*, понимаемая как развитие всего потенциально заложенного. В контексте самореализации особое значение приобретают представления о *сложности, разнообразии и симбиозе*. Природа существенно едина, в ней все взаимосвязано. Повторяем еще раз его слова:

> Симбиоз максимизирует самореализацию потенциальностей в условиях ограниченности ресурсов (с. 199).
>
> Дверь открыта для позитивной оценки нарастания реализации потенциально возможного... Здесь имеется в виду *непрерывная эволюция на всех уровнях*, включая протозоа, ландшафты и человеческие культуры (с 201).

Расширительное представление о роли симбиоза напоминает мне почти забытые теперь идеи П. А. Кропоткина о взаимопомощи как факторе эволюции.

построенной на базисе тех фундаментальных представлений, которые нам достались от прошлого, в том числе и далекого прошлого, и отнюдь не только европейского. Мы на самом деле очень богаты и духовно, и интеллектуально, и технически, но не умеем справиться с нашим богатством. В этом наша беда.

Но как изменить эту ситуацию? Я не знаю. Никто не знает. Готового рецепта нет [7]. Не надо создавать новых утопий, иначе опять воскреснет вождизм и тоталитаризм. Нужен свободный поиск новых, ненасильственных путей преображения. Надо, чтобы в этот поиск включилось практически все общество, а не отдельные люди и группы.

Путь поиска представляется мне таким:

1. Необходимо, чтобы проблемы социальной (т. е. человеческой) экологии были сформулированы глубже и представлены обществу в многообразных и понятных публикациях. Этот информационный процесс должен идти непрестанно, поскольку скорость развития негативных явлений нарастает.

2. Никто из нас на самом деле не владеет культурой в целом. Мы владеем ею только фрагментарно. Так учили нас (за небольшим исключением), так учим и мы, в соответствии с официальными программами. В школах, вузах и университетах мы готовим *специалистов*. А надо бы готовить просто интеллигентных людей (специалистами они станут, начав работать). Если культура разнесена по отдельным сусекам – она не работает. Она не может защитить человека, не может выполнять свою терапевтическую функцию. Общество в целом отлучено от подлинной культуры и довольствуется ее суррогатом, именуемым «массовая культура», который только пародирует семантическую вселенную, созданную тысячелетиями. Если бы культура действовала как целое, то вряд ли наш народ попал бы в тиранию насильственного социализма, а немецкий – в тиранию национал-социализма. Я понимаю, что сказанное здесь многими будет воспринято как фантазия, лишенная всякой реальности. Да, трудности очевидны: захочет ли общество принять участие

---

[7] Отметим здесь, что и Хайдеггер, несмотря на все его критическое отношение к современной супертехнизированной культуре, не предлагает готовой концепции рецептурного характера, ибо это опять было бы «техническим решением» [Seubold, 1986].

в этой затее, найдутся ли подходящие преподаватели, удастся ли избежать вульгаризации, дилетантизма [8]. Но ведь другого пути нет. Подчеркнем, что речь идет отнюдь не о программе спасения, а лишь о создании духовной атмосферы, в которой мог бы начаться поиск новых путей развития культуры.

3. Наука, как это мне представляется, должна освободиться сама и освободить общество от того, что Эллюль называет «логикой технической системы». Ей следует признать, что она больше не удовлетворяет прежним требованиям научности (см. гл. I). Иррациональное и рациональное не противостоят, а дополняют друг друга (гл. V). И если это будет понято, то мы сможем начать строить модели сознания, сопоставимые с моделями современной физики и космогонии, и найдем наконец связь между физическим и сематическим миром [Налимов, 1989]. Мы должны признать, что современная психология, так же как и философия, почти ничего не знает о природе человека, о природе смыслов, в которые он погружен. Не знают потому, что наукой наших дней по-прежнему запрещено изучение внутреннего («субъективного») опыта. Но этот опыт реален. Он неповторим, невоспроизводим по желанию экспериментатора, но он все равно существует. Это – опыт бытия человека в мире, его экзистенциал. И если мы упорно игнорируем изучение человека, то зачем же удивляться тому, что культура, поддерживаемая позитивистской наукой, оказалась на изломе.

4. Религия (практически во всех ее проявлениях) вышла на обочины нашей жизни. Она застыла во времени. Она не хочет замечать того, что люди стали уже совсем другими. Она почему-то не понимает того, что великий духовный опыт прошлого необходимо реинтерпретировать, обращаясь к проблемам современной жизни. Она, в большинстве своих проявлений, отказывается осмысливать реалии сегодняшнего дня – особенно это касается Православия. Она не хочет идти навстречу науке, не понимая того, что новые фундаментальные мировоззренческие идеи наших дней приходят к нам, скорее всего, из науки, из таких ее разделов, как математика, теоретическая физика, био-

[8] Наши соображения о создании Вольного университета XXI века изложены в главе V

логия. Идея экуменизма остается не осознанной достаточно глубоко. Задача здесь состоит отнюдь не в том, чтобы сидеть рядом на торжественных заседаниях, а в том, чтобы признать весь духовный опыт прошлого равноценным. Нельзя больше настаивать на приоритете какой-либо одной формы его проявления. Религия мира должна стать единой, как един человек, независимо от той традиции, в которой он был воспитан [9]. С моей точки зрения, религия могла бы помочь восстановить ощущение сакральности Бытия и тем самым открыть ненасильственный путь взаимодействия с Землей, Природой и людьми.

Сейчас, находясь на изломе культуры, мы призываем искать дорогу к Храму в его современном видении. Это дорога к утраченному Вселенскому обитанию, к соприкосновению с предельной реальностью Бытия. Человек снова должен обрести утраченные им обитания во всем многообразии сопричастных ему Миров. И хочется думать, что тогда сами разойдутся сгустившиеся над нами зловещие тучи.

Вот что еще в 20-м году предрекал нам М. Волошин:

Из крови, пролитой в боях,
Из праха обращенных в прах,
Из мук казненных поколений,
Из душ, крестившихся в крови,
Из ненавидящей любви,
Из преступлений, исступлений –
Возникнет праведная Русь.

М. Волошин. Заклинание (от усобиц)

---

[9] Нам часто возражают: как возможно быть полирелигиозным? Да, для человека с одномерной психикой это невозможно. Но ведь мы становились со временем все более и более многомерными. Человек развивается, а не остается таким, каким он был единожды сотворен, как это многим представляется. На Западе я встречал глубоко духовных людей, которые одновременно были христианами и буддистами (или дзен-буддистами). Напомню, что масонское движение (в своем серьезном проявлении) стремилось к глубокому раскрытию экуменизма. Например, в нашей стране один из основателей русского масонства Н. И. Новиков перевел и издал в Москве Бхагавадгиту еще в 1788 г. (через три года после выхода ее английского издания). Отметим здесь, что духом глубокого экуменизма насыщена книга трагического поэта недавнего прошлого Д. Андреева [Андреев, 1991].

ЛИТЕРАТУРА

Аверинцев С. 1970. Теократия. **Философская энциклопедия.** М.: Советская энциклопедия, т. V, с. 199–200.

Адамар Ж. 1970. **Исследование психологии процесса изобретения в области математики.** М.: Советское радио, 152 с.

Андреев Д. 1991. **Роза Мира.** М.: Прометей, 287 с.

Анц А. 1991. Диалог Хайдеггера с традицией. В кн.: **Философия Мартина Хайдеггера и современность.** М.: Наука, с. 53–61.

Ахундов М. Д. и Баженов Л. Б. 1989. У истоков идеализированной науки. **Природа,** № 2, с. 90–99.

Баженов Л. Б. (ред.). 1976. **Принцип дополнительности и материалистическая диалектика.** М.: Наука, 367 с.

Базаров И. П. 1992. От ОТО к РТГ. В сб.: **История и методология естественных наук,** вып. XXXVII, Физика. М.: Изд. МГУ, с. 12–14.

Бакунин М. А. 1989а. Государственность и анархия. В кн.: М. А. Бакунин. **Философия. Социология. Политика.** М.: Правда, с. 291–526.

Бакунин М. А. 1989б. Федерализм, социализм и анархизм. В кн.: М. А. Бакунин. **Философия. Социология. Политика.** М.: Правда, с. 11 -124.

Бёкке Р. М. 1915. **Космическое сознание.** Петроград: Новый человек, 375 с.

Берберова Н. 1986. **Люди и ложи.** Русские масоны XX столетия. New York: Russica Publishers, 299 с.

Берг Л. С. 1922. **Номогенез, или эволюция на основе закономерностей.** Петроград, 306 с. Позднее эта работа была перепечатана в кн.: **Труды по теории эволюции.** Л.: Наука, 1977, с. 95 338. На англ. яз.: Berg L. S. Nomogenesis of Evolution Determined by Law. Cambridge MA: Mit-Press, 1969, 477 p.

Бердяев Н. 1909/1967. Философская истина и интеллигентская правда. В сб.: **Вехи.** Сборник статей о русской интеллигенции. М.: Типография Саблина, 1909, 2-е изд. Переиздано: Франкфурт/М.: Посев, 1967, с. 1–22.

Бердяев Н. А. 1989а. Философия свободы. В кн.: Н. А. Бердяев. **Философия свободы. Смысл творчества.** М.: Правда, с. 9–250.

Бердяев Н. А. 1989б. Смысл творчества. В кн.: Н. А. Бердяев. **Философия свободы. Смысл творчества.** М.: Правда, с. 251–607.

Бердяев Н. 1990а. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. **Вопросы философии,** № 1, с. 77 144 (гл. I V).

Бердяев Н 1990б Русская идея Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века **Вопросы философии,** № 2 с 87 154 (гл VI X) (Эта работа написана Бердяевым в 1946 г незадолго до смерти)
Блохинцев Д И 1952 Критика философских воззрений так называемой «копенгагенской школы» В сб **Философские вопросы современной физики.** М Изд АН СССР, с 358 395
Борн М 1973 **Моя жизнь и взгляды.** М Прогресс 176 с
Бронштэн В А 1990 «Раковая опухоль» В сб **На рубежах познания Вселенной.** М Наука, с 301 310
Булгаков С 1989 Расизм и Христианство В изд **Вестник русского христианского движения.** Париж etc 1989 II, № 156, с 58 99
Вавилов С И 1952 Философские проблемы современной физики и задачи советских физиков в борьбе за передовую науку В сб **Философские вопросы современной физики.** М Изд АН СССР, с 5 30
Васильев А 1990 Как избежать апокалипсиса **Известия,** 6/IX
Вернадский В И 1988 Коренные изменения неизбежны Из дневников 1941 года **Литературная газета,** 16/III
Вернадский В И 1991 **Научная мысль как планетное явление.** М Наука, 271 с
Власов А А 1992 О классических проблемах общей теории относительности В сб **История и методология естественных наук,** вып XXXVII, Физика М Изд МГУ, с 15 19
Волынова Г 1990 Кто они, самоубийцы? **Известия,** 3/1
Восленский М 1990 Номенклатура (главы из книги) **Октябрь,** № 12, с 111 147
Гальцева Р А 1990 **Работы Ж. Маритена по культурологии и истории мысли,** вып 1, реферативный сборник М ИНИОН АН СССР, 148 с
Гейзенберг В 1983 **Физика и философия.** Часть и целое М Наука, 400 с
Гинзбург В 1987 Общая теория относительности Последовательна ли она? Отвечает ли она физической реальности? **Наука и жизнь,** № 4 с 41 48
Грэхэм Л Р 1991 **Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе.** М Политиздат 480 с
Гук С 1990 Эмиграция? Эвакуация? Бегство? Академик Б Раушенбах размышляет о причинах массового отъезда немцев из СССР **Известия,** 14/XI
Гуссерль Э 1986 Кризис европейского человечества и философия **Вопросы философии,** № 3, с 101 116
Джан Р 1982 Нестареющий парадокс психофизических явлений Инженерный подход **ТИИЭР,** т 70, № 3, с 63 104
Джемс У 1910 **Многообразие религиозного опыта.** М Типография Мамонтова (изд журнала «Русская мысль») 518 с
Дрогалина Ж А 1987 Новая философия человека и глобальная этика (обзор) В сб **Глобальные проблемы и будущее человечества,** выпуск 6 М ИНИОН АН СССР, с 166 227
Дудкин В Я 1990 Андре-Венсан Ф И За подлинную теологию освобождения В сб **Зарубежные концепции истории и эволюции христианства.** М ИНИОН АН СССР с 66 90 Andre-Vincent Ph 1 Pour une vraie theologie de la liberation Paris Tallandier, 1987, 198 p

Жбанов Е 1990 Пока не поздно Заместитель Генерального прокурора СССР о нарастающей экологической преступности и бессилии Закона **Известия,** 6/VIII
Зверев А 1990 Новая неграмотность оборачивается большими убытками для общества **Известия,** 13/VIII
Зеньковский В В 1989 **История русской философии.** Париж YMCA-Press т II, с 477
Злобина М 1989 Версия Кестлера книга и жизнь **Новый мир,** № 2, с 257 263
Илтеш А 1990 Сколько у нас наркоманов? **Известия,** 29/VIII
Казютинский В В 1990 Публичная «казнь» релятивистской космологии (события 30 40-х годов) В сб **На рубежах познания Вселенной.** М Наука с 275 300
Каморин А 1990 Преступность глобальная проблема **Известия,** 29/VIII
Канев С Н 1974 **Октябрьская революция и крах анархизма.** М Мысль, 417 с + 17 таблиц
Кант И 1964 Критика чистого разума **Сочинения в шести томах,** т 3 М Мысль, 799 с
Кант И 1966 Метафизические начала естествознания **Сочинения в шести томах,** т 6 М Мысль 743 с
Кант И 1980а Религия в пределах только разума В кн **Трактаты и письма.** М Наука, с 78 278
Кант И 1980б Конец всего сущего В кн **Трактаты и письма.** М Наука с 289 291
Кедров Б и Спиркин А 1964 Наука В издании **Философская энциклопедия,** т 3 М Советская энциклопедия, с 562 571
Князева Е Н и Курдюмов С П 1992 Синергетика как новое мировидение диалог с И Пригожиным **Вопросы философии,** № 12, с 3 20
Кожемяко В 1992 Молодым в тюрьму у нас дорога? **Правда,** 25/IX
Красилов В А 1986 **Нерешенные проблемы теории эволюции.** Владивосток ДВНЦ АН СССР, 137 с
Кропоткин П А 1907 **Взаимная помощь как фактор эволюции.** СПб (Первое издание этой книги вышло в Англии, а затем в России в 1904 г по цензурным соображениям за подписью П Кр ин второе издание, 1906 г, было конфисковано См Пирумова Н М **Петр Алексеевич Кропоткин.** М Наука, 1972, 223 с)
Кропоткин П А 1991 **Этика.** М Политиздат 495 с
Кудрявцев Ю Г 1991 **Три круга Достоевского.** Событийное Временное Вечное М Изд МГУ. 400 с
Лазарев В В 1990 **Философия раннего и позднего Шеллинга.** М Наука, 171 с
Лима-де-Фариа А 1992 **Эволюция без отбора.** Автоэволюция формы и функции М Мир 455 с
Логунов А А 1987 **Лекции по теории относительности и гравитации.** Современный анализ проблемы М Наука, 271 с
Логунов А А 1992 Основные принципы релятивистской теории гравитации В сб **История и методология естественных наук,** вып XXXVII, Физика М Изд МГУ, с 4 11
Лосев А Ф 1964 Мера В кн **Философская энциклопедия.** М Советская энциклопедия, т 3, с 389 394
Лунеев В 1991 Преступная мифология **Известия,** 13/IV
Лурье С Я 1925 **Антифонт.** Творец древнейшей анархической системы М Голос труда, 160 с

Любищев А А 1982 **Проблема формы, систематики и эволюции организмов.** М Наука, 278 с
Любищев А А 1991 **В защиту науки.** Статьи и письма Л Наука 295 с
Майков В В 1987 Проблема интеграции сознания в трансперсональной психологии **Философские науки,** № 9 с 67 77
Маяцкий М А 1988 Структурная онтология Х Ромбаха феноменология и критика эпохи В сб **Философия и мировоззрение.** Критический анализ буржуазных концепций М Институт философии АН СССР и Философское общество СССР, с 57 69
Межуев В М 1990 Социализм как идея и как реальность **Вопросы философии,** № 11, с 18–30
Микиша А М 1990 Очерк научной деятельности А А Изотова В сб А А Гурштейн (ред) **На рубежах познания Вселенной.** М Наука, с 332 356
Мончурова Е 1989 Психиатрия без зон молчания **Известия,** 18/IV
Мотрошилова Н В 1992 Драма жизни, идей и грехопадений Мартина Хайдеггера В кн **Квинтэссенция.** Философский альманах 1991 М Политиздат с 158 236
Налимов В В 1978 **Непрерывность против дискретности в языке и мышлении.** Тбилиси Изд Тбилисского университета, 83 с
Налимов В В , Кузнецов О А , Дрогалина Ж А 1978 Визуализация семантических полей вербального текста в групповой «медитации» В сб **Бессознательное.** Тбилиси Мецниереба т III, с 703 709
Налимов В В 1979 **Вероятностная модель языка.** Второе дополненное издание М Наука, 303 с (первое издание 1974 г), на польском языке Nalimow W W **Probabilistyczny model języka.** Warszawa Wydawnictwo Naukowe, 1976, 336 s , на английском языке Nalimov V V **In the Labyrinths of Language: A Mathematician's Journey.** Philadelphia ISI-Press, 1981, 246 p
Налимов В В 1980 Логика принятия гипотез в развитии научного знания В сб Л Б Баженов и М Д Ахунов (ред) **Наука в социальных, гносеологических и ценностных аспектах.** М Наука, с 139 176
Налимов В В 1983 Анализ оснований экологического прогноза **Вопросы философии,** № 1, с 108–112 Переводы Nalimov V V Analysis of Ecological Forecasting In **Social Sciences,** USSR, Academy of Sciences, 1984, v 15, № 3, p 188 203, Nalimow W W Analyse der okologischen Prognose In Gesellschafts Wissenschaften Akademie der Wissenschaften der UdSSR, 1984, 3(39) p 220 237
Налимов В В 1989 **Спонтанность сознания:** Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектоника личности М Изд Прометей 287 с
Налимов В В 1993 Об истории мистического анархизма в России **Путь,** № 3, с 194 216
Налимов В П 1912 Пермяки В кн **Великая Россия.** Поволожье, Приуралье (под общим руководством проф Д Н Анучина) М Дело, с 172 192
Немцов А В 1990 Потребление алкоголя как глобальная проблема **Природа,** № 1, с 69 78
Немцов А В и Нечаев А К 1991 Алкогольная ситуация в Москве в 1983 1990 гг **Социальная и клиническая психиатрия,** № 1, с 75 83

Никитин А Л 1991 Заключительный этап развития анархистской мысли в России **Вопросы философии,** № 8, с 75 89
Никитин А Л 1992/1993 Тамплиеры в Москве **Наука и религия,** № 4/5, с 8 10, № 6/7, с 23 27, № 8, с 26 32, № 9, с 20 23, № 10, с 16 18, № 11, с 56 60, № 12 с 10 16, № 1, с 44–48, № 2, с 13 15, № 3 с 21 25, № 4, с 42 44, публикация серии продолжается
Николаев Ю 1913 **В поисках за божеством.** Очерки по истории гностицизма СПб , Новое время, 526 с
Ницше Ф 1910 **Воля к власти.** Опыт переоценки всех ценностей Полное собрание сочинений, т 9 М Московское книгоиздательство 362 с (Эта книга задумана автором как главное теоретико-философское сочинение Она состоит из 1067 высказываний Русский перевод работы, приведенный в 9-м томе Полного собрания сочинений, обрывается на 715-м высказывании)
Осокин Н 1869/1872 **История альбигойцев и их времени.** Казань т I 591 с т II 526 с
Охрименко В 1991 Нам предложили интимную жизнь на хозрасчет **Поиск,** 26/IV 2/V (№ 18)
Панов М И 1984 **Методологические проблемы интуиционистской математики.** М Наука, 223 с
Паули В 1975 **Физические очерки.** М Наука, 256 с
Петровский А В и Ярошевский М Г (ред) 1990 **Психология.** Словарь М Политиздат, 492 с
Пирумова Н М 1972 **Петр Алексеевич Кропоткин.** М Наука, 223 с
Платон 1971 Государство В кн **Сочинения в трех томах,** т 3, ч I, с 89 454 М Мысль, 687 с
Платон 1972а Законы В кн **Сочинения в трех томах,** т 3, с 83 478
Платон 1972б Послезаконие **Сочинения в трех томах,** т 3, ч 2, с 470–503 М Мысль, 678 с (Возможно, что эта работа написана одним из учеников Платона)
Попова Н 1991 С кнутом и без пряника **Куранты,** 22/VI
Попов Ю 1991 Все ли ладно в психиатрических больницах? **Правда,** 21/VI
Поппер К 1983 **Логика и рост научного знания.** Избранные работы М Прогресс, 605 с
Редже Т 1985 **Этюды о Вселенной.** М Мир, 190 с
Решетников В 1991 Справка, подготовленная ГУИД МВО для «Известий» **Известия,** 25/VI
Рогинский Я Я 1982 **Об истоках возникновения искусства.** М Изд МГУ, 32 с
Руткевич А М 1988 Хайдеггер и нацизм **Вопросы философии,** № 11, с 157 166
Савенкова Ю 1991 Ребенок, «не согласованный с властями» **Известия**, 4/III
Сахаров А 1990 **Воспоминания.** Нью-Йорк Изд-во им Чехова, 943 с
Свенцицкая И С и Трофимова М К 1989 **Апокрифы древних христиан.** М Мысль 336 с
Свирежев Ю М 1987 **Нелинейные волны, диссипативные структуры и катастрофы в экологии.** М Наука, 366 с
Смирнов Б Л 1960 Введение к книге **Махабхарата,** II «Бхагавадгита» Ашхабад АН Туркменск ССР, 401 с
Смирнов К 1992 Чем мы дышим **Известия**, 4/XI
Станкевич В Б 1920 **Воспоминания.** М Изд-во И П Ладыжникова, 356 с

Толстой Л Н 1991 **Исповедь** (вступительная статья А Меня) Л Художественная литература, 412 с
Туровская С 1992а Отчего болеем мы и наши дети Об этом рассказывают специально подготовленные государственные доклады **Известия,** 6/X
Туровская С 1992б Женщины Москвы смогут планировать рождение детей **Известия,** 22/X
Уотсон Л 1991 Ошибка Ромео В кн **Жизнь земная и последующая.** М Политиздат, с 212 375
Фейерабенд П 1986 Против методологического принуждения Очерк анархистской теории познания В сб П Фейерабенд **Избранные труды по методологии науки.** М Прогресс, с 125 466
Феофанов Ю 1990 Что может и чего не может милиция Беседа с министром внутренних дел СССР В Бакатиным **Известия,** 4/VIII
Фет А 1988 **Стихотворения, проза, письма.** М Советская Россия, с 100–101
——— **Физика микромира** (ред Д В Ширков и др) 1980 М Советская энциклопедия, 527 с
——— **Философский энциклопедический словарь,** 2-е издание 1989 М Советская энциклопедия, 815 с
Франк С 1909/1967 Этика нигилизма В сб **Вехи.** Сборник статей о русской интеллигенции, 2-е издание М Типография Саблина, 1909, переиздано Франкфурт/М Посев, 1967, с 145 211
Фромм Э 1990 **Иметь или быть.** М Прогресс, 331 с
Цикора С 1988 Генетика предупреждает **Известия,** 27/IX
Чайковский Ю В 1990 **Элементы эволюционной диатропики.** М Наука, 271 с
Чугаев С 1989 Трезво о трезвости **Известия,** 30/X
Шафаревич И Р 1977 **Социализм как явление мировой истории.** Paris YMCA-Press, 390 p
Швейцер А 1992 **Благоговение перед жизнью.** М Прогресс, 573 с
Ширков Д В (ред) 1980 **Физика микромира.** М Советская энциклопедия, 527 с
Шюре Э 1914/1990 **Великие посвященные.** Очерк эзотеризма религий Перевод с франц Калуга Типография губернской Земской Управы Репр СП «Книга Принтшоп», 1990, 419 с
Эллюль Ж 1986 Другая революция В сб **Новая технократическая волна на Западе.** М Прогресс, с 147–152
Ясперс К 1990 Духовная ситуация времени М ИНИОН АН СССР, 214 с (K Jaspers **Die geistige Situation der Zeit.** Berlin Leipzig Walter de Gruyter, 1932, 191 S)
Angebert J-M 1975 **The Occult and the Third Reich:** The Mystical Origins of Nazism and the Search for the Holy Grail New York McGraw-Hill, 336 p
Avrich P 1988 **Anarchist Portraits.** Princeton Princeton University Press, 316 p
Barrow J D and Tipler F J 1986 **The Anthropic Cosmological Principle.** Oxford Clarendon Press, 706 p
Barrow J D 1991 **Theories of Everything.** The Quest for Ultimate Explanation Oxford University Press, 223 p
Baynes K, Bohman J and McCarty T (eds) 1987 **After Philosophy, End or Transformation.** Cambridge The MIT Press, 488 p
Boden M 1977 **Artifical Intelligence and Natural Man.** New York Basic Books, 573 p

Bohm D 1987 **Unfolding Meanin.** A Week-end Dialogue with David Bohm London ARK Paperbacks, 177 p
Bulwer-Lytton E B 1979 **The Coming Race.** Santa Barbara, California Woodbridge Press, 128 p (первая публикация 1871 г)
Capra F 1983 **The Turning Point.** Science, Society and the Rising Culture Toronto Bantam Books, 464 p
Carr J 1985 **The Twisted Cross: The Occultic Religion of Hitler and the New Age Nazism of the Third Reich.** Lafayette Huntington House 310 p
Chalmel P 1989 **L'evolution'mythe et realites:** La question evolutionniste au regard de la science et de la philosophie aujourd'hui Paris Tequi, 155 p (Реферат № 91 03 008 В сб **Общественные науки за рубежом,** серия 3, № 3, 1991)
Chauvin R 1985 **La biologie de l'esprit.** Monaco Editions du Rocher, 220 p
Cherlin A 1991 Children of divorce at risk beforehand, study hints **New Science Bulletin,** v 16, № 12 8 p
— — **The Concise Oxford Dictionary of Current English.** 1980, 6 ed , Oxford, Clarendon Press, 1368 p
Davies P C W 1989 **The Cosmic Blueprint.** New Discoveries in Nature's Creative Ability to Order the Universe New York A Touchstone Book, 224 p
Davies P C W and Brown J (eds) 1989a **Superstrings: A Theory of Everything?** Cambridge Cambridge University Press, 234 p
Davies P C W and Brown J R (eds) 1989b **The Ghost in the Atom.** A Discussion on the Mysteries of Quantum Physics Cambridge Cambridge University Pess, 153 p
DeGroot M N & Mezzich J E 1985 Psychiatric Statistics In A C Atkinson & S E Fienberg (eds) **A Celebration of Statistics.** The ISI Centenary Volume New York Springer-Verlag, p 145–165
Delaney G 1988 **Living your Dreams.** Using Sleep to Solve Problems and Enrich your Life San Francisco Harper and Row, 259 p
Dunne B J and Jahn R G 1992 Consciousness, Randomnicity, and Information In Rubik B (ed) **The Interrelationship Between Mind and Matter.** Princeton The Center for Frontier Sciencies at Temple University, 281 p
D'Espagnat B 1991 **Reality and the Physicist.** Knowledge, Duration and the Quantum World Cambridge Cambridge University Press, 280 p (Originally published in French as Une Incertaine realite, 1985)
Dileo J 1990 Nerve Culture Offers New Tool for Scientist, Drug Companies **The Scientist** (The Newspaper for the Science Professional), v 4, № 14
Drogalina Zh 1990 Nalimov's Conception of Human Nature **ReVision,** v 12, № 3, p 19 29
Ellul J 1987 **Anarchie et Christianism.** Lion Atelier de Creation Libertaire, 124 p (Реферат М Р Гинзбург Д Эллюль Анархия и христианство, с 36 43 В сб **Зарубежные концепции истории и эволюции христианства.** М ИНИОН АН СССР, 170 с)
Farias V 1989 **Heidegger and Nazism.** Philadelphia, PA Temple University Press, 349 p
Ferry L and Renaut A 1990 **Heidegger and Modernity** (Translated from French by F Philip) Chicago/London The University of Chicago Press, 130 p
Garfield E 1986 The 250 Most-Cited Authors in the Arts & Humanities Citation Index (1976 1983) **Current Contents,** Social and Behavioral Sciences v 18, № 48, п 3 10

Goleman D 1988 **The Meditative Mind.** Varieties of Meditative Experience Los Angeles J P Tarcher, 214 p
Gigerenzer G, Swiytnik Z, Porter T, Daston L, Bentty J, Kiger L 1989 **The Empire of Charce.** How Probability changed Science and Everyday Life Cambridge Cambridge University Press, 340 p
Goudsblom J 1988 **The Domestication of Fire: An Irreversible Process?** Доклад на международном конгрессе "Geist und Natur", Hannover, 21–27 May
Graham A C 1985 **Reason & Spontaneity.** A New Solution to Problem of Fact and Value London Curzon Pess, 236 p
Grof S 1982 Nalimov V V Realms of the Unconscious The Enchanted Frontier **The J. of Transpersonal Psychology,** v 14, № 2, p 186 188
Grof S 1988 **The Adventure of Self-Discovery.** N Y State University of New York Press, 321 p
Harrison E 1985 **Masks of the Universe.** New York Macmillan, 306 p
Hegel G W F 1959 **Encyclopedia of Philosophy.** New York Philosophical Library, 284 p
Holm N G (ed) 1982 **Religious Ecstasy.** Stockholm Almqvist & Wiksell International, 306 p
Jager W 1987 **The Way to Contemplation. Encountering God Today.** New York Paulist Press, 144 p
Jahn R G and Dunne B J 1984 On the Quantum Mechanics of Consciousness with Application to Anomalous Phenomena **Appendix B. Collected Thoughts on the Role Consciousness in the Physical Representation of Reality.** Princeton Engineering Anomalies Research Laboratory, Princeton, N J, 86 p
Jahn R G and Dunne B J 1987 **Margins of Reality.** The Role of Consciousness in the Physical World San Diego etc Harcourt Brace Jovanovich, Publishers, 415 p
Jaspers K 1965 **Die Schuldfrage.** Zur politischen Haftung Deutschland Munchen Piper, 89 S
Jonas H 1958 **The Gnostic Religion.** The Message of the Alien God and the Beginnings of Christianity Boston Beacon Press, 302 p
Jones R S 1983 **Physics as Metaphor.** New York New American Library, 254 p
Jung C G et al 1964/83 **Man and His Symbols.** N Y A Windfall Book, 320 p
Kalinowski M W 1988 The Pogram of Geometrization of Physics Some Philosophical Remarks **Synthese.** An International J for Epistemology, Methodology and Philosophy of Science, v 77, № 9, p 129 138
Koslowski P (Ed) 1988 **Gnosis und Mystik in der Geschichte der Philosophie.** Zurich und Munchen Artemis Verlag, 408 S
Kuchinsky S 1985 **Systematics.** Search for Miraculous Management Charles Town (West Virginia) Claymont Communications, 271 p
Kung H 1974 **Christ sein.** Munchen Piper, 676 S
LaBerge S 1985 **Lucid Dreaming.** New York Ballantine Books, 304 p
LeShan L 1974/86 **How to Meditate:** a Guide to Self-Discovery New York Bantam Books, 210 p
Lovelock J 1988 **The Ages of Gaia.** A Biography of Our Living Earth New York, London Norton and Company, 252 p
Lukoff D and Lu F G 1989 Transpersonal Psychology Research Review Topic Computerized Databases, Specialized Collections and Archives **The J. of Transpersonal Psychology,** v 21, № 2, p 211 223
Maslow A H 1954 **Motivation and Personality.** New York Harper & Row
Maslow A H 1968 **Toward a Psychology of Being.** New York D Van Nostrand Company, 240 p

Maslow A 1969 The Farther Reaches of Human Nature Various Meanings of Transcendence **The J. of Transpersonal Psychology,** v 1, № 1, p 1–9 and p 56–66
Metzner R 1990 Germanic Mythology and the Fate of Europe **ReVision.** The Journal of Consciousness and Change, v 13, № 1, p 16 27
Michaelis A R 1990 Drugs Religion's Chemical Surrogates **Current Contents,** Social and Behavioral Sciences, v 22, № 50, p 6 12
Michie D 1985 Current Developments in Artifical Intelligence and Expert System **Zygon,** Journal of Religion and Science, v 20, № 4, p 375 389
Mindell A 1989 **The Year I. Global Process Work.** London Arkana, 160 p
Morris M 1987 **The Nature of Reality.** New York McGrow-Hill, 249 p
Naess A 1991 **Ecology, Community and Lifestyle.** Outline of an Ecosophy Cambridge Cambridge University Press, 223 p
Nalimov V V 1981 **Faces of Science.** Philadelphia ISI Press, 297 p
Nalimov V V 1982 **Realms of the Unconscious: The Enchanted Frontier.** Philadelphia ISI Press, 320 p
Nalimov V V 1985 **Space, Time and Life.** The Probabilistic Pathways of Evolution Philadelphia ISI Press, 110 p
Nalimov V V, Golikova T I, Granovsky Yu V 1985 Experimental Design in Russian Practice In A C Atkinson & S E Fienberg (eds) **A Celebration of Statistics.** The ISI Centenary Volume New York Springer-Verlag, p 475–496
Nalimov V V 1988 Geometrization of Fundamental Biological Concepts In Kull K & Tiivel T (eds) **Lectures in Theoretical Biology.** Tallinn Valgus, p 27 33
Nalimov V V 1989 Can Philosophy be Mathematized? Probabilistic Theory of Meaning and Semantical Architectonics of Personality **Philosophia Mathematica,** II, v 4, № 2, p 129 146
Nalimov V V 1992 Spontaneity of Consciousness An Attempt of Mathematical Interpretation of Certain Pato's Ideas In M E Carvallo (ed) **Nature, Cognition and System II.** Current Systems-Scientific Research on Natural and Cognitive Systems Vol 2 On Complimentarity and Beyond Dordrecht Kluwer Academic Publ, p 313 324
Neufeld A 1987 How far do You Trust Your Colleagues? **EASST Newsletter,** 1, 6 p 10 (Reprint from **New Scientist,** 15 January 1987)
– NIMH Study 15 per cent mentally ill in any month 1988 **Brain/Mind Bulletin,** v 14, № 3, p 1 3
O Brien J 1987 The Formation of Religious Consciousness in the Twenty-First Century In **Creating the Future of Mankind.** Proceedings of the First Yoko Civilization International Conference Japan, Yoko Civilization Research Institute, p 38 42
Pauwels L and Bergier J 1964 **Le Matin des Magiciens.** Paris Gallimard 640 p (Краткое изложение этой книги на русском Л Повель и Ж Бержье Какому богу поклоняется Гитлер **Наука и религия,** 1966, №№ 9 и 10, с 63 69 и с 82 89)
Penrose R 1990 The Black Hole of Consciousness In J Groen, E Smith, J Eijsvoogel (eds) **The Discipline of Curiosity. Science in the World.** Amsterdam Elsevier, p 117 123
Putnam G E 1977 **Russian Alternatives to Marxism.** Christian Socialism and Idealistic Liberalism in Twentieth-Century Russia Knoxville The University of Tennessee Press, 233 p
Quispel G (red) 1988 **Gnosis.** De derde component van de Europese cultuur-traditie Utrecht HES, 280 p
Ravenscroft T 1973 **The Spear of Destiny.** The Occult Power Behind the Spear Which Pierced the Side of Christ N Y Bantam Books 361 p

Walker S (ed) 1987 Speaking of Silence Christians and Buddhists on the Contemplative way New York Paulist Press, 327 p

Resnikoff H L 1974 Differential Geometry and Color Perception **Journal of Mathematical Biology,** v 1, № 2, p 97 131

Robinson J M (ed) 1981 **The Nag Hammadi Library.** San Francisco Harper & Row, Publishers, 493 p

Rombach H 1985 Philosophische Zeitkritik heute Der Gegenwartige Umbruch im Licht der Fundamentalgeschichte, S 2 16 In **Philosophisches Jahrbuch,** Halbband 1, 92 Jahrgang, 221 S

Rose P I 1990 **Revolutionary Antisemitism in Germany.** From Kant to Wagner Princeton Princeton University Press, 389 p

Roy R 1981 **Experimenting with Truth.** The Fusion of Religion with Technology, Needed for Humanity's Survival Oxford, New York Pergamon Press, 200 p

Schrodinger E 1920 Grundlinien einer Theorie der Farbenmetrik im Tagesehen **Annalen der Physik,** 63, 397 426, 427 456, 481 520

Seubold G 1986 **Heideggers Analyse der neuzeitlichen Technik.** Freiburg/Munchen Verlag Karl Alber, 343 S (Реферат С В Ознобкин Г Зойбольд Хайдеггеровский анализ техники нового времени, с 13 16 В сб **Общественные науки за рубежом,** серия 3 Философия и социология М ИНИОН АН СССР, 1988, № 3)

Shapiro D H, Jr and Walsh R N 1984 Meditation **Classic and Contemporary Perspectives.** New York Aldine de Gruyter, 722 p

Schelling H 1955 Advanced Color Geometry **Journal of the Optical Society of America,** v 45, № 12, p 1072 1079

Shirer W L 1959/1962 **The Rise and Fall of the Third Reich.** New York Simon and Schuster, 1599 p

Shor B 1992 Shared Dreeming Saying «see you in my dreams» may not be just poetry **Gnosis,** A Journal of Western Inner Tradition, № 22, Winter, p 36–42

——— Special Issue 1986 Gritical Questions about New Paradigm Thinking **ReVision,** The Journal of Consciousness and Change, v 9, № 1, p 1–104

Tillich P 1980 **The Courage to Be.** New Haven and London Yale University Press, 197 p

Vich M A 1990 The Origins and Growth of Transpersonal Psychology **J. of Humanistic Psychology,** v 30, № 2, p 47–50

Walker B G 1983 **The Woman's Encyclopedia of Myths and Secrets.** San Franciso Harper and Row, 1124 p

Walker S (ed) 1987 Speaking of Silence Christians and Buddhists on the Contemplative way New York Paulist Press, 327 p

Walsh R and Vaughan F (eds) 1980 **Beyond Ego.** Transpersonal Dimentions in Psychology Los Angeles J P Tarcher, 272 p

Wheeler J A 1983 On Recognizing «law without law» **American Journal of Physics,** 51(5), p 396 404

Wheeler J A 1988 World as System Self-Synthesized by Quantum Networking In E Agazzi (ed) **Probability in the Science.** Dordrecht etc Kluwer Academic Publishers, p 103–129

——— Where is the Eagle? 1990 **Solstice,** № 34, p 72

Wolf F A 1988 **Parallel Universes.** The Search for other Worlds New York Simon and Schuster, 351 p

Yagi Seiichi Ego-Oriented Civilization 1982 In **Creating the Future of Mankind.** Proceedings of the First Yoko Civilization International Conference Japan, Yoko Civilization Research Institute, p 36 38

Обращаем внимание читателей на неиспользованную нами книгу **Экологическая антология. Экологические произведения западных авторов.** 1992 М, Бостон Golubka, 268 p

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Аввакум, 186
Аверинцев, С 201
Адамар, Ж 71, 92
Анаксагор, 98
Андре-Венсан, Ф 176
Андреев, В И 156
Андреев, Д 71, 238
Андреев, Л 170
Антифонт, 107, 200, 211
Анц, А 37
Аристотель, 34, 57, 177
Ахундов, М Д 184

Б

Баженов, Л Б 184
Базаров, И П 20
Бакунин, М А 192, 203, 205
Барт, К 48, 178
Бейес, Т 57, 104, 110, 113, 115
Бекке, Р М 121, 124
Берберова, Н 174, 217
Берг, Л С 21, 39
Бергсон, А 111
Бердяев, Н 35, 36, 120, 170, 171, 172, 185, 196, 202, 203, 209
Бинсвангер, Л 38
Блаватская, Е 160
Блок, А 170, 188
Блохинцев, Д И 184
Бог, 192, 193, 197
Бор, Н 36, 184
Борн, М 93
Брауэр, Л Э Я 52
Брежнев, Л И 178, 179, 210
Бриджмен, П 36
Бройль, Луи де 36
Бронштэн, В А 184
Бруннер, Э 48
Бубер, Р 48
Булгаков, С 119, 120, 170, 172, 186, 224, 225
Бульвер-Литтон, Э (Bulver-Litton, E) 234
Бультман, 48

В

Вавилов, Н И 182, 183
Вавилов, С И 182, 183
Васильев, А 156, 157
Вейцзеккер, К 36
Вернадский, В И 39, 171, 174, 175, 176, 181, 223
Вернер, Г 36
Вигнер, Ю 36
Власов, А А 20
Волоцкий, И 186
Волошин, М 26, 203, 238
Волынова, Г 148
Восленский, М 205

Г
Гадамер, Х.Г. 34, 65
Гальцева, Р.А. 187
Ганди, М.К. 145
Гарфилд, Ю. 177, 178, 214
Гегель, Г.В.Ф. 34, 87, 113, 172, 173, 177, 178
Гёдель, К. 23, 37, 85, 86, 193
Гейзенберг, В.К. 36, 185, 222, 223
Гейтинг, А. 52
Гильберт, Д. 52
Гинзбург, Викт.Л. 183
Гинзбург, Вит.Л. 20,
Гитлер, А. 188, 225
Голикова, Т.И. 15
Горбачев, М.С. 178
Горький, М. 170, 176
Грановский, Ю.В. 15
Гроф, С. (Grof, S.) 38, 72, 73, 74, 76, 78, 121, 123, 126, 128
Грэхэм, Л.Р. 23, 184
Гук, С. 207
Гумилев, Л.Н. 136, 216
Гумилев, Н. 46, 76, 78, 193
Гуссерль, Э. 34, 98
Гюрджиев, Г. 120

Д
Дарвин, Ч. 17, 95, 128, 172
Деррида, Ж. 4, 178
Джемс, У. 38, 121, 126, 127
Джинс, Д. 36, 37
Джойс, Дж. 178
Дионисий Ареопагит, 28, 49, 98, 192, 193
Достоевский, Ф. 119, 146, 170, 202, 203, 208
Дрогалина, Ж.А. 44, 53, 57, 62, 69, 73, 74, 76, 100, 116, 121, 122, 164
Дудкин, В.Я. 177, 187

Е
Евклид, 106

Ж
Жбанов, Е. 155

З
Зверев, А. 152
Зеньковский, В.В. 120
Злобина, М. 176

И
Иейтс, У. 178
Иллеш, А. 147
Иоанн, Евангелист, 65, 66, 93
Иосиф Волоцкий, 186
Исаия, Пророк, 211
Иуда Искариот, 212, 213

К
Казютинский, В.В. 184
Камарин, А. 150
Канев, С.Н. 206, 207
Кант, И. 24, 34, 49, 50, 87, 88, 105, 106, 107, 109
Кантор, Г. 56
Карелин, А.А. 207
Каутский, К. 212
Кедров, Б. 24
Кеплер, И. 172
Керенский, А.Ф. 217
Князева, Е.Н. 94, 112, 115
Кожемяко, В. 149, 153
Колмогоров, А.Н. 103
Коперник, Н. 172
Красилов, В.А. 21, 39
Криптолей, 107
Кришнамурти, Дж. 76, 77
Кропоткин, П.А. 13, 39, 160, 203, 205, 206, 209, 235
Куайн, У. 40
Кудрявцева, Ю.Г. 202
Кузнецов, О.А. 164
Куприн, А. 170
Курдюмов, С.П. 94, 112, 115

Л
Лазарев, В.В. 115

Лейбниц, Г. В. 34
Ленард, Ф. Э. А. 185
Ленин, В. И. 24, 175, 177, 178, 179
Лилли, Дж. 72, 83
Лима-де-Фариа, А. 21, 39, 112
Логунов, А. А. 19, 20
Лосев, А. Ф. 107
Лука, Евангелист, 183, 201, 211
Лунев, В. 149, 150
Лурье, С. Я. 200, 211
Лысенко, Т. Д., 182
Любищев А. А. 39
Лютер, М. 59, 186

М
Майков, В. В. 91
Мандельштам, О. 71
Маритен, Ж. 187
Маркс, К. 173–175, 177, 178, 179, 181, 204, 210
Матфей, Евангелист, 179, 191, 200, 201, 202, 211, 213
Маяцкий, М. А. 195
Межуев, В. М. 209, 210, 214
Мейен, С. В. 39
Мерло-Понти, М. 158
Микиша, А. М. 174
Мончурова, Е. 147
Мотрошилова, Н. В. 227

Н
Налимов, В. П. 165, 224
Немцов, А. В. 147
Нечаев, А. К. 147
Нибур, Р. 48
Никитин, А. Л. 121
Николаев, Ю. 83, 121
Николай Кузанский, 27
Нил Сорский, 120
Ницше, Ф. 22, 23, 24, 97, 169
Новиков, Н. И. 238
Ньютон, И. 21, 172

О
Осокин, Н. 198
Островская, З. В. 69–83
Охрименко, В. 151

П
Павел, Апостол, 188, 191
Панов, М. И. 52
Паули, В. 36
Перевозский, Т. А. 53, 59, 130
Перовский, А. В. 127
Пирумова, Н. М. 209
Пифагор, 62, 94, 108
Планк, М. 36
Платон, 24, 34, 37, 62, 80, 89, 94, 98, 108, 177, 198, 199, 200, 227
Плотин, 34, 62, 98, 108
Попова, Н. 152
Попов, Ю. 145
Поппер, К. 17, 22, 29, 40, 95
Пугачев, Емельян, 208
Пятигорский, А. М. 70, 91

Р
Разин, Степан, 208
Райх, В. 176
Раушенбах, Б. 207
Редже, Т. 55
Рерих, Н. 120
Решетников, В. 150
Рогинский, Я. Я. 60
Розанов, В. 170
Розенберг, А. 224
Руткевич, А. М. 227

С
Савенкова, Ю. 154
Савонарола, Дж. 134
Сажин, М. Т. 205
Сартр, Ж. П. 34, 123, 176, 178
Сахаров, А. Д. 182
Свенцицкая, И. С. 67, 69, 105
Свирежев, Ю. М. 26
Северный, А. Б. 183
Сиэтл, Вождь племени Дуанов, 166
Смирнов, Б. Л. 119

Смирнов, К. 156
Соловьев, В. 119, 170
Солонович, А. А. 38, 212
Спиноза, Б. 34
Спиркин, А. 24
Сталин, И. В. 174, 175, 182, 188, 210
Станкевич, Б. В. 217, 218
Струве, П. 172
Субботин, М. М. 4

Т
Тарский, А. 37, 86
Тейар де Шарден, П. 39
Тикунов, В. 120
Тиллих, П. 48
Толстой, Л. Н. 59, 119, 137, 170, 186–188, 202, 203, 205, 208
Трофимова, М. К. 67, 69, 105, 221
Туган-Барановский, М. И. 172
Туровская, С. 151, 152
Тютчев, Ф. 220
Тьюринг, А. М. 86

У
Уатхед, А. 34
Уилбер, К. 38
Уотсон, Л. 112
Успенский, П. 120

Ф
Фейерабенд, П. 9, 13, 18, 30, 40, 161
Феофанов, Ю. 149
Фет, А. 71, 90
Филипп, гностик 67, 105
Флоренский, П. 119
Фома, гностик, 69, 221
Франк, С. 168, 171, 172, 173, 174
Франкль, В. 38, 127
Фрейд, З. 17, 38, 53, 91, 127, 177, 178
Фромм, Э. 188

Х
Хайдеггер, М. 34, 37, 48, 57, 65, 96, 133, 139, 171, 178, 190, 191, 194, 195, 227, 236
Хомский, А. Н. 177, 178
Христос, 78, 136, 188, 189, 192, 200, 201, 202, 212, 213, 225

Ц
Цветаева, М. 70
Цикора, С. 151
Цицерон, 177

Ч
Чайковский Ю. В. 39
Чёрч, А. 37, 86
Чехов, А. 170
Чугаев, С. 151

Ш
Шайн, Г. А. 183
Шафаревич, И. Р. 210
Швейцер, А. 141, 163, 232, 235
Шекспир, У. 177
Шеллинг, Ф. В. И. 115
Шестов, Л. 170
Ширков, Д. В. 56
Шпенглер, О. 33
Шрёдингер, Э. (Schrödinger, E.) 36, 37, 54, 59, 93
Штарк, И. 185
Штейнер, Р. 109, 171
Шюрэ, Э. 82, 121, 169

Э
Эддингтон, А. 36, 37
Элиаде, М. 113
Эйнштейн, А. 19, 36, 55
Элиот, Т. 178
Эллюль, Ж. (Ellul, J.) 187, 188, 196, 200, 234, 237

Ю
Юнг, К. Г. 38, 91, 126, 127, 132

Я
Яншин, А. А. 174
Ярошевский, М. Г. 127
Ясперс, К. 34, 38, 48, 226, 228, 233, 235

A
Angebert, J. M. 226
Armor, T. 123
Assagioli, R. 123, 126, 128
Avrich, P. 209

B
Barrow, J. D. 31, 36, 42, 84, 86, 94, 99, 113, 114
Baynes, K. 34, 96
Bentty, J. 109 (Gigerenzer, G. et al.)
Bergier, J. 226
Boden, M. 87
Bohm, D. 36, 135
Bohman, J. 34, 96
Boorstein, S. 123
Brown, J. 41, 109

C
Capra, F. 36
Carr, J. 226
Chalmel, P. 39
Chauvin, R. 21, 39
Cherlin, A. 153
Chinen, A. 123

D
Daston, L. (Gigerenzer, G. et al.), 109
Davies, P. C. W. 41, 42, 109
DeGroot, M. N. 14
Delaney, G. 47
D'Espagnet, B. 40
Dileo, J. 96
Dunne, B. 36, 44, 96, 229

E
Epstein, M. 123

F
Farias, V. 227
Ferry, L. 194, 227
Frankl, V. 127

G
Gigerenzer, G. 109
Goleman, D. 121, 123, 128
Goudsblom, J. 11, 194
Graham, A. C. 23

H
Hall, G. 128
Harrison, E. 27
Holm, N. G. 99
Horney, K. 128

J
Jäger, W. 78
Jahn, R. G. 36, 44, 96, 229 (Джан, P. 44)
Jonas, H. 27
Jones, R. S. 23

K
Kalinowski, M. W. 38, 53, 54, 55, 101, 130
Kapleau, P. 126
Kiger, L. (Gigerenzer, G. et al.), 109
Koslowski, P. 47
Kuchinsky, S. 32
Küng, H. 212

L
LaBerge, S. 99
Lassall, H. M. 75
LeShan, L. 70
Lovelock, J. 111, 113
Lu, F. G. 91
Lukoff, D. 91, 123

M
Maven, A. 123
McCarthy, T. 34, 96
Maslow, A. H. 117, 123, 126, 127, 128, 135, 218, 219
Metzner, R. 218, 219
Mezzich, J. E. 14
Michaelis, A. R. 147
Michie, D. 89
Mindell, A. 112, 113, 153, 167, 220, 233
Morris, M. 17, 18
Murphy, M. 123

N
Naess, A. 49, 111, 234
Neufeld, A. 16

O
O'Brien, J. 134

P
Pauwels, L. 226
Penrose, R. 86
Piaget, J. 128
Porter, T. (Gigerenzer, G. et al.), 109
Putnam, G. E. 186

Q
Quispel, G. 47

R
Ram Dass (Alpert) 123
Ravenscroft, T. 226
Renaut, A. 194, 227
Resnikoff, H. L. 60
Robinson, J. M. 221
Rogers, C. 128
Rombach, H. 195, 196
Rose, P. I. 227
Roy, R. 11

S
Selge, H. 128
Seubold, G. 133, 194, 195, 236
Shafranske, E. 129
Shapiro, D. N. Jr. 69
Shelling, H. 59
Shirer, W. L. 224, 226
Shor, B. 47
Skinner, B. 128
Spencer, G. 128
Sutich, A. 117, 123, 128
Swiytnik, Z. (Gigerenzer, G.), 109

T
Tart, C. 123, 128
Tipler, F. J. 31, 36, 94, 114

V
Vaughan, F. 72
Vich, M. A. 117

W
Walker, B. G. 132
Walker, S. 121, 132
Walsh, R. N. 69, 72, 123, 128
Weide, T. 123
Welwood, J. 123, 128
Wheeler, J. A. 33, 36, 61, 94, 103
Wilber, K. 123, 126, 128, 129
Wolf, F. A. 40

Y
Yagi Seiichi, 139

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Азиатская составляющая, 209, 210

Анархизм, 161, 163, 196, 200, 203, 205–209, 212, 234
мистический, 121

Архетип, 91, 193, 197, 211, 221

Б

Безумные идеи, 92, 179–182, 185, 223, 225–227

Бессознательное, 30, 132, 220–221, 223, 225, 229–230

Бюрократизация, 12, 157–164, 196

В

Вероятностная мера, 3, 24, 103–104, 108, 111
логика, 51–52, 57
описание, 63–64

Виновность (покаяние), 185, 226–227, 233, 238

Власть (владение), 169, 192, 194, 196–209, 217, 224
и христианство, 200–203, 213

Время, 26, 37, 77, 89, 107, 109, 110

Вселенная (миры, мироздание), 3, 23–24, 26–31, 40, 42–43, 47, 50, 56, 57, 60–65, 70, 80, 94, 98–99, 105, 107–108, 110, 113–115, 130, 143, 146, 154, 167, 170–171, 193–194, 197, 216, 218, 229–235, 238
мир живого, 131

Г

Гностицизм, 27–28, 47, 67, 69, 93, 105, 221

Государство, 145, 158, 161, 181–182, 192, 196, 198–200, 201, 203–204, 208, 226, 227, 234

Гуманистическая психология, 117, 125, 135, 169

З

Запредельное, 3, 50–51, 115, 139, 193, 230

И

Изначальность бытия, 61–62, 64

К

Коммунизм, 143, 174, 185, 198, 208, 223
и социализм, 210–211, 217–228, 236 и социальная справедливость, 144–145, 209–216

Компьютер, 26, 28, 43–45, 69, 83,

88–90, 96, 195, 229
в биологии, 25
Концептуальный полиморфизм, 17, 19–21, 95
Культура, 9–10, 32–33, 51, 58, 60, 69, 77, 81, 92–93, 96, 100–102, 110, 117, 132–135, 138, 139, 140, 143, 146, 159, 169, 172–173, 187, 194–195, 198, 222–223, 230–232, 234–235
наукометрический анализ, 177–179

Л
Логика, 31, 37
интуиционистская, 37, 52
критика традиционной логики, 52
логицизм парадигмы, 133
метрическая логика, 58, 87
множество логик, 86
ограничительные теоремы, 37, 85–86, 193
силлогизм Бейеса, 57, 86, 104, 110, 115

М
Математизация (нетривиальная), 24–26, 28, 31, 51, 100–101, 106, 110, 112
в биологии, 25–26
геометризация, 53–57, 59, 63, 69, 98, 106, 130
Медитация, 47, 69–83, 91, 100, 139, 164, 174
психоделики, 73, 75
Холотропная терапия, 73–74
Метафора, 20–21, 23, 43, 46, 80, 83, 89, 97
Механистичность мышления, 26, 29, 89, 98, 133, 168, 171–172, 237
Миф, 13, 19, 24, 80, 95, 113, 167, 169, 224, 230

Н
Наблюдатель, 16, 63–64, 97, 106
трансличностный (универсальный), 107, 109–111
Наука,
критика, 13–21, 29, 161, 171, 179–185
и незнание, 26–29, 95, 99, 134
и непроверяемость гипотез, 16–17, 19–21, 95
и овладение природой, 11, 13, 22–24, 29
познавательная сила, 22–24
и технический прогресс, 10–13, 32, 131, 133, 144, 146, 167, 169, 171, 194–196, 231, 234, 237

П
Потребность, 131–133, 135–138, 144
Прогноз, 21–22, 204, 235
Пространство, 71, 106, 109, 110

Р
Рациональное и иррациональное, 28–29, 84–102, 132–133, 218
и принцип дополнительности, 92–95, 99
Революция, 145, 168, 174, 178, 180, 188, 192, 196, 203, 205, 212–213, 217, 221
и Христос, 213
Религия, 24, 30, 31, 33, 35, 47–49, 59, 101, 125, 169, 170, 174, 179, 196–197, 200–203, 205, 211–213, 218, 224, 230, 237–238
инквизиция, 218–219
исихазм, 47, 120
сектантство, 120
социальная и философская несостоятельность, 185–193
церковь, 47–48, 133, 185, 189, 212
Романтизм, 136–138, 180, 197–198, 223

С
Самоорганизация, 30, 57, 103–115, 235
в биосфере, 111–112
во вселенной, 112–115
Свобода, 50, 57, 62, 138–139, 157, 164, 170, 193, 196–197, 209, 236
Семантика (семантический, -ое), вакуум, 58–61
исследование словарей, 92
семантические окна, 64
семантическое поле, 56–58
пространство, 46, 79–80
Синергетика, 94, 112, 114–115
Сложность, 103–104
Случай, 87–88, 94–96, 103, 110, 193
Смыслы, 5, 21, 29, 33, 48–50, 57, 61–62, 65, 71, 80, 132, 134, 146
Сознание, 5, 31–32, 42, 46–47, 52, 76, 78, 79, 105, 109, 171
трансличностное, 110
Земли, 113
квазисознание, 103, 105, 230
Социальное нездоровье,
аборты, 151–152
алкоголизм, 147
детская неполноценность, 152–153
заболевания, 151
наркомания, 147
низкая рождаемость (в России), 153
нищенство, 214
преступность, 149–151
психические аномалии, 147–148
самоубийства, 148
сиротство, 153
София, 119–120
Спонтанность, 3, 23, 29, 52, 63, 69, 89, 95, 103–104, 110, 115, 193, 197

Т
Тайна (мироздания), 3, 27–28, 31, 69, 110
Творчество, 29–30, 57–58, 89, 92, 103–115, 134, 144, 173, 204
Теология, 28, 48, 49, 187, 212
диалектическая, 48, 169
теизм, 49
Трансперсональное бытие, 230
Трансперсональная психология, 46, 90–91, 99, 116–130, 135, 164
наукометрический анализ, 122–130

У
Университет (вольный), 101, 236–237

Ф
Физика (в философском аспекте), 31, 33, 35–43
антропный принцип, 61, 94, 104, 114
ваккум физический, 55, 56
принцип дополнительности, 184
геометризация физики, 53–56, 130
геометризация цветного зрения, 59–60
квантовая механика, 40–41, 54, 56, 63–64, 71, 93, 109, 184
общая теория относительности, 19–20, 55
фундаментальные константы, 94, 104, 113, 114, 131
Философия, 33–34, 39
всеохватывающая, 52
встреча с духовным опытом, 46–47, 98
встреча с математикой, 51–56, 59, 106, 130
встреча с психофизическим экспериментом, 43–46

встреча с религией, 47–49
встреча с экологической катастрофой, 49–50
критика, 38, 144, 171–179
критика культуры, 236
критика эпохи, 194–196
постфилософия, 34, 96, 100, 144
пренебрежение проблемой культуры, 140, 232
сближение с мистическим опытом, 47, 98, 99
сближение с наукой, 35–42, 97
сближение с экспериментом, 96

Ч

Человек (личность), 10, 12, 29–33, 46, 48, 58, 69–70, 77, 79, 81, 98, 101, 106, 110, 117–118, 121, 143, 162, 177–179, 192, 194–196, 200, 216, 220, 222, 227, 228–231, 233–234, 236
комплексное изучение, 130
потребности, 131–139
Число, 24, 61, 65, 79–80, 105–110
и слово, 66
роль в мироздании, 98

Э

Эзотеризм, 81 82, 102, 169
Экология глобальная,
и комфорт, 10, 12, 133, 144, 153, 156
и напряженность жизни, 10, 145–146, 170, 215
на национальном уровне, 235
и перенаселенность Планеты, 153–155, 232
и симбиоз, 111
трудность прогноза, 21–22
и человек, 117, 146, 236
угроза биосфере, 155–157
экофилософия и экософия, 234
языческое прошлое, 165–167
Эксперимент,
неповторяемость, 29
планирование, 15–16
проверка, 16

Я

Язык, 24, 62–66, 85, 92
геометрических представлений, 53
неоднозначность языка, 52–53
цветового восприятия, 59–60

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 3
Введение 5

Часть I. **О ПУТЯХ РАСКРЫТИЯ СМЫСЛОВ** 7

Глава I. **Требование к изменению образа науки** 9
1. Есть ли перспектива для дальнейшего развития научно-технического прогресса? 10
2. Научна ли сама наука? 13
3. Обладает ли наука прогностической силой? 21
4. В чем познавательная сила науки? 22
5. Готовы ли к изменению своего курса науки, традиционно считающиеся индуктивными? 24
6. Раскрытие знания через научно аргументированное незнание 26
7. Наука – рациональна или иррациональна? 28
8. Проблема человека 29
9. Как возможно целостное видение Мира? 30
10. Завершение 32

Глава II. **Размышления о путях развития философии** . . . 33
1. Введение 33
2. Неизбежность встречи философии с наукой 35
3. Встречи с психофизическим экспериментом 43
4. Встреча с многообразием духовного опыта человечества 46
5. Встреча с конфессиональной религиозностью . . . 47
6. Встреча с надвигающейся катастрофой 49
7. Завершающие слова 51

Глава III. **Метафизика сознания.** Авторские комментарии к книге «Спонтанность сознания» *(соавтор Т. А. Перевозский)* 53

1. Введение: Роль полевых представлений в современной физике 53
2. Представление о семантическом поле 56
3. Семантический вакуум 58
4. Некоторые параллели в описании двух Миров – физического и семантического 61
5. Аналогия между преобразованием смыслов и процессом измерения в квантовой механике 63
6. Проблема наблюдателя 63
7. Взгляд в далекое прошлое 65
8. Заключение 66

Часть II. **МЕРЦАЮЩЕЕ НА ГОРИЗОНТЕ** 67

Глава IV. **Медитация – это то, что отличает человека от компьютера** *(соавтор – Ж. А. Дрогалина)* 69

Глава V. **Иррациональное в рациональном.** Силуэты вольного Университета 84
1. Реабилитация иррационального 84
2. Иррациональное – рациональное как взаимодополняющие начала 92
3. Возможный путь развития постэкзистенциалистской синтетической философии 95

Глава VI. **Самоорганизация как творческий процесс.** Философский аспект 103
1. Введение 103
2. Упорядочивающая роль сознания 105
3. Обобщение представления об упорядочивающих фильтрах сознания 109
4. Самоорганизация в биосфере 111
5. Самоорганизация в космическом масштабе 112
6. Осознающая себя Вселенная (Заключение) 115

Глава VII. **Трансперсональное движение: история и перспектива** *(соавтор – Ж. А. Дрогалина)* 116
1. Новое видение природы человека 117
2. Готова ли наша страна принять участие в поиске нового видения человека? 119
3. Наукометрический анализ "JTP" 122
4. Заключение 129

Глава VIII. **Навстречу XXI веку.** Критический анализ потребностей 131

Часть III. **НА ИЗЛОМЕ КУЛЬТУРЫ: НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ И РАЗМЫШЛЕНИЯ О НИХ** 141

Глава IX. **Критический анализ сложившейся ситуации** . . . 143
1. Введение: суперматериализованный мир 143
2. Статистика социального нездоровья высокоразвитых стран 146
3. Угроза от нарастающей перенаселенности Планеты 153
4. Угроза биосфере 155
5. Угроза обществу от бюрократизации 157
6. Как было встарь 165

Глава X. **Критика основания культуры** 168
1. Восхождение мировоззренческого примитивизма 169
2. Несостоятельность философского противостояния 172
3. Мировоззренческая несостоятельность науки . . . 179
4. Социальная и философская несостоятельность русской конфессиональной религиозности 185
5. Покорение человека техникой 194
6. Власть и противостояние ей 196
7. Устремленность к социальной справедливости 209

Глава XI. **В поисках целостного образа человека** 216
1. Краткий экскурс в историю 216
I. Загадка русской революции 217
II. Загадка немецкого национал-социализма . . . 221
2. Вселенское обитание человека 228

Глава XII. **Открыт ли путь для выживания нашей культуры?** 232
1. Историческая справка 232
2. Наша позиция 235

Литература 239

Именной указатель 249

Предметный указатель 256

Приложение 262

ПРИЛОЖЕНИЕ

Душа моя – элизиум геней.

Ф. Тютчев

Вниманию читателей предлагаются работы художника А. Дьячкова, иллюстрирующие текст IV главы.

Художник сотрудничал с нами более 10 лет, принимал участие в экспериментальной работе по изучению глубинных уровней сознания средствами направленной медитации* [Nalimov, 1982], нашел свой язык и творческий метод, назвав его «трансперсональным символизмом».

Работа в глубинах сознания связана с переживаниями, часто выходящими за пределы биографического опыта. Этот «выход за пределы» и отражен в названии метода.

Предлагаемые иллюстрации – один из вариантов «путешествий» во внутренних пространствах, в глубинах нашей души, на дне которой «гудит незримый Китеж».

Это одна из попыток сделать его зримым.

И пусть кругом грохочут глухо громы,
Пусть веет вихрь сомнений и обид,–
Явь наших снов земля не истребит!

* * *

Мы шелком душ, как ризами одеты,
Нам ведом день немеркнущих ночей,–
Полночных солнц к себе нас манят светы.

М. Волошин

---

* Работа проводилась под руководством Ж. А. Дрогалиной.

В. В. Налимов

В ПОИСКАХ ИНЫХ СМЫСЛОВ

Редактор *И. И. Блауберг*

Художник *В. К. Кузнецов*

Художественный редактор *Г. А. Семенова*

Технические редакторы *Т. И. Юрова, С. Л. Рябинина*

ИБ № 19639
ЛР № 060775 от 25.02.92.
Сдано в набор 12.02.93. Подписано в печать 04.10.93.
Формат 84 × $108^{1}/_{32}$. Бумага офсетная. Гарнитура таймс.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,7. Усл. кр.-отт. 18,48.
Уч. изд. л. 13,70. Тираж 10 000 экз. Заказ № 154. С 191. Изд. № 48965.

А/О «Издательская группа «Прогресс»
119847, Москва, Зубовский бульвар, 17

Можайский полиграфкомбинат Министерства печати и информации
Российской Федерации.
143200, Можайск, ул. Мира, 93